

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ТАГИЛЬЦЕВА Юлия Ринатовна

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
И ТОНАЛЬНОСТЬ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ**

10.02.01– русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Руженцева Н.Б.

Екатеринбург – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС И ЕГО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА.....	11
1.1. Специфика политического дискурса.....	11
1.2. Особенности Интернет-дискурса.....	16
1.3. Особенности политического Интернет-дискурса.....	18
1.4. Теоретические аспекты изучения категории жанра.....	20
1.5. Жанровый корпус газетной публицистики.....	24
1.6. Жанровая специфика Интернет-газеты.....	28
Выводы по первой главе.....	31
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ТОНАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИ- ЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ.....	32
2.1. Формы выражения субъекта речи и категория «образ авто- ра» («авторский голос») как структурообразующий фактор публицистиче- ского текста	32
2.2. Субъективная модальность как текстообразующая категория	38
2.3. Тональность как текстообразующая категория.....	52
Выводы по второй главе	57
ГЛАВА 3. СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ТОНАЛЬ- НОСТЬ КАК СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ.....	58
3.1. Субъективная модальность как средство манифестации отношения автора к действительности.....	58
3.2. Субъективная модальность и голос автора в политических Интернет-текстах.....	88

3.3. Категория тональности как средство выражения авторской эмоциональности.....	98
Выводы по третьей главе.....	107
ГЛАВА 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ТОНАЛЬНОСТИ В ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА.....	108
4.1. Субъективная модальность и тональность в проблемной политической статье.....	108
4.2. Субъективная модальность и тональность в аналитической статье.....	119
4.3. Субъективная модальность и тональность в политическом портрете.....	127
4.4. Субъективная модальность и тональность в политическом журналистском расследовании.....	137
4.5. Субъективная модальность и тональность в политической статье с элементами памфлета.....	141
4.6. Субъективная модальность и тональность: взаимодействие категорий и образ героя политического портрета.....	151
Выводы по четвертой главе.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	163
ПРИЛОЖЕНИЯ	187

ВВЕДЕНИЕ

В связи с активизацией общественной жизни в России со второй половины 1980-х г. в лингвистике наблюдается тенденция, связанная с усилением интереса к политическому дискурсу. Объектами дискурсивного описания стали политические предвыборные тексты, речи и выступления политических деятелей, их биографии и другие формы, способствующие возникновению особого взгляда на действительность.

Исследователями не раз отмечался тот факт, что язык обладает особой воздействующей силой, способной «в какой-то степени решить или, наоборот, создать и заострить социальную проблему» [Шейгал 2000:7]. Поэтому регулятивная функция текста обращает на себя внимание не только лингвистов, но и журналистов, и политологов.

Актуальность работы связана с тенденцией активного изучения проблемы «субъекта речи» в политических текстах, размещенных во всемирной электронной информационной сети Интернет, так как сама проблема новых электронных СМИ обуславливает специфику функционирования материала (текстов) и особенности выражения авторского присутствия. Весь спектр проблем, связанных с изучением «образа автора», «субъекта речи», «авторского «я» являлся объектом пристального исследования и лингвистов, и литературоведов. В работах М.М. Бахтина, Н.С. Валгиной, В.В. Виноградова, Е.И. Журбиной, М.Н. Кима, Б.О. Кормана, Л.М. Майдановой, Г.Я. Солганика, В.Н. Топорова, Б. Успенского и др. подробно рассматривается специфика данной категории. При этом преобладает исследование авторского «я» в художественной речи, и не так много работ посвящено изучению данной категории в публицистических текстах, в том числе в публицистических Интернет-текстах политического характера. Отсюда исследование одного из аспектов репрезентации авторской индивидуальности (субъективной модальности и тональности) в текстах Интернет-газеты, которая вызывает живой интерес не только у исследователей, но даже у самих специалистов-газетчиков из-за своей бинарной

природы, является актуальным и в связи с интересом к проблеме Интернет-сообщений, и в связи с ее малой изученностью.

Субъект речи является неотъемлемым компонентом текста и реализуется посредством целого репертуара языковых и речевых средств, в том числе субъективной модальности и текстовой тональности. Данные категории способствуют выражению коммуникативной стратегии автора, направленной на приобщение адресата к авторскому мироощущению.

Категория модальности (субъективной модальности) определяется большинством исследователей «как оценочное отношение автора к изображаемому», которое «распространяется только на те текстовые фрагменты, в которых обнаруживается присутствие автора» [Ильенко 1988:14]. Тональность, в свою очередь, можно рассматривать, как категорию, «которая совершается именно при создании текста путем выбора говорящим (или пишущим) определенных языковых средств, в которых «запрограммирован» эффект экспрессивности» [Телия 1986:54]. Эти категории взаимосвязаны и способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, художественного кредо, эмоционального настроения.

Материалом данного исследования стали политические Интернет-тексты, поскольку они отличаются повышенной субъективностью, раскованностью стиля и «остротой» языка. Такие Интернет-тексты свидетельствуют не только об эксплицитном присутствии автора, но и о высокой воздействующей направленности текста, способствующей формированию читательских умозаключений. Это объясняется прежде всего тем, что Интернет «перестал быть некоммерческим развлечением для группы энтузиастов и превратился в среду, пригодную для СМИ» [Бессуднов, Дугаев 2001]. Интернет представляет собой огромную разветвленную сеть серверов, которые невозможно ангажировать, что характерно для многих печатных СМИ. Поэтому в Сети царит дух демократии, что благоприятствует развитию Интернет-газет с их видением действительности. А в связи с повышенным интересом общества к политической жизни страны огромное количество страниц Интернет-газет посвящено критическому

анализу значимых политических проблем. Поэтому политические Интернет-тексты, на наш взгляд, дают возможность изучить лингвалитет общества в соответствии с быстро меняющейся действительностью.

Предметом данного исследования является репертуар языковых и речевых средств выражения субъективной модальности и тональности.

Объектом исследования являются функции субъективной модальности и тональности как важнейших средств репрезентации авторского присутствия в Интернет-тексте.

Объект и предмет работы определяют ее **цель** - выявить специфику функционирования языковых и речевых средств манифестации категорий субъективной модальности и тональности в политическом Интернет-тексте.

Данная цель реализуется в решении следующих конкретных **задач**:

1. Охарактеризовать специфику политического Интернет-дискурса, уточнить особенности Интернет-текстов политического характера
2. Выявить репертуар языковых и речевых средств манифестации субъективной модальности и тональности и уточнить иерархию этих средств.
3. Выявить функции категорий субъективной модальности и тональности в ряде жанровых разновидностей политических Интернет-текстов.
4. Охарактеризовать роль субъективной модальности и тональности в выдвигании прагматически значимой информации, релевантной для избранных жанров.
5. Вскрыть соотношение между фактором адресата и выбором средств субъективной модальности и тональности.

Основные методы исследования, использованные в диссертации, - дискурсивный (лингвопрагматический) анализ, лингвостилистический и контекстуальный анализ. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления.

Материалом исследования послужили публицистические тексты, взятые из Интернет-газет «Навигатор», «Иностранец», «Независимая издательская группа», «Sayasat. kz», «Gazeta. Ru», «News.GE», «Русский журнал», «Советский Союз». В ходе исследования были рассмотрены 43 политических текста, опубликованных в Интернете за последние 7 лет. Тематикой таких Интернет-текстов является политическая жизнь России и стран СНГ (Украины, Белоруссии и Казахстана).

Научная новизна исследования связана с системным исследованием средств манифестации субъективной модальности и тональности на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях Интернет-текста, с выявлением наиболее продуктивных средств манифестации этих текстовых категорий, а также с характеристикой специфики функционирования последних в ряде разновидностей политического Интернет-текста.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что анализ и системное описание языковых и речевых средств манифестации субъективной модальности и тональности соотнесены с воплощением авторского «я» в политическом политическом Интернет-тексте. Уточнена иерархия средств манифестации данных текстовых категорий, обоснована и охарактеризована зависимость репертуара языковых, речевых и текстовых средств манифестации субъективной модальности и тональности от вида политического Интернет-текста.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования его материалов в практике преподавания курсов «Теория и практика массовой информации», «Теория и практика массовой коммуникации», а также элективных курсов для студентов, обучающихся по специальностям «Журналистика», «Связи с общественностью».

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Ведущие теоретические положения и исследования были представлены автором в виде докладов на межвузовской научно-практической конференции

студентов и соискателей «Философия и наука» (Екатеринбург, 2003), на международных научных конференциях «Современная политическая лингвистика» (2003), на федеральной научной конференции «Лингвистика XXI века» (Екатеринбург, 2004) и межвузовской научной конференции «Риторика и лингвокультурология», посвященной юбилею Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, 25-26 ноября 2005 г).

По теме диссертации опубликовано 6 работ:

1. Категория субъективной модальности в жанре очерка // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12 – С. 177-183.
2. Категория субъективной модальности как средство воплощения авторской позиции (на материале газетного очерка) // *Lingvistica JUVENIS*: Сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск IV / Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2004. – С. 185-192.
3. Категория тональности в жанре очерка // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14 – С.179-186.
4. Реализация модального значения уверенности/неуверенности в жанре очерка (на материале политических очерков) // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 183-185.
5. Субъективная модальность как средство перевода факта в суждение // Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской научной конференции, посвященной юбилею Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, 25-26 ноября 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 103-105.
6. Субъективная модальность и тональность в проблемном политическом тексте // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – Т. 18 – С. 122-134.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, выносимые на защиту.

1. Политический Интернет-дискурс представляет собой синкретичное явление, так как в основе его лежат «инструментальная» функция политического дискурса и возможности Интернета, что способствует выполнению конкретных коммуникативных задач (передача информации и воздействие на сознание читателя).

2. Тексты политического Интернет-дискурса отличает повышенная степень субъективности, даже по сравнению с газетной публицистикой, что обусловлено природой их бытования и более свободной формой существования в Интернете. Поэтому особое внимание уделяется субъекту речи, который является основным «двигателем» развития мысли. Выявлению различных форм авторского присутствия, авторского «я», средств создания «образа автора» в тексте способствует исследование текстовых категорий субъективной модальности и тональности.

3. Категория тональности способствует в Интернет-тексте созданию определенного эмоционального настроения, индивидуализации образа автора и способствует формированию читательских умозаключений.

4. Модальные средства способствуют выражению в политическом Интернет-тексте авторской концепции, индивидуальной «картины мира» пишущего. Языковые средства субъективной модальности образуют полевою (ядерно-периферийную) структуру. Доминирующими средствами выражения субъективной модальности являются морфологические (личные местоимения, модальные слова); они взаимодействуют с лексикой и синтаксическими конструкциями.

Сказанное выше определяет **структуру** диссертационной работы.

Во **введении** определены предмет, объект, цель и задачи, материал и методы исследования, его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, а также представлена структура диссертации.

В **первой главе** рассматривается специфика политического дискурса и Интернет-дискурса и характеризуется политический Интернет-дискурс как их продукт взаимодействия. Кроме того, в главе выявлены особенности Интернет-

газет, уточнена специфика жанрового корпуса текстов, соотносимых с политическим Интернет-дискурсом.

Вторая глава посвящена проблеме способов и средств выражения «субъекта речи» в публицистическом тексте, в том числе в Интернет-тексте, а также уточняются теоретические основы исследования и методологический подход к описанию категорий субъективной модальности и тональности.

В третьей главе описан репертуар языковых и речевых средств манифестации субъективной модальности и тональности в политическом Интернет-тексте.

В четвертой главе исследуется специфика функционирования средств манифестации категорий субъективной модальности и тональности в ряде жанровых разновидностей политического Интернет-текста.

В заключении отражены основные результаты исследования и намечены дальнейшие перспективы изучения субъективной модальности и тональности в Интернет-текстах, посвященных политической жизни общества.

В приложении представлены пять политических Интернет-текстов, которые послужили материалом для анализа в данной диссертации.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС И ЕГО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА

Основная задача данной главы диссертационного исследования – охарактеризовать специфику политического Интернет-дискурса.

Для решения поставленной задачи необходимо:

- во-первых, определить место политического Интернет-дискурса в системе политического дискурса;
- во-вторых, определить место онлайн-журналистики в системе всего комплекса СМИ;
- в-третьих, уточнить жанровые доминанты в политической Интернет-публицистике.

1.1. Специфика политического дискурса

В политической науке «политическое» принято рассматривать как некую «определенную объективную данность, особую сферу общественной жизни, находящуюся на дистанции от других сфер (экономической, социальной и др.)» [Лефор 2000:10]. По мнению Е.И. Шейгал, политический мир «охватывает широкий диапазон явлений: в него входят политические сообщества людей, политические субъекты (агенты), институты и организации, нормативные подсистемы, традиции и ритуалы, методы политической деятельности, политическая культура и идеология, средства информации и пр. Все элементы поля политики так или иначе опосредованы дискурсом, отражаются в дискурсе, реализуются через дискурс...» [Шейгал 2000: 24].

В связи с этим обратимся к термину «дискурс». Дискурс предстает многозначным термином-понятием, которое отражает явление, изучаемое многими гуманитарными науками (лингвистикой, литературоведением, социологией, философией и др.) и трактуется по-разному в соответствии с целями и задачами этих наук. Одними исследователями дискурс рассматривается как «речь, погруженная в жизнь» [Н.Д. Арутюнова 1990:137], другими – как реальное рече-

вое событие, «текучая речевая деятельность в данной сфере» [Дымарский 1997:106], третьи ассоциируют данный термин со звучащей, устной речью. По мнению Е.И. Шейгал, дискурс – «системы коммуникации, имеющей реальное и потенциальное (виртуальное) измерение. В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [Шейгал 2000:11].

Сказанное обусловило принятое в работе понимание дискурса как речевого общения, которое предполагает наличие адресанта (говорящего или пишущего) и адресата (слушателя или читателя). Последний, в свою очередь, может быть как непосредственным участником ситуации общения (слушатель), так и предполагаемым получателем информации (потенциальный читатель).

Политический дискурс является одним из важнейших терминов политической лингвистики, «важной задачей которой является исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией и политическим состоянием общества в конкретные исторические периоды» [Чудинов 2003:4]. По мнению А.П. Чудинова, в содержание политического дискурса должны входить «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов 2003: 18]. Этими компонентами являются и другие тексты, и политические взгляды автора, и задачи, которые он ставит перед собой при создании текста, и политическая ситуация, в которой создается сам текст. Политический язык манифестируется прежде всего средствами массовой коммуникации, т.к. именно они способствуют «раскручиванию» политической деятельности партии, объяснению сложившейся политической ситуации в стране и в мире и т.д.

Ведущей регулятивной функцией политического дискурса, по мнению Е.И. Шейгал, является «его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение)» [Шейгал 2000:35]. Кроме того, в рамках этой «инструментальной» функции исследователем выделяется ряд других: 1) социальный контроль (манипуляция общественным сознанием); 2) легитимизация власти (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов); 3) воспроизведение власти (укрепление приверженности системе); 4) ориентация (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума); 5) социальная солидарность (интеграция в рамках социума); 6) социальная дифференциация (отчуждение социальных групп); 7) агональная (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей); 8) акциональная (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения); 9) распространение информации; 10) проекция в прошлое и будущее; 11) креативная (такое положение дел, при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым); 12) магическая. Все это непосредственно влияет на содержание и форму того или иного политического текста.

Основной содержательный признак политических текстов – «это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества. Целевой признак политического характера текста – это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [Чудинов 2003:8].

Особенность политического дискурса заключается в том, что говорящий (пишущий) является активно действующим, так как его основная задача заключается в том, чтобы как можно больше убедить слушателей (читателей) в ис-

тинности своей позиции. По мнению А.Ю. Мазаева, «дискурс политика всегда имеет ярко окрашенный эмоциональный характер, так как целью подобных выступлений является убеждение слушающих, что требует подбор и использование специальной лексики. Важно отметить, что, специально ориентируясь на широкую аудиторию, политик использует искусственно созданный дискурс, не свойственный ежедневному внеаудиторному общению» [Мазаев /<http://www.ostu.ru/>].

Для политического дискурса характерны следующие языковые особенности (признаки):

- **клише и штампы** используются в политическом дискурсе для того, чтобы вызвать в сознании слушателей существующие стереотипы, сделать информацию сжатой, более доступной для понимания;

- **аксиологическая (оценочная) лексика** является в политическом дискурсе своеобразным центром притяжения, акцентирующим внимание и воздействующим на сознание читателя. По мнению В. Малеевой, в политическом дискурсе метафора часто встречается «в связи с трудностями выражения коннотативных значений. Язык политики является сферой применения выражений с семантикой конфликта, весь экспрессивный вокабуляр и метафорика которых развились из образа вооруженной борьбы». В своей книге «Власть и ее метафоры» Франческа Риготти /1994/ выделяет следующие функции политической метафоры: 1) орнаментальную; 2) эвкативную /вызывает в сознании ситуации, лично затрагивающие читателя;/; 3) конститутивную/ метафора как составная часть политического тезиса/. Представленные функции являются второплановыми по отношению «к основной функции политической метафоры – быть эвфемизмом в зачастую грубой и неприглядной политической борьбе» [Малеева /<http://www.vestnik.ru/>].

- **терминологические дефиниции** способствуют созданию более сложных, разветвленных определений терминов и дают возможность насыщать их новыми смысловыми оттенками. Таким образом, появляется возможность чет-

ко определить смысловую наполненность политического термина [Бушев 2004].

Кроме того, некоторыми исследователями отмечается, что для современного политического дискурса характерно наличие экспрессивных языковых элементов, содержащих в своей семантике обиду, злость, иронию и сарказм. «Эта экспрессия связана с десакрализацией ритуала, с переоценкой идеологических ценностей, с разоблачением лексических фантомов» [Малеева / <http://www.vestnik.ru/>].

Все вышеназванные языковые феномены, наличествующие в тексте, являются типичными показателями текстов в рамках политического дискурса. Поэтому при анализе политического дискурса лингвисты должны учитывать «как экстралингвистические факторы (обстоятельства, сопровождающие описываемые в тексте события, фон, поясняющий эти события, оценка участников события), так и собственно лингвистические факторы (фонетический строй текста, грамматические, лексические особенности текста)» [Маклецова <http://www.vestnik.ru/>].

Политический текст может соотноситься с разными жанрами. Так, А.П. Чудинов перечисляет наиболее частотные жанры политической речи: к малым (по объему) относятся лозунг, слоган, речевка; к средним – выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.; к крупным – партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др. По мнению таких исследователей, как Е.И. Шейгал, И.С. Маклецова, политический дискурс тесно связан с публицистикой. На сегодняшний день мы наблюдаем следующую тенденцию – «политики все реже общаются напрямую с населением, и все чаще делают это через средства массовой информации» [Шейгал 2000:25]. Печатные СМИ дают возможность читателю неоднократно возвращаться к интересующей информации, анализировать и сопоставлять ее с уже ранее известным материалом. Письменный текст, имеющий непосредственное отношение к какой-либо политической личности или ситуации и способный влиять на читательское сознание, является продуктом политического дискурса.

«Любой материал в средствах массовой информации, в котором речь идет о политике и автором которого является политик или, наоборот, адресованный политику, следует относить к полю политического дискурса» [Шейгал 2000:26].

Таким образом, политический (публицистический) текст создается для того, чтобы охарактеризовать наметившиеся (или потенциальные) явления, происходящие в политической сфере, понять их суть, дать им авторскую оценку, указать пути логического завершения или разрешения конкретной политической ситуации.

1.2. Особенности Интернет-дискурса

Конец XX века ознаменовался тем, что в жизнь большинства людей вошел Интернет. Он стал неотъемлемой частью современной цивилизации, поскольку является центром сосредоточения любой информации, хранилищем и распространителем ее. Именно с появлением этого «феномена жизни» в лингвистике сравнительно недавно возникла проблема «язык и Интернет».

Прежде всего, Интернет притягивает внимание многих исследователей тем, что он представляет собой множество областей общения, не связанных между собой и функционирующих автономно. В результате язык Интернета по своей природе разнороден, что приводит и к разнородности жанров, используемых в различных формах Интернет-общения. По мнению Л.Ю. Иванова, все сетевые жанры можно подразделить на три различных группы: 1) жанры других функциональных разновидностей языка, действующих в сети без видимых изменений; 2) традиционные, адаптированные в сети и представленные в измененной форме; 3) исконно сетевые жанры. Так, к жанрам первой группы относятся научные, публицистические тексты, произведения художественной литературы и т.д., особенность которых заключается в том, что они бытуют в сети в своей неизменной форме, без каких-либо трансформаций. Ко второй группе принадлежат жанры печатных СМИ. Исконно сетевые жанры могут формироваться под влиянием условий Интернет-общения (чаты, опросы, анкеты, дискуссионные группы и т.д.). Следовательно, Интернет-дискурс «обслуживает

целый спектр коммуникативных целей, некоторые из которых могут быть достигнуты только в рамках языка электронных средств коммуникации» [Иванов 2003:791].

Своеобразие языкового облика сетевых заимствованных жанров проявляется в том, что они написаны в соответствии с требованиями, предъявляемыми литературной нормой к текстам письменных разновидностей, хотя иногда встречаются незначительные отклонения (например, знаки препинания поставлены не в соответствии с правилами русской пунктуации).

Особый интерес у лингвистов вызывают разговорные сетевые жанры, поскольку именно в них отражается все своеобразие языка Интернета. Многими исследователями (Л.Ф. Компанцевой, Д.Р. Валиахметовой, Л.Р. Дускаевой, О.В. Протопоповой, Л.Ю. Ивановым и др.) отмечается, что «языковые средства отличаются определенными лексическими и грамматическими характеристиками, пусть не всегда уникальными (наблюдается сходство, например, с некоторыми языковыми характеристиками публицистического стиля), но достаточно четко дифференцированными, и образующими единый прагматический комплекс» [там же:792].

Так, для языка Интернета характерно:

- наличие специальных пиктограмм, заменяющих невербальные средства общения; к ним относятся прежде всего смайлики, передающие различные чувства говорящего в виде тех или иных забавных рожиц, заглавных букв, символизирующих повышение голоса и др.;
- наличие нейтральных средств литературного языка;
- использование нелитературных средств языка, что сближает его с языком публицистики;
- широкое распространение сокращений;
- образование неологизмов по продуктивным словообразовательным моделям (аффиксация, усечение, универбация, калькирование, прямое заимствование без изменений);

- появление новых слов под влиянием технического (компьютерного) жаргона;
- наличие ономастической лексики с повышенной экспрессией;
- активное использование форм императива 1 лица единственного числа вместо формы вежливости во втором лице множественного числа;
- тяготение к аграмматизму (отклонению от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка);
- эмоциональный синтаксис.

Таким образом, можно утверждать, что:

- во-первых, язык Интернета включает в себя языковые средства различных функциональных стилей (публицистического, разговорного, художественного);
- во-вторых, для Интернет-дискурса характерны как нейтральные, так и нормативные языковые единицы;
- в-третьих, язык Интернета невозможно вместить в рамки одного из функциональных стилей, поскольку он представляет собой гибридный продукт этих взаимосвязей, а полистилизм является одним из его основных признаков;
- в-четвертых, Интернет предназначен для массового человеческого общения, отсюда в сети размещается множество монологических текстов, которые, в свою очередь, являются живыми, непосредственными откликами на те или иные сообщения и стимулами для последующих. Это, в конечном счете, приводит к возникновению непрерывного виртуального диалога;
- в-пятых, в результате непосредственного контакта человека и компьютера (машины), у адресата создается впечатление прямого общения, зачастую более живого и интересного, чем непринужденный устный диалог.

1.3. Специфика политического Интернет-дискурса

Политический Интернет-дискурс – это синкретичный продукт, возникший в результате слияния двух дискурсов – политического и собственно Интернет-дискурса. В результате политический Интернет-дискурс обладает рядом

специфических признаков. От собственно политического дискурса политический Интернет-дискурс унаследовал следующие свойства:

- политическую тематику, которая отражает деятельность той или иной политической группы, того или иного политика;

- характерные свойственные политическому дискурсу функции. Ведущую роль играет распространение информации, поскольку на современном этапе Интернет стал для многих основным средством получения информации. К другим функциям можно отнести: а) формирование конкретных политических реалий; б) выражение несогласия и протеста против действия властей; в) манипуляцию общественным сознанием; г) магическую функцию;

- эмоционально окрашенный воздействующий характер текста;

- критический пафос, поскольку одна из задач Интернет-текстов – давать оценку действиям власти;

- языковые средства, характерные для политического дискурса (штампы, клише, эмоциональную лексику, термины).

Однако политический Интернет-дискурс менее ангажирован, чем дискурс иных СМИ, поэтому политические Интернет-тексты отличаются большей демократичностью и свободой выражения мнения.

В целом по своей природе Интернет-дискурс является демократическим массовой средством информации и коммуникации, поскольку он доступен всем заинтересованным лицам. «По сравнению с другими средствами массовой информации Интернет в исключительной степени препятствует тому, чтобы у кого-либо появилась возможность монополизировать процесс распространения информации» [Юдина 2003: 402]. Таким образом, у говорящего (адресанта) появляется возможность «без страха и упрека» высказать свою точку зрения, часто не бесспорную.

Интернет дает возможность поместить информацию в неограниченном объеме. «Переход от одного уровня информации к другому может стать продолжительным процессом, который во многих случаях не предполагает завер-

шения <...> поскольку в Сети происходит постоянное обновление данных и пополнение страницы оперативной информацией» [Юдина 2003:403].

Интернет дает широкие возможности создания виртуального диалога, в результате чего происходит изменение фактора адресата. Так, если в политическом дискурсе адресант обычно активен, адресат более пассивен, то в политическом Интернет-дискурсе оба участника коммуникации являются активными. Теперь у адресата появляется возможность вступить в контакт с адресантом: высказать свое отношение к той или иной проблеме посредством электронного письма или же зайти на его сайт и вступить с ним в «разговор». У многих сайтов есть специальная страничка, посвященная обсуждению возникших вопросов, часто в виде форумов. Таким образом, идет процесс диффузии жанров, их постоянное обновление.

1.4. Теоретические аспекты изучения категории жанра

Категория жанра – один из важнейших факторов организации высказывания. Филологи, исследуя природу жанра, стремятся охарактеризовать основные параметры (критерии) данной категории, объяснить ее сущность. Поэтому в литературоведении существует большое количество определений жанра. Начиная с Аристотеля, который в свое время наметил контуры модели жанра, были сделаны попытки раскрыть, понять природу этого явления. Так, исследуя природу трагедии, Аристотель дает следующее определение: «Итак, трагедия есть воспроизведение действия серьезного и законченного, имеющего определенный объем, речью украшенной, различными ее видами отдельно в различных частях, - воспроизведение действием, а не рассказом, совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных чувств» [Аристотель 1998: 1072]. Иными словами, Аристотелем была сделана попытка «прописать» жанровое содержание и наметить способы его выражения.

Наиболее подробно проблема жанра исследовалась в отечественной филологии в XX столетии. Весьма активно она разрабатывалась представителями формальной школы. Так, Ю. Тынянов в своих работах не давал точного опре-

деления жанра, так как считал, что жанр – это явление подвижное, эволюционирующее. И все же любой жанр, по его мнению, состоит из «системы с соотношенными между собой факторами», которые по природе своей подвижны, конструктивны. «Жанр смещается, перед нами ломаная линия, а не прямая линия его эволюции – и совершается эта эволюция как раз за счет «основных» черт жанра: эпоса как повествования, лирики как эмоционального искусства, и т.д.» [Тынянов 1929: 7].

В. Жирмунский в своих исследованиях отмечал, что в основе понятия «жанр» лежит система взаимосвязанных композиционных и тематических элементов. «Как ни сублимировать понятие «жанр», как ни стараться дать ему исключительно «формалистическое» определение, в его составе всегда останутся существенные факты «содержания», т.е. элементы тематические» [Жирмунский 1924: 200].

По мнению М. М. Бахтина, жанр – «форма организации речевого материала, выделяемого в рамках того или иного функционального стиля, вид высказываний, создающихся на основе устойчивых, повторяющихся, т.е. воспроизводимых, моделей и структур в речевых ситуациях, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые, закреплённые бытом и обстоятельствами формы жизненного общения» [Бахтин 1997:145]. Основными компонентами жанровой модели, по мнению М.М. Бахтина, являются: тематическое содержание, стиль и композиционное построение, которые «неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [Бахтин 1997: 159].

Интересна точка зрения на эту проблему Л.И. Тимофеева. По его мнению, в основе любого жанра лежит прежде всего «определённый тип изображения человека в жизненном процессе, определённый способ обрисовки характера, показанного на том или ином уровне жизненного процесса от простейших переживаний (событие, эпизод человеческой жизни) до наиболее сложных (история жизни человека, этапы народной жизни, охватывающие многообразные человеческие жизни)» [Тимофеев 1966: 342].

Л.М. Майданова рассматривает эту категорию как «важный регулятор, с одной стороны, воплощения замысла, а с другой – восприятия произведения, поскольку он с точки зрения адресата прогнозирует и ограничивает ожидания и, следовательно, построение гипотезы о тексте» [Майданова 1986:118].

На современном этапе наблюдается тенденция, связанная с упорядочиванием жанровой системы, четким выстраиванием жанровой модели. Так, жанровая модель, предложенная Н.Л. Лейдерманом, является, на наш взгляд, наиболее структурированной и учитывающей все основные аспекты текстообразования. По мнению этого исследователя, жанр – «это исторически сложившийся тип устойчивой структуры художественного произведения, организующей все его компоненты в систему, порождающую целостный образ – модель мира (мирообраз), который выражает определенную эстетическую концепцию действительности» [Лейдерман 1976: 4]. Уточненная модель жанра включает в себя два плана: план содержания (жанровое содержание) и структурный план (жанровая форма).

Под жанровым содержанием понимается определенное видение и понимание действительности (мирообраз, применительно к художественному произведению). В состав этого плана входят следующие аспекты: тематика, то есть тот жизненный материал, который отобран жанром и стал особой художественной реальностью произведения; проблематика, которая воплощается в особом типе (или в характере) конфликта; экстенсивность или интенсивность воспроизведения художественного мира... Нельзя, видимо, забывать и об эстетическом пафосе, которым еще Аристотель определял своеобразие жанрового содержания трагедии, комедии, эпопеи» [Лейдерман, Липовецкий, Барковская и др. 2004: 16].

Жанровая форма, по мнению Н.Л. Лейдермана, дифференцирована и включает такие способы выражения жанрового содержания («носители жанра»), как субъектная организация, пространственно-временная организация (хронотоп), ассоциативный фон произведения (система «внутритекстовых»

лейтмотивов, совокупность «внетекстовых» сигналов, отсылающих к тем или иным реалиям), интонационно-речевая организация.

М.М. Бахтиным, Н.Л. Лейдерманом и рядом других исследователей выделяется еще один план жанровой модели – план восприятия, который непосредственно связан с категорией образа автора, и, прежде всего, с его волеизъявлением и целевыми установками, которые, в свою очередь, определяют выбор того или иного жанра. По мнению М.М. Бахтина, «речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п. И дальше речевой замысел говорящего со своей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Бахтин 1997: 180]. Таким образом, именно от речевого замысла говорящего или пишущего, от того, что и с какой целью он хочет сообщить, зависит жанровая форма его высказывания.

В настоящее время ведутся исследования жанра не только в плане жанрового содержания и в плане формальной организации, но и в аспекте коммуникативно-прагматической организации. В первую очередь с жанром соотносится такая коммуникативная категория, как целеустановка (интенция) говорящего или пишущего. Так, по мнению Н.Б. Руженцевой, «автор всегда преследует и реализует ряд целей... В тексте могут реализовываться в совокупности такие цели, как информирование, убеждение адресата, отражение авторского видения мира, развлечение и т.д., но одна или две из них непременно являются доминирующими и во многом определяют содержательно-формальные аспекты текста, соотносимого с определенным жанром» [Руженцева 2000: 69].

В целом жанр выступает в качестве содержательно-формального ориентира для воплощения авторского замысла в жизнь, он служит своеобразным «транслятором» авторской концепции и способов ее воплощения и задает основные «координаты» для восприятия произведения.

1.5. Жанровый корпус газетной публицистики.

Создавая тот или иной текст, автор всегда стоит перед выбором той жанровой структуры, которая наиболее оптимально смогла бы воплотить его замысел, осуществить достижение коммуникативной цели.

М.Бахтин отмечал: «Чем лучше мы владеем жанрами, тем свободнее мы их используем, тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность...гибче и тоньше отражаем неповторимую ситуацию общения – тем совершеннее мы осуществляем наш свободный речевой замысел» [Бахтин 2000: 274].

Под жанром журналистского произведения принято понимать совокупность «устойчивых особенностей его содержательно-тематических характеристик, типа изображаемой действительности, композиции, стилистики. Эти особенности жанра не зависят от воли журналиста, наоборот, выбрав какой-либо жанр своей публикации, он вынужден считаться с его особенностями и возможностями» [Гуревич 2004:1]

В современной газетной публицистике выделяют около двух десятков жанров, которые в зависимости от своего назначения объединяются в группы. Принято выделять следующие группы: 1) жанры новостной информации, к которым относят заметку, отчет и репортаж; 2) диалогические жанры (интервью, диалог, беседа); 3) ситуативно-аналитические жанры (комментарий, корреспонденция, статья и обозрение); 4) художественно-публицистические жанры (зарисовка, очерк, эссе). К этой группе также относят и сатирические жанры (фельетон, памфлет, пародия, сатирическая заметка).

Первую группу представляют жанры новостной информации. Их используют в том случае, когда перед автором стоит цель – сообщить какую-то новость, представляющую интерес для всех читателей. Заметка. Основная цель такого жанра – как можно быстрее передать ту или иную новость, ответить на вопросы, поставленные перед читателем. (Что произошло? Где произошло? Когда произошло? и Кто участвовал в событии?). Эта задача определяет структуру заметки. Ее текст начинается, как правило, с сообщения самого факта, который

с каждым последующим предложением обрастает конкретными деталями. Поэтому для нее характерны деловитость, сухость, точность изложения материала, а зачастую отсутствие выразительных средств языка.

Отчет. Цель его сообщить как основную информацию, так и детали, сопровождавшие то или иное событие. В результате этого возрастает не только объем самого текста, но и роль автора, способного обобщить информацию, прокомментировать ее, выбрать наиболее важные подробности, расставить их в том порядке, в котором они наиболее полно смогут отразить суть прошедших событий. Поэтому точка зрения журналиста получает в отчете развернутое выражение.

Репортаж. Основная цель – не просто сообщить, последовательно рассказать о событии, но и создать впечатление присутствия автора на месте описываемых действий. Данный эффект достигается благодаря особой «сервировке» фактов: расположением и использованием средств и приемов образного динамичного отражения действительности. Это определяет эмоциональность, внутреннюю энергетику данного жанра.

Вторую группу составляют диалогические жанры. Важнейший из них интервью - представляет собой диалог интервьюера и интервьюируемого, в результате которого журналист получает необходимую ему информацию, а также узнает мнение своего собеседника о тех или иных событиях. Кроме того, журналист может дополнять ответы своими комментариями или оспаривать мнение интервьюируемого.

Третью группу составляют ситуативно-аналитические жанры, назначение которых дать анализ ситуаций, возникающих и развивающихся в различных сферах общественной жизни страны. Комментарий представляет собой манифестацию позиции СМИ, их отношения к предмету комментирования, например, конкретного документа или выступления политика. Данный жанр невелик по объему и отличается сухостью и известной официальностью стиля.

Корреспонденция представляет собой своеобразный отчет о факте, с его углубленным аналитическим осмыслением. Цель автора - дать читателю доста-

точно полное представление о возникшей ситуации и высказать свое мнение о дальнейшем ее развитии и возможных последствиях.

Статья представляет собой результат серьезного осмысления исследуемой ситуации. В основе текста лежит определенная мысль, главная идея, которая проходит лейтмотивом через всю статью. Рассматривая результаты анализа, журналист предлагает свою концепцию – пути и методы оптимального разрешения связанной с определенной ситуацией проблемы, а также стремится убедить читателя в обоснованности своей идеи, в своей правоте.

Рецензия - оценка литературного или научного произведения.

Обзор СМИ. Цель обзора - представить анализ и оценку деятельности какого-либо средства или группы средств массовой информации – газет, журналов или телерадиокомпаний.

Четвертую группу составляют художественно-публицистические жанры, которые по способу освоения действительности относятся к художественным текстам, но по содержанию являются строго документальными.

Зарисовка – отображение ситуации встречи с каким-либо явлением или человеком, которое представлено в виде детального образного описания. Цель автора - воссоздать картину, которая предстает перед ним в момент встречи с человеком, явлением. Для создания такого эффекта используются средства образного описания: яркие сравнения и эпитеты, портрет того, с кем автору довелось встретиться. Текст эмоционален, часто лиричен или элегичен и проникнут авторским отношением к предмету отображения.

Эссе – это полифонический жанр, сочетающий в себе признаки других жанровых форм и отличающийся «большой выявленностью личного, лирического начала, осознанным авторским стремлением к стилистическому и композиционному изяществу» [Баранов, Бочаров, Суровцев 1982:161]. Цель автора эссе – «транслировать читателю свое, часто спорное и крайне субъективное видение мира посредством особой системы убеждения, при которой мнение часто обосновывается само собой или с помощью иных мнений» [Руженцева 2001:110].

Очерк. Цель его - воссоздать историю человека или историю события, в которых отражены наиболее важные этапы их становления. Данный жанр обладает не только многими художественными признаками изображения действительности, т.е. художественно моделирует мир, но и собственно публицистическими компонентами, это, прежде всего, документализм (точная фиксация фактов, явлений, процессов). Все это обуславливает широкие возможности жанра. Кроме того, еще одной отличительной особенностью очерка является его субъектная организация. В очерке обязательны образ героя и автора, т.е. самого очеркиста, который выступает в качестве «двигателя» сюжета. В целом, с точки зрения Т.А. Беневоленской, очерк – это «жанр пограничный, гибридный, соединяющий в себе три рода (или типа) творчества: художественную литературу, науку и публицистику» [Беневоленская 1983:9].

Памфлет – сатирический жанр, назначение которого – «борьба с явлением, имеющим резко отрицательное значение для жизни общества, или с человеком, олицетворяющим это явление, государственным деятелем, лидером политической партии или движения, проповедником ложных идей и т.п.» [Гуревич 200]. К этому жанру часто обращаются в периоды острой политической борьбы, кризисных ситуаций, предвыборных кампаний. Основная цель памфлетиста - уничтожить своего героя, разоблачить его и развенчать. Для достижения такого эффекта автор использует всевозможные сатирические средства такие, как гротеск, гиперболу, пародирование, иронию, насмешки, уничижительные сравнения и другие, позволяющие выявить истинную суть и значение деятельности антигероя.

Система жанров газетной публицистики продолжает развиваться и обогащаться. Возникают новые жанры, развивающиеся на базе старых и вбирающие в себя многие черты старых, происходит диффузия жанров; некоторые устаревшие жанровые формы отодвигаются на второй план и заменяются разновидностями текста, более приспособленными к требованиям времени.

1.6. Жанровая специфика Интернет-газеты

Одним из источников получения нужной, интересующей информации для многих стал Интернет. В Сети огромное количество серверов ("инфо-серверы" и "новостные порталы"), занимающихся «поставкой» информации пользователям (среди них существуют и серверы печатных СМИ). Особое место в информационной сети занимают «Интернет-газеты». Бытует мнение, что «Интернет-газета» - это идентичный слепок печатного варианта. На самом деле, web-версия не является «копиркой» печатной версии газеты, это особый, отдельный жанр. Особенность web-газеты заключается в том, что она совмещает в себе признаки печатной публицистики и возможности Сети. Так, от бумажных СМИ «Интернет-газета» получила самое лучшее: во-первых, редакцию, состоящую из талантливых, заинтересованных и свободомыслящих специалистов; во-вторых, Интернет-газета обладает своим неподражаемым стилем, своей общественной позицией; в-третьих, на страницах таких газет «оживают» журналистские голоса, узнаваемые за строками гипертекста. Сетевые возможности велики – это постоянное, круглосуточное обновление информации, перекрестные ссылки, гипертекст, динамическая генерация страниц, контент-партнерство со всеми достойными инфоресурсами от "Яндекса" до РБК, линклисты и интерактивность. Но главным достоинством таких газет становится их меньшая, по сравнению с печатными СМИ, степень ангажированности. Таким образом, перед нами особое, универсальное явление в ряду СМИ, обладающее практически неограниченными информационными возможностями.

На сегодняшний момент в журналистской среде бытует мнение, что век печатных СМИ подходит к концу, поскольку они стали непопулярными. Но, несмотря ни на что, имеются журналисты, которые считают, что у печатных СМИ есть будущее, но в другом облики. Нам наиболее близка точка зрения главного редактора Интернет-газеты «Gazeta.Ru» Антона Носика на эту проблему: «Мне все же хочется верить, что у газетного жанра, у газетной формы

есть будущее в Интернете. А единственный известный мне способ проверить - создать такую Интернет-газету» [Носик //www.internet.ru].

Кроме этого, сетевые СМИ унаследовали от базовой формы (печатных СМИ) и жанровый корпус. Однако печатные жанры в Сети претерпели некоторые изменения. Наиболее популярными жанрами в «Интернет-газетах» являются заметки, корреспонденция, репортажи, интервью, статьи, политические портреты. Но многих журналистов не устраивают жанровые рамки традиционной публицистики. В результате происходит трансформация традиционных жанров, и появляются так называемые «гибридные» или «синкретичные» образования, которые сочетают в себе признаки различные печатных жанров. Часто встречаются Интернет-тексты, сочетающие в себе особенности статьи и очерка, статьи и памфлета, или же происходит вкрапление признаков интервью, заметки. Таким образом, наблюдается эволюция некоторых редких жанров, например, очерка. Следовательно, можно говорить об определенных изменениях на уровне **жанрового содержания**. Например, политический портрет представляет собой взаимодействие двух жанров – очерка и статьи, что существенно влияет на содержательный план. В результате перед нами не просто осмысление и разрешение ситуации, в которой находится герой, но и стремление понять сущность самой личности, проследить пути ее становления, а также понять, почему именно этот герой оказался в сложившейся ситуации.

Все же, несмотря на трансформации жанрового корпуса печатных СМИ, можно отметить общность жанровых мотивировок, традиционно присущих любым публицистическим жанрам. Обратимся к основным элементам **жанровой формы**, или так называемым «носителям жанра» [Лейдерман 2003].

Субъектная организация. В любом публицистическом Интернет-тексте «образ автора» выполняет структурирующую функцию. Он может быть репрезентирован двумя способами: имплицитно или эксплицитно. Для текстов Интернет-газеты характерно прежде всего эксплицитное выражение авторского голоса, в результате чего возникает эффект близости «образа автора» к личности журналиста, исследователя.

Исследование категории субъективной модальности позволяет уточнить способы и средства выражения авторской позиции, помогает понять способ мышления автора, его мировоззрение и мироощущение.

Интонационно-речевая организация. Исследователями не раз отмечалось, что интонационная окраска текста придает тексту особую эмоциональную насыщенность – «мелодику», но прежде всего выполняет стилеобразующую функцию, «цементирует» произведение. Поэтому, исследуя текстовую категорию тональности, можем выявить эмоционально волевою установку автора, его оценочное отношение к действительности, герою, психологический настрой.

План восприятия. М.М. Бахтин, в связи с проблемой речевых жанров, установил известную корреляцию между формой, в которую облечено содержание, и его восприятием. Автор, создавая текст, всегда стремится к тому, чтобы его текст был не просто прочитан, но и воспринят, понят, интерпретирован адресатом. Поэтому автору необходимо, по мнению М.М. Бахтина, учитывать апперцептивный фон читателя: «насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь все это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания<...>Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор языковых средств, то есть стиль высказывания» [Бахтин 1997: 201]. Кроме того, определяется форма подачи информации, от которой зависит, насколько точно будет воспринят текст. Сказанному способствует установление контакта с читателем, который достигается благодаря вовлечению читателя в процесс «сотворчества» (различные «недоговоренности», умолчания, обращения к адресату) и динамике повествования.

Итак, у жанровых разновидностей электронных СМИ мы наблюдаем сохранение базовых жанровых параметров. Но, несмотря на это, происходит взаимопроникновение различных жанров, что, в конечном счете, приводит не только к расширению жанровых границ, но и к размыванию последних. Это в свою очередь способствует созданию новых «пограничных» жанровых форм,

что обусловлено спецификой Интернет-дискурса (более свободная и непосредственная коммуникация).

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.

Представленные в настоящей главе материалы позволяют сделать следующие выводы, значимые для конкретного анализа субъективной модальности и тональности в политическом очерке:

- во-первых, на сегодняшний день Интернет становится одним из главных источников получения информации, прежде всего, политической, в котором находится огромное количество «инфосерверов», «новостных порталов» и «интернет-газет»;

- во-вторых, политический Интернет-дискурс является продуктом взаимодействия политического дискурса и Интернет-дискурса и вбирает в себя наиболее характерные их признаки;

- в-третьих, для текстов Интернет-газеты характерно раскованность стиля и тотальная ирония, когда речь идет о политической жизни страны;

- в-четвертых, в Интернет-газете жанровый корпус печатных СМИ получает право «на новую жизнь», эволюционируя и возрождаясь в новых жанрах, дающих большие творческие возможности журналистам.

ГЛАВА 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ТОНАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ

Основная задача данной главы диссертационного исследования - определение исходной теоретической базы, которая будет служить основой для изучения текстовых категорий – субъективной модальности и тональности – в политическом Интернет-тексте.

Для решения поставленной задачи необходимо:

- во-первых, дать рабочее определение «образа автора», охарактеризовать его особенности и роль в публицистическом произведении;
- во-вторых, определить природу категорий субъективной модальности и тональности;
- в-третьих, обобщить существующие представления об особенностях субъективной модальности и тональности и определить их роль в структуре высказывания и политического Интернет-текста в целом.

Каждая из названных проблем рассматривается в одном из трех разделов настоящей главы.

2.1. Формы выражения субъекта речи и категория «образ автора» («авторский голос») как структурообразующий фактор публицистического текста

Читая современный публицистический текст, мы не только становимся очевидцами описываемого события, но видим текстовое отражение авторской личности, его самосознания, позиции, творческой индивидуальности.

Для целей данной работы наиболее релевантны следующие компоненты текстовой организации: речевая (субъектная) организация, точка зрения повествователя, план восприятия. Именно эти средства организации текста являют-

ся, на наш взгляд, наиболее значимыми средствами манифестации авторской позиции, с которой напрямую связаны текстовые категории субъективной модальности и тональности. Кратко остановимся на данных формах жанрообразования.

Образ автора и точка зрения повествователя. Этот компонент субъективной организации текста напрямую связан с важнейшей категорией образа автора.

«Понятие образа автора, будучи неточным с точки зрения точных наук, оказывается достаточно точным для литературоведения, если принять представление об особом характере точности в художественном творчестве. Образ автора, естественно, создается в литературном произведении речевыми средствами, поскольку без словесной формы нет и самого произведения, однако этот образ творится читателем. Он находится в области восприятия, восприятия, конечно, заданного автором<...> Именно потому, что образ автора больше относится к сфере восприятия, а не материального выражения, возникают трудности в точности определения этого понятия» [Валгина 2004: 101].

Научное обоснование ведущей роли авторского начала мы находим в работах В.В. Виноградова. Он активно разрабатывал теоретические положения, связанные с образом автора, и определил его ведущее место в речевой системе текста. В работе «О теории художественной речи» В.В. Виноградов пишет, что «образ автора – это центр, фокус, в котором скрещиваются, объединяются, синтезируются все стилистические приемы словесного искусства... индивидуально словесная структура, пронизывающая строй художественного произведения». Далее он отмечает, что категория «образа автора» в художественном произведении определяет «единство авторских оценок и осмысления действительности... внутреннюю слитность и спаянность структурных основ авторского замысла и композиции» [Виноградов 1974: 182].

Проблема «образа автора» волновала не только лингвистов, но и многих писателей, которые сами пытались ответить на этот вопрос. В записках Л.Н. Толстого мы находим такие строки: «Во всяком художественном произведении

важнее, всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и все то в произведении, что написано на это отношение» [Кайда 1989: 54].

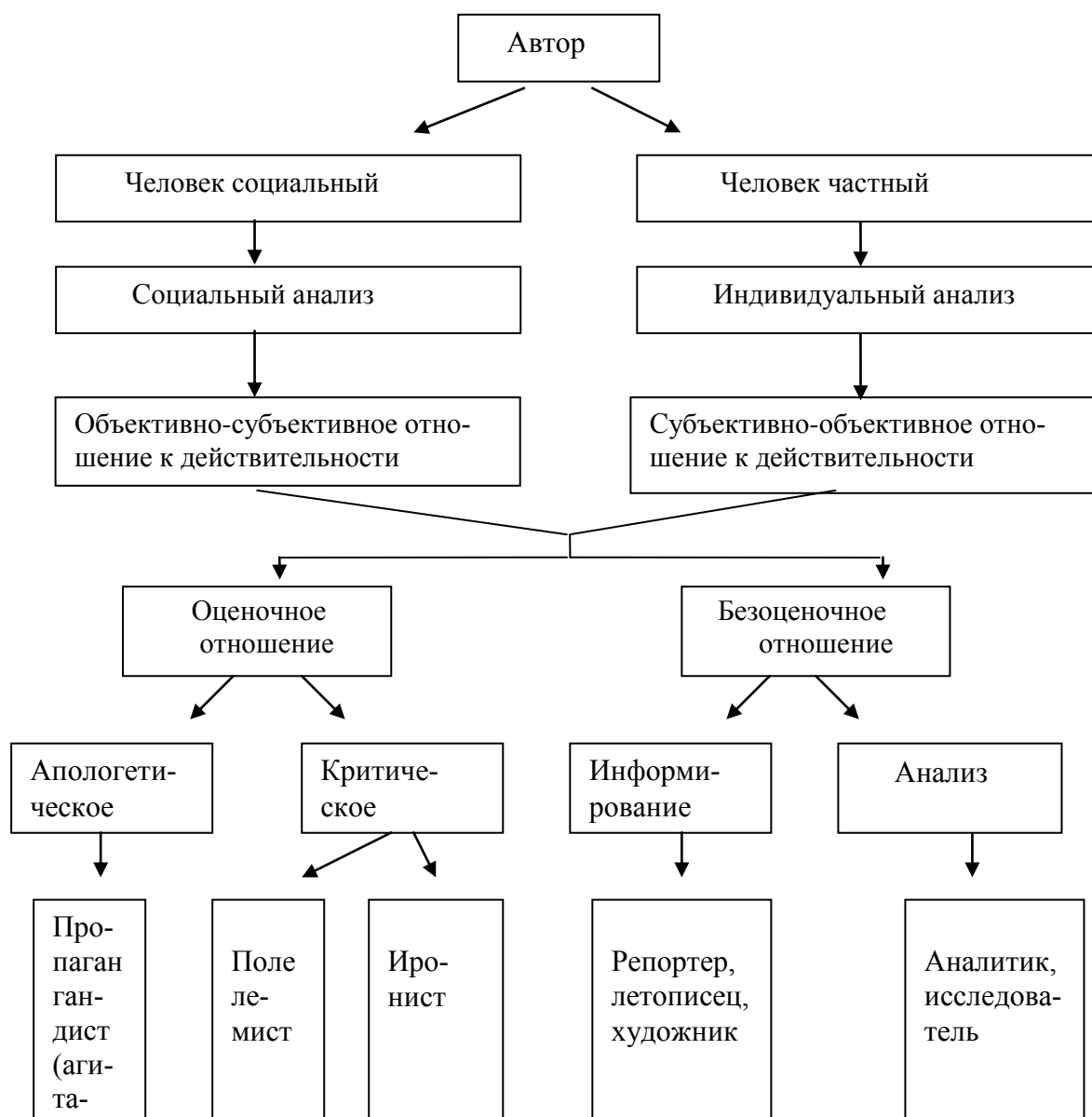
Б. Успенский в своей работе «Поэтика композиции» рассматривал эту проблему на ином уровне. Под автором Б. Успенский понимал, прежде всего, то лицо, которому принадлежит весь текст в целом. Этим лицом, по его мнению, может быть как сам автор этого произведения, так и любой говорящий, высказывание которого и составляет объект исследования. Иными словами, Б. Успенский рассматривает различные реализации авторских позиций, с которых ведется повествование, и развитие отношений между ними. «Говоря об авторской точке зрения, мы имеем в виду не систему авторского мировосприятия вообще (вне зависимости от данного произведения), но ту точку зрения, которую он принимает при организации повествования в некотором конкретном тексте» [Успенский 2000: 27].

В последнее время наблюдается тенденция к расширению понимания образа автора. Так, Н.Т. Рымарь и П.В. Скобелев предлагают рассматривать автора не как образ, вбирающий в свое сознание все смыслы произведения, но и «как деятельность, а произведение – как событие этой действительности». Это обусловлено тем, что «категория деятельности позволяет включить в понятие автора не только сознание, но и творческую волю» [Рымарь, Скобелев 1994:85].

Итак, под «образом автора» в художественном произведении может выступать как выдуманное лицо, высказывание которого положено в основу текста произведения, так и сам автор этого произведения, но в любом случае они не идентифицируются с реальным создателем текста.

Особенность художественного произведения заключается в том, что образ автора ни в коей мере не тождественен создателю художественного произведения, в то время как в публицистике наблюдается «изоморфизм творца и творимого» [Топоров 1996: 34]. Г.Я. Солганик в работе «О закономерностях развития языка газеты в XX веке» пишет: «Важнейшая роль категории автора заключается в том, что она определяет не только стиль конкретных текстов, но и стиль эпохи, того или иного периода. Каждое время характеризуется общим,

совокупным представлением об авторе, его идеальным образом. Категория автора формируется как результат действия внешних и внутренних газетно-языковых факторов... Формируемая совокупным действием этих факторов, категория автора начинает сильно воздействовать на язык и речь газеты. Сущность этой категории составляют две грани - человек социальный и человек частный. И хотя в чистом виде они не встречаются (или встречаются крайне редко), но сущность авторского «я» определяется соотношением именно этих граней. Это крайние точки, два полюса, между которыми располагается огромное количество переходных случаев» [Солганик 2002: 41]. Им же был детально охарактеризован образ автора публицистических текстов. Схема, приведенная ниже, наглядно вскрывает взаимодействия человека частного и человека социального [Солганик 2001: 81].

В филологических исследованиях высказывается мнение, что «каждому роду, виду или разновидности словесности произведения должен отвечать свой общепринятый образ автора» (Н.С. Валгина, Ю.В. Рождественский, Н.Б. Руженцева и др.). «...Жанровые особенности тех или иных произведений публицистики влияют на конкретные формы представления субъекта повествования и конструирования образа автора. Наиболее личностный характер имеет очерк» [Валгина 2004: 110].

В публицистике мы имеем дело не с «вымышленными повествователями», а с «вполне реальным лицом, т.е. с личностью журналиста» [Ким 2001:252], который в таком тексте выступает «конкретно-чувственным носителем речи». «Используя инструмент авторского «я», публицист может активно вторгаться в ход описываемых событий, свободно выражать свои мысли, входить в контакт с героями, выражать собственную позицию и мнение и т.д.» [Ким 2004:258].

При этом не всякое авторское присутствие автоматически означает, что в тексте возникает образ автора. Зачастую, и это относится ко многим публицистическим жанрам, точнее будет говорить о наличии элементов, характеризующих субъект речи, точнее о «голосе автора». Так бывает в традиционных, наиболее распространенных жанрах политической газетной публицистики (заметке, репортаже, статье), в отличие, например, от политического очерка или от политического портрета. Но в Интернет-публицистике, в связи с ее повышенной субъективностью, личностной ориентированностью дискурса и стилевой раскованностью, а также наличием гибридных жанров, связанных с включением, прежде всего, очеркового начала, можно говорить о более отчетливом выражении авторского присутствия.

Речевой стиль повествователя. Для нашей работы наиболее значима эмоционально-экспрессивная окрашенность текста, которая не только служит для выражения психологического состояния говорящего или пишущего, но и выступает средством выражения субъективного отношения говорящего к содержанию или адресату речи. В публицистическом стиле экспрессия является

одним из способов создания оценки, усиления выразительности и образности, отражения авторской индивидуальности и воздействия на сознание адресата. С экспрессией очень тесно связана такая категория, как тональность. Проблемы, связанные с данной категорией, затрагивали в своих работах М.М. Бахтин, выделяющий экспрессивный момент в тексте [Бахтин 1997], Б.О. Корман, исследующий основной эмоциональный тон произведения как важнейший способ изображения субъекта [Корман 1986].

Таким образом, текстообразующие факторы взаимосвязаны. Один (речевой стиль повествователя) непосредственно дополняет другие (субъектную организацию текста и точку зрения повествователя). Все это способствует индивидуализации текста и установлению контакта между автором и читателем. Как отмечает М.Н. Ким, «в создании авторского образа определяющими элементами являются не только мировоззренческая позиция автора, его жизненные установки и ценностные ориентации, идеи и пристрастия, но и авторская речь. Из всех этих составляющих и рождается образ автора в сознании читателей» [Ким 2001:259]. Об этом же свидетельствуют и наблюдения Л.Я. Зятыковой: «Автор текста имплицитно или эксплицитно вызывает у читателя различные представления оценочного характера, которые являются результатом сопереживания читателя персонажам произведения» [Зятыкова 2003: 11].

В целом публицистические тексты становятся в настоящее время глубоко тенденциозными. Автор отражает не только личную точку зрения, но прежде всего мнение людей (группы лиц), стоящих за тем или иным изданием. Собственно фактографическими «жанрами» являются короткие (10-30 строк) хроникальные сообщения и информационная разновидность заметки. В этих жанрах факты не интерпретируются, а излагаются. Все остальные жанры газетно-журнального дискурса – это тексты-суждения, в которых логическая информация (факт) интерпретируется автором в большей или меньшей степени, и эта интерпретация детерминирована множеством экстралингвистических факторов.

Политический дискурс отличается высочайшей степенью тенденциозности подачи материала; во многих публикациях ясно виден их «заказной» характер.

Факт переводится в суждение всем арсеналом средств текстообразования, и субъективная модальность и тональность являются, на наш взгляд, важнейшими из них, что и определяет наше обращение к этим категориям в связи с исследованием политических Интернет-текстов.

2.2. Субъективная модальность как текстообразующая категория

В современном отечественном и западноевропейском языкознании сложилось два основных теоретических направления в изучении категории модальности: языковое и логическое.

Представители первого теоретического направления (Г.В. Колшанский, В.З. Панфилов и др.) рассматривают модальность как категорию, соответствующую аналогичной в логике, причем сфера модальности ограничивается теми значениями, которые прямо соотносятся с выделяемыми логикой видами объективной модальности.

Модальность в логике – контекстуальная характеристика высказывания. В естественном языке модальность выражают с помощью специальных языковых конструкций («необходимо, что», «возможно, что» и др.), присоединяемых к утвердительным предложениям. В модальной логике модальность формализуется с помощью специальных модальных операторов (например, с помощью оператора необходимости, оператора возможности), применяемых к конкретным высказываниям и предикатам, так же как и обычные, функционально-истинностные логические операторы классической логики высказываний и логики предикатов.

«Логический словарь ДЕФЕРТ» (1994) отмечает, что первоначальное логико-философское осмысление модальности было введено еще Аристотелем, рассматривавшим две основные модальности: «необходимо, что», «возможно, что» (а также различные производные – «не необходимо, что» «невозможно, что» и др.). Позднее, в соответствии с традицией, заложенной И. Кантом, длительное время было принято разделять все высказывания на *проблематическое* (Возможно, что S есть P), *ассерторическое* (S есть P) и *аподиктическое* (Не-

обходимо, что S есть P). Проблематическое высказывание выражает то, что некоторое другое высказывание может быть истинным лишь при определенных условиях (например, проблематическое высказывание « Возможно, что завтра будет дождь» выражает то, что высказывание «Завтра будет дождь» может оказаться истинным при определенных условиях). Ассерторическое высказывание выражает факт наличия или отсутствия у предмета того или иного признака (свойства) в действительности («Снег бел», «Земля квадратная» и т.д.). Аподиктическое высказывание выражает то, что некоторое другое высказывание является истинным при любых условиях («необходимо, что дважды два – четыре»).

В процессе дальнейшего развития представлений о логической структуре высказываний и различных типах модальности традиционная кантовская классификация была существенно уточнена и дополнена. В современной логике кроме *алетических модальностей* («необходимо, что»; «возможно, что») различают *деонтические* («обязательно, что»; «разрешено, что»; «запрещено, что»), *аксиологические* («хорошо, что»; «плохо, что» и др.), *эпистемические* («верю, что»; «знаю, что»), *темпоральные* («будет так, что»; «всегда было так, что» и др.) и многие другие модальности, формализуемые с помощью соответствующих модальных операторов. Семантические и синтаксические свойства таких модальных операторов исследуются в рамках соответствующих аксиоматизированных логических теорий - эпистемической логики, деонтической логики и др. [Логический словарь ДЕФЕРТ 1994: 143-144].

В таких модальных высказываниях обязательно выражается определенное отношение к утверждаемым фактам и положению дел, дается их оценка, выявляются основания для самого акта утверждения.

На основании кантовской классификации видов логических модальностей (проблематической, ассерторической и аподиктической) в современной лингвистической литературе появились соответствующие классификации. Так, Г.В. Колшанский в своей работе выделяет три вида модальных значений: возможности, действительности и необходимости – и интерпретирует эту катего-

рию как отношение высказывания к действительности (установление связи между содержанием высказывания и объективными фактами), выражаемое грамматическими, интонационными и лексическими средствами. [Колшанский 1975:142]. По этому же принципу выстраивает свою классификацию модальных значений и В.З. Панфилов. Он выделяет два типа значений модальности: объективную (онтологическую) и субъективную (персуазивную) – и отмечает, что «первая из них (объективная модальность) отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Субъективная выражает оценку со стороны говорящего степени познанности этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию» [Панфилов, 1977: 74]. Кроме того, субъективная и объективная модальности могут сосуществовать, взаимодействовать друг с другом в рамках одного высказывания, но не перекрещиваться. В «Грамматике современного литературного русского языка» (1970) отмечается, что «для каждого предложения обязательными являются лишь объективно-модальные значения, а субъективно-модальные значения включаются лишь факультативно и могут лишь характеризовать только часть предложения» [Грамматика современного литературного русского языка 1970: 611].

Стоит отметить, что категории модальности в логике и лингвистике, несмотря на то, что обе эти науки используют одинаковую терминологию, все же существенно различаются:

- термины имеют различное семантическое наполнение и толкование;
- в лингвистике рассматриваются прежде всего свойства языковых единиц-предложений.

Сторонники второго теоретического направления – языкового – рассматривают категорию модальности как исключительно языковую самостоятельную категорию. Внутри этого направления образовалось несколько подходов к интерпретации категории модальности.

Первоначально сформировалось представление о категории модальности как о широкой языковой категории, передающей любое отношение говорящего к своему сообщению. Такое толкование данной языковой категории находим в работе Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1955), а также в работах его последователей. По мнению Ш. Балли, каждое высказывание состоит из двух частей, одна из которых коррелятивна процессу, образующему представление (диктум), а другая часть содержит «выражение модальности коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [Балли 1955: 44]. Иными словами, любое высказывание содержит изложение какого-то факта (диктум) и авторской оценки действительности, на этой основе формируется понятие модальности «как души предложения» (модус). Модальность рассматривается ученым прежде всего как «результат активной (мыслительной) операции», которую осуществляет говорящий субъект над представлением.

Важным прорывом в изучении категории модальности в современном языкознании стали теоретические положения, выдвинутые В.В. Виноградовым в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке». Он отмечает, что «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Виноградов 1975: 51]. Таким образом, В.В. Виноградов, вслед за И.И. Мещаниновым, определял модальность как понятийную категорию, которая «не описывается при помощи языка, а выявляется в нем самом, в его лексике и грамматическом строе» [там же].

Постепенно в современном языкознании наметилась тенденция к сужению понимания языковой модальности. Появилось направление, которое пред-

лагает рассматривать категорию модальности как функционально-семантическое поле. Одним из первых, кто выдвинул идею рассматривать категорию модальности в качестве функционально-семантического поля, был Л.В. Щерба. Подробную разработку эта идея получила в трудах В.Г. Адмони, Е.И. Беляевой, А.В. Бондарко, Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельс, Г.С. Щура и др.

Сторонники этого направления отмечают, что функционально-семантические поля модальности в русском языке имеют очень сложную структуру, характеризующуюся разнообразием значений и средств их выражения, поэтому модальность делится прежде всего на два основных макрополя: действительности и недействительности, которые в свою очередь распадаются на микрополя (уверенности, сомнения, логической модальности и логической необходимости и т.д.). Именно такой подход дает возможность широкого семантического рассмотрения, позволяет дифференцированно изучить значения языковых единиц, входящих в эти поля, и их функционирование в речи.

Таким образом, «Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого <...>» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990:303]. Данная категория является необходимым компонентом содержания высказывания и выражает отношение «вещественного» содержания предложения к действительности различными способами (лексическими, синтаксическими, интонационными, морфологическими).

Еще раз уточним, что объектом нашего исследования является, прежде всего, категория субъективной модальности, которая «передает отношение говорящего к сообщаемому» [там же].

При исследовании категории субъективной модальности ученые столкнулись с проблемой соотношения таких грамматических значений, как утверждение - отрицание, с одной стороны, и различные оттеночные проявления этих грамматических значений – с другой стороны. По мнению А.М. Пешков-

ского, утверждение и отрицание составляют разные виды модальности предложения.

Микрополе уверенности возникает в том случае, когда говорящий стопроцентно уверен в том, что он обладает достаточными знаниями о событиях, фактах, имеющих место в жизни, и претендует на полное знание о предмете речи. По мнению В.А. Белошапковой, «достоверность выражается имплицитно: самим фактом отсутствия недостоверности» [Белошапкина 1982:60]. Модальность уверенности составляют: 1) группа вводно-модальных слов, которую можно условно назвать «обязательность», подтверждающих уверенность говорящего в том, что он говорит или слышит; 2) группа вводно-модальных слов со значением «безальтернативности». С каждым из таких слов соотносится другое слово, обладающее альтернативным значением (условие, спор, сомнение). Сами отрицательные приставки –бес-/-без- и не- содержат в себе значения отрицания, отсутствия того, что заключено в значении слова или основы без "не-" и "без-/-бес-". Говорящий, употребляя эти вводно-модальные слова, претендует на полное знание о предмете речи, сомнений в выборе одного из возможных вариантов у него нет и потенциально не должно быть у его собеседника. Основная цель употребления вводно-модальных слов данной группы – исключение всех других вариантов и исключение возможных сомнений; 3) группа вводно-модальных слов «предсказуемость», употребление которых предопределено естественным ходом вещей; 4) группа вводно-модальных слов «нормативность», которые репрезентируют очевидность того, о чем говорится в высказывании, подчеркивают ясность данного факта для всех.

Модальность уверенности может выражаться и с помощью модальных частиц со значением уверенности, а также модальных фраз.

Модальность неуверенности возникает тогда, когда говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях и понимает, что его информация может оказаться недостоверной. Модальность неуверенности представлена следующими микрополями:

1. Микрополе предположения. Значение предположения, по мнению А.В. Чибук, возникает в том случае, «если говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях, имеющих или имевших место. Выражая предположение, говорящий отдает себе отчет в том, что его информация может оказаться недостоверной» [Чибук 2004: 50].

Причинами возникновения ситуации предположения могут стать:

- субъективное восприятие говорящим пропозиции;
- неполнота информации;
- нежелание брать на себя ответственность за достоверность информации;
- возможность искажения информации (передача слов третьего лица, использование информации других лиц).

В своей работе А.В. Чибук выделяет два микрополя предположения: микрополе уверенного предположения, которое возникает тогда, когда высказывание характеризуется достаточно большой степенью вероятности реализации пропозиции (содержания высказывания) данного высказывания; микрополе неуверенного предположения - выражение неуверенности говорящего в соответствии пропозиции действительности или возможности реализации пропозиции [Чибук 2004: 57-58].

Микрополе предположение объединяет нереальные модальные значения. Это объясняется тем, что в таких значениях отражена только предполагаемая реальность, а не действительная. Но особенностью значения предположения является то, что оно потенциально может стать реальным при наличии определенных условий и обстоятельств.

2. Микрополе сомнения. Ситуация сомнения, по мнению Т.В. Гоголиной, - это «такое положение дел, при котором говорящий (субъект речи): 1) не обладает достаточными знаниями о некоторых имеющих/имевших место реальных или предполагаемых событиях, явлениях, фактах действительности; 2) отдает себе в этом отчет, следствием чего становится неуверенность в истинности пропозиции» [Гоголина 2000: 43].

Причинами возникновения значения сомнения могут стать наличие или отсутствие контакта говорящего с объектом модальной оценки:

- «при наличии такого контакта мотивированность сомнения определяется субъективной позицией самого говорящего, которая может быть обусловлена чувственным восприятием, несовершенством памяти, неполнотой информации;

- при отсутствии контакта мотивированность сомнения обусловлена данными и свидетельствами различных источников информации (любых, но не самого говорящего)».

Т.В. Гоголиной было выделено три степени проявления сомнения:

1) высокая степень проявления сомнения возникает тогда, когда говорящий больше неуверен, чем уверен;

2) низкая степень проявления сомнения определяется тем, что говорящий больше уверен, чем неуверен в том, о чем идет речь;

3) почти полная уверенность в отрицании факта - говорящий почти уверен в правильности своего предположения, поэтому ориентирован на отрицание факта [Гоголина 2000: 44-51].

3. Микрополе кажимости. Значение кажимости связано с ситуацией, когда говорящий имеет минимальное представление о предмете речи или недостаточную информацию и в соответствии с этим выстраивает свою гипотезу, точку зрения, основываясь на догадках, домыслах.

4. Микрополе вероятности. Ситуация вероятности возникает тогда, когда то или иное действие, явление, факт, событие может иметь место в действительности, но для этого необходимо соблюдение или выполнение каких-либо условий.

Между представленными микрополями четкую границу провести сложно, иногда почти невозможно. Это объясняется тем, что все эти значения – предположение, сомнение, вероятность, кажимость – взаимосвязаны и могут пересекаться друг с другом.

Современное направление изучения категории модальности имеет в своей основе следующую мысль. Т.В. Булыгина, Ю.Н. Шведова и вслед за ними А.П. Бабушкин считают, что «объективная и субъективная модальности предполагают не только вариативность «случаев», способных актуализировать «возможные миры», - разные виды модальностей видоизменяют картину мира, вызывая ее девиации от стандартного состояния» [Бабушкин 2001: 16].

Наше внимание привлекает категория субъективной модальности, которая выражает лишь ту оценку адекватности отражения данной ситуации, которая дается субъектом мысли, то есть указывает на степень достоверности содержания предложения с его точки зрения. Обратимся к средствам выражения данной категории.

В современной лингвистике в последнее время во главу угла встал вопрос о средствах выражения субъективной модальности. Многие ученые (Е.И. Беляева, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Г.В. Колшанский, И.И. Мещанинов, В.З. Панфилов, М.В. Пляскина и др.) считают, что основными средствами выражения данной категории являются вводно-модальные слова, т.к. они составляют комплекс языковых средств, выражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. Так, А.В. Бондарко относит вводно-модальные слова (модальные частицы и фразы) к ядерным средствам выражения модальности. Это средства, которые передают основное модальное значение, тогда как порядок слов, интонация, целевая установка предложения, тип синтаксической конструкции определены им как дополнительные средства, находящиеся на периферии категории модальности [Бондарко 1971].

Итак, вводно-модальные слова являются основным морфологизированным способом выражения модуса и, соответственно, субъекта автора.

По мнению В.В. Казаковской, вводно-модальные слова служат для оценки степени достоверности высказывания, являются авторизаторами, представляющими варианты ментальной модальной рамки, определяют способы квалификации действительности, выражают сферу точки зрения говорящего

относительно сообщаемого и представлены модификаторами проблематичной и категоричной достоверности. С их помощью говорящий, оценивая степень полноты своих знаний, представляет содержание своего высказывания как соответствующее или не соответствующее реальному положению дел. Используя операторы проблематической достоверности (*возможно, наверное, очевидно, может быть и т.п.*), говорящий выражает значение неуверенности (предположительности, гипотетичности, сомнительности). Операторы категорической достоверности (*конечно, безусловно, бесспорно, разумеется и т.п.*) выражают значение уверенности говорящего в познании объективных связей.

Отсюда следует, что основной функцией этих вводно-модальных компонентов является реализация эпистемического значения (оценка информации с точки зрения достоверности) [Казаковская 1996].

К числу неосновных функций модификаторов категорической уверенности В.В. Казаковская относит следующие:

- акцентирование семы «обычность, общеизвестность» - вводные слова функционируют в роли показателей стереотипности, тривиальности и используются говорящим в его «скрытом» диалоге с собеседником для отведения возможных сомнений;

- воздействие на собеседника с целью привлечь его на свою сторону, заставить его изменить свое мнение и принять точку зрения говорящего.

Вводные компоненты со значением проблематичной достоверности могут выполнять такие функции, как:

- выражение значения «отвергаемое предположение» с целью снятия мнимого представления;

- достижение эффекта вежливости (деликатный совет, напоминание, предложение);

- подчеркивание категоричности требования.

Таким образом, говорящий, используя вводно-модальные компоненты различной семантики, обнаруживает тем самым свое авторство модальных оценок, одновременно с их помощью раскрывает свое личное отношение к харак-

теризуемым явлениям, событиям, персонажам, действующим в произведении, к себе – собственным мнениям, предположениям и др.

В лингвистической науке существует еще одна точка зрения, которая заключается в том, что субъективная модальность появляется в предложении с личными местоимением «я», все же остальные средства: интонация, словоупотребление, специальные конструкции, повторы, частицы, междометия, вводные слова и вводные сочетания слов, вводные предложения – вспомогательные, хотя традиционно принято считать основными средствами выражения субъективной модальности вводные слова. Г.Я. Солганик в работе «К проблеме модальности текста» высказывает мнение, что основным средством выражения субъективно-модального значения является личное местоимение «я». Это объясняется тем, что речь всегда лична, персонализирована, эгоцентрична, в то время как язык, будучи системой знаков, принципиально безличностен, он обращен к миру вещей и понятий. По мнению Г.Я. Солганика, антропоцентричность характеризует не язык, а прежде всего речь. Только в речевом акте происходит «субъективизация» языка, превращение его в речь. Таким образом, антропоцентричность выступает как важнейшее фундаментальное свойство речи, возможности которого заложены в языке. Любая речь исходит от «я», обращена к «ты» и повествует «о нем». И вместе с «я» появляется субъективно-модальное значение, «непредметно атрибутивное высказывание». Все остальные средства субъективной модальности «объединяются тем, что непосредственно, прямо и эксплицитно обнаруживают личность, присутствие говорящего» [Солганик 1984:72].

Таким образом, главным средством манифестации субъективной модальности, по мнению Г.Я. Солганика, является местоимение «я», все остальные имеют вспомогательный по отношению к нему характер, координированы с ним и выступают совместно как единая система.

Совсем иначе представлена эта проблема в работах И.Р. Гальперина. По его мнению, отношение говорящего к действительности в той или иной степени характерно для всякого высказывания. «Поскольку отношение говорящего к

действительности может быть выражено различными средствами – формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими - модальность оказывается категорией, присущей языку в действии, т.е. речи, и потому является сущностью коммуникативного процесса» [Гальперин 1981:43].

Мы разделяем мнение И.Р. Гальперина о том, что субъективная модальность имеет средства выражения на всех уровнях организации текста. Это, на наш взгляд, способствует текстовой манифестации «образа автора» (пишущего, говорящего), созданию интимной, доверительной атмосферы, контакту с читателем при опосредованном общении.

Большинство приведенных выше определений субъективной модальности содержит такой компонент, как отношение говорящего к высказыванию или факту действительности, и лишь некоторые из них включают оценку говорящего. Так, в «Словаре по логике» А.А. Ивина и А.Л. Никифорова отмечается, что «модальность (от лат. *modus* – мера, способ) – оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения. Модальная оценка выражается с помощью понятий «необходимо», «возможно», «доказуемо», «опровержимо», «обязательно», «разрешимо» и т.п.» [Ивин 1998: 204]. По мнению Н.Ю. Шведовой, субъективная модальность не может ограничиваться лишь отношением говорящего к предмету высказыванию, потому что «в значительной мере в этой категории проявляется субъективно-оценочное отношение» [Шведова 1966:58]. Отсюда следует, что оценочный компонент изначально входил в состав категории субъективной модальности и его необходимо учитывать. В связи с этим обратимся к понятию «оценка».

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова мы находим следующее определение: «Оценка – мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь» [Ожегов, Шведова 1996: 438]. В современной лингвистике существует мнение, что в систему категории субъективной модальности необходимо включать оценочность, хотя соотношение этих категорий по-разному трактуется учеными. Так, по мнению А.В. Бондарко, оценочность лишь частично связана с

категорией модальности. Это объясняется тем, что для нее характерно установление точки зрения говорящего, его отношение к высказыванию, но не всегда ясно «отношение содержания высказывания к действительности» [Бондарко 1990:132]. А.В. Бондарко считает, что «оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью. Разумеется, четких граней здесь нет, и отнесение качественной и эмоциональной оценки к модальности нельзя исключить, однако речь может идти о периферии модальности, где специфические признаки данной категории размыты» [Бондарко 1990:174]. В работе «Функционально- семантические поля модальности в английском и русском языках» Е.И. Беляева рассматривает эту проблему с несколько иной точки зрения. По ее мнению, в основе субъективной модальности лежит более общая категория оценки, «однако оценка эта не эмоциональная, а интеллектуально-рассудочная, что не позволяет включать в сферу данной категории (модальности) различные эмоционально-этические, эмоционально-волевые и другие виды оценки» [Беляева 1985: 19].

На наш взгляд, лингвистическая категория (субъективной) модальности представляет собой в известной степени языковой аналог эпистемической модальности в логике. (Эпистемическая модальность, по мнению Е.И. Беляевой, - «оценка говорящим степени познания им существования связи между объектом и его признаком» [Беляева 1985: 20]). В работе «Модальность высказывания и пресуппозиция» М.К. Сабанеева отмечает, что средства выражения субъективной модальности «характеризуются семантической общностью, заключающейся в способности выражать выводное значение, т.е. умозаключение» [Сабанеева 1990: 95]. Как известно, в основе любого умозаключения лежит логическая оценка связи между причиной и следствием. Таким образом, в состав категории субъективной модальности входит только логическая оценка, которая прослеживает причинно-следственные связи между предметом и его признаком.

Несколько иная точка зрения на эту проблему у М.В. Ляпон. Она считает, что модальность непосредственно связана с оценочностью, так как именно

«семантическую сторону ее (категории модальности) образует категория оценки» [Ляпон 1971: 237].

Таким образом, категория модальности рассматривается различными учеными по-разному: одни считают модальность логической категорией, другие – языковой категорией, третьи – понятийной категорией, четвертые – функционально-семантическим полем. Но все они, без сомнения, сходятся в одном: категория субъективной модальности передает отношение говорящего к содержанию высказывания. Ряд исследователей (Е.И. Беляева, А.В. Бондарко, Г.В. Колшанский, М.В. Ляпон, Г.Я. Солганик, Н.Ю. Шведова, и др.) признают наличие оценки, лежащей в основе данной категории или взаимодействующей с ней. «Познавательный акт как некий фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания, что представляет собой «оценку» в самом широком понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский 1975:142]. Ряд исследователей считает, что категория оценки частично взаимодействует с категорией модальности, другие – что в основе модальности лежит общая категория оценки, и третьи – что оценка составляет семантическую сторону модальности.

В современной лингвистике средствами выражения субъективной модальности принято считать личные местоимения, вводно-модальные слова и частицы, вводные словосочетания, вводные предложения, повторы, междометия, тропы, интонацию, словопорядок, специальные синтаксические конструкции. Перечисленные средства модальности, функционирующие на всех уровнях текста, являются своеобразными субъектными маркерами, ибо они способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата. Таким образом, речь идет о следующем уровне – текстовой

модальности. Данную категорию характеризуют, в частности, в своих работах И.Р. Гальперин [Гальперин 1981] и Н.С. Валгина [Валгина 2004]. Так, Н.С. Валгина пишет: «Однако категория модальности может быть вынесена за пределы предложения-высказывания – в текст и речевую ситуацию. Тогда прагматика данной категории значительно расширяется, и на передний план выдвигается сам акт коммуникации, т.е. взаимоотношения автора и читателя». Вслед за Е.И. Беляевой мы считаем, что категория оценки составляет сущность категории субъективной модальности, в основе которой лежат именно логические причинно-следственные связи. В связи с этим целесообразно разделять модальный и экспрессивный план, так как за экспрессию «отвечает» категория тональности. Восприятие личности автора через формы ее воплощения в тексте – процесс двунаправленный. Он во многом детерминируется взаимоотношениями автора и читателя. Модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю. В свою очередь тональность есть не менее значимое средство репрезентации в тексте концептуальной информации, связанной с авторской картиной мира и интенцией сделать ее достоянием читателя.

2.3. Тональность как текстообразующая категория

Любое эмоционально выраженное впечатление способно вызвать в сознании человека различные реакции, ассоциации и стимулировать работу его воображения. Поэтому читатель ждет от того или иного публицистического произведения не сухого натуралистического описания, он ждет от него «психологии».

Любой публицистический текст роднит с художественным произведением то, что в нем выразительно-воздействующий аспект играет важную роль наряду с информационным. «Тон цементирует произведение, а также служит способом возбуждения в сознании читателя соответствующих ассоциаций» [Лейдерман 1976: 9].

В связи с этим обратимся к пониманию терминов «тон» и «тональность» в различных сферах искусства и науки. Так, в изобразительном искусстве под «тоном» понимается некий характер, оттенок красок, цвета по яркости. Иными словами, тон – это некая степень освещенности разных поверхностей формы, переход от самого темного пятна до белого цвета бумаги. В музыкальной акустике под «тоном» понимается «наименьший элемент спектра сложного звука, который образуется простыми (синусоидальными) колебаниями» [Музыкальный энциклопедический словарь 1991: 548], в теории музыки – «ступень звукоряда, лада, гаммы; звук аккорда; элемент мелодии» [Там же: 548]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» мы встречаем следующее определение: «Тон (от греч. *Тonos* - натяжение, напряжение) – наделенное значимостью контрастное варьирование высотно-мелодических голосовых характеристик при произнесении языковых единиц» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 514]. В литературоведении «тон» можно рассматривать как некую эмоционально-настроенную выразительность текста.

М.М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» отмечает, что «в разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но есть он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 1997: 188]. Под экспрессивным моментом им понимается «оценивающее отношение говорящего к предмету речи» [там же: 188], и этот момент возникает лишь тогда, когда происходит «контакт языка с действительностью» [там же: 191], потому что экспрессия, по его мнению, является чуждой слову, и она возникает лишь в процессе живого общения, высказывания. Таким образом, М.М. Бахтин приходит к выводу, что именно экспрессивный момент является тем конструктивным элементом, который делает текст индивидуальным, определяет его стиль и композицию.

По мнению Б.О. Кормана, «основной эмоциональный тон представляет собой определяемый мировоззрением закон эмоциональных реакций, лирическое самопознание самых разных людей» [Корман 1997: 62]. Существенным признаком публицистических жанров является повышенная субъективность,

связанная с обязательной авторской оценкой. Автор может быть участником того или иного события, а может быть лишь «закадровой силой», но его цель всегда – донести до читателей ту или иную проблему, событие, факт, выставить ее на всеобщий суд, дать ей свою оценку, которая, в свою очередь, должна по его замыслу совпасть с оценками читателей, вызвать у них заинтересованную реакцию. «Разумеется, реакции эти (умение радоваться, негодовать, иронизировать, восхищаться и др.) варьируются, и все же они необыкновенно близки, гораздо более близки между собой, чем это можно было бы предположить, судя по разнообразию индивидуальностей...» [Корман 1992: 43]. Поэтому эмоциональный тон является неременным способом выражения авторской точки зрения, средством воздействия на читателя, служащим для формирования его умозаключений.

В.В. Виноградов в работе «О теории художественной речи» рассматривает тональность (хотя о ней прямо не заявлено) на примере типов ораторской речи, «в которых главное – фоника, смена интонаций – словом, синтактика словесных рядов в их звучании» [Виноградов 1974: 130]. Так, по его мнению, в патетической речи важна, прежде всего, интонация эмоционального нагнетания, подъема, которая связана с фигурой лексических повторов, сцеплений синонимов, а также обилием вопросительных и восклицательных конструкций, установкой на тон непосредственных обращений к слушателям, вкрапление своеобразных разговорно-речевых конструкций, что способствует созданию единого эмоционального настроения.

Некоторыми исследователями, прежде всего Т.В. Матвеевой, тональность понимается как функционально-семантическая категория, связанная с языковой категорией эмоциональности. По ее мнению, данная категория взаимодействует с оценками на эмоциональном усилении и волеизъявлении. Автор стремится разместить в тексте те или иные «сигналы психологической установки<...>, сознательной или подсознательной», которые «проходят через весь текст, создавая одну из сквозных нитей, скрепляющих его в единое целое» [Матвеева 1990: 27]. За счет таких сигналов и создается определенная психоло-

гическая окраска речи, некое психологическое самораскрытие автора, которое обладает эффектом эмоционального заражения. Из этого следует, что тональность представляет собой такую текстовую категорию, в которой находит отражение психологическая установка автора текста.

Категория тональности неразрывно связана с эмоциональным тоном произведения, но находится в отношении к нему как частное к общему. Эмоциональный тон включает в себя весь спектр эмоций в тексте, а категория тональности связана с эмоциональными доминантами, выраженными в тексте в виде различных языковых и речевых средств. В рамках одного текста могут взаимодействовать несколько тональностей, которые вместе и будут создавать общий эмоциональный тон произведения.

По характеру речевого воздействия выделяют несколько типов тональности: 1) мажорная тональность – отражение положительных эмоций и оценок, общий оптимистический настрой; 2) минорная тональность – отражение сниженных и отрицательных эмоций и оценок, общий пессимистический настрой; 3) нейтральная (нулевая) тональность – объективность положения, предельно малая значимость психологического речевого общения [«Стилистический энциклопедический словарь русского языка» 2003: 549].

В современной лингвистике средствами выражения категории тональности являются языковые единицы, в основе которых находится эмоционально-экспрессивная оценка. В.В. Виноградов к средствам реализации категории тональности относит такие фигуры, как лексические повторы, сцепления синонимов, а также вопросительные и восклицательные конструкции. По мнению Т.В. Матвеевой, на языковом уровне выделяются следующие базовые средства тональности, непосредственно выражающие семантику эмоциональности, волеизъявления, усиления: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, эмоционально-экспрессивные аффиксы, экспрессивные интонационные конструкции, прямые и переносные формы повелительного наклонения, экспрессивные синтаксические конструкции, изобразительно-выразительные средства (тропы и фигуры речи). Периферию тональности со-

ставляют те единицы языка, которые содержат не прямое выражение эмоционально-экспрессивной семантики, а также слова, обозначающие понятия о тех или иных эмоциях, волеизъявлениях.

Итак, тональные средства функционируют почти на всех уровнях текста для психологической манифестации авторской позиции и воздействия на сознание адресата.

В современной лингвистике существует мнение, что категория субъективной модальности и категория тональности либо тождественны друг другу, либо одна является составной частью другой. «Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности» [Малинович 1990: 64].

Со своей стороны, мы придерживаемся мнения о дифференциации этих категорий. Категория модальности базируется на оценке логической, а категория тональности - на эмоционально-экспрессивной оценке, и основная ее функция состоит в передаче чувственных реакций говорящего на высказывание или событие действительности.

Обе текстовые категории способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Образ автора представляет собой законченный, целостный образ, являющийся способом освоения действительности, а также характеризующийся нераздельным единством чувства и мысли. В то время как авторский голос не претендует на всеохватность и представляет собой точку зрения, не способную объединить в себе всю картину мира. Данный способ выражения авторского присутствия характерен для публицистических текстов.

2. Образ автора в журналистском произведении близок к «реальному лицу», пристрастному в своем отношении к действительности. При этом субъект речи чаще всего представлен на уровне голоса автора, поскольку многие жанровые разновидности публицистики (заметка, корреспонденция, статья) не обладают внутренними возможностями для полного развития этого образа. Но даже если отсутствует «полноценный» образ автора, субъект речи всегда эксплицирован хотя бы на уровне авторского голоса, который является своеобразным «двигателем сюжета», без которого высказывание остановится в своем развитии.

3. Образ автора в текстах Интернет-дискурса соотносится со следующими носителями жанра: 1) образ автора и точка зрения повествователя (данный компонент напрямую связан с категорией субъективной модальности); 2) речевой стиль повествования (компонент коррелирует с категорией тональности).

4. Субъективная модальность представляет собой языковой аналог эпистемической модальности в логике, в основе которой лежит оценка познанности существования связи между объектом и его признаком. Таким образом, в основе субъективной модальности лежит логическая оценка, отвечающая за установление причинно-следственных связей. «Рассыпанные» в тексте средства субъективной модальности способствуют выведению этой категории на новый уровень - текстовой модальности. В целом модальность является сильным воздействующим средством, благодаря языковым и речевым средствам ее манифестации на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях текста;

5. Категория тональности, в основе которой лежит эмоционально-экспрессивная оценка, способствует привнесению в текст эффекта «эмоционального заражения», что в немалой степени воздействует на формирование читательской оценки и умозаключений.

6. Категории субъективной модальности и тональности являются взаимодействующими и взаимодополняющими структурами, они служат для репрезентации образа автора и манифестируют его отношение к предмету речи.

ГЛАВА 3

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ТОНАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ

Основной задачей данной главы является исследование репертуара языковых, речевых и текстовых средств манифестации субъективной модальности и тональности в политическом Интернет-тексте.

Для решения поставленной задачи необходимо:

- во-первых, выявить репертуар средств субъективной модальности и тональности;
- во-вторых, охарактеризовать своеобразие функционирования в Интернет-тексте субъективной модальности и тональности;
- в-третьих, уточнить их иерархию в зависимости от степени воздействия на формирование читательских умозаключений и оценок.

Каждую из этих задач мы попытались решить в соответствующем разделе настоящей главы.

3.1. Субъективная модальность как средство манифестации отношения автора к действительности

Выше было сказано, что в современном языкознании существуют различные точки зрения на проблему функционирования субъективной модальности на различных уровнях языка. Одни исследователи (Е.И. Беляева, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Г.В. Колшанский, И.И. Мещанинов, В.З. Панфилов, М.В. Пляскина и др.) считают, что основными средствами субъективной модальности являются вводно-модальные слова, все остальные средства - вспомогательные и находятся на периферии. Другие ученые, в частности Г.Я. Солганик, выдвигают несколько иную точку зрения: субъективная модальность в предложении появляются с личным местоимением «я», остальные средства

(интонация, словопорядок, специальные конструкции, повторы, частицы, междометия, вводные слова и др.) являются вспомогательными. Основная задача данной главы заключается в выявлении средств выражения субъективной модальности и специфики их функционирования в политическом Интернет-тексте. Мы попытаемся представить иерархию средств выражения субъективной модальности в соответствии со значимостью тех или иных уровней текста для реализации субъективной модальности и проследить роль субъективной модальности в воплощении авторского отношения к изображаемому субъекту, прежде всего политику, о котором идет речь.

Представим уточненную нами типологию средств выражения субъективной модальности на грамматическом, лексическом, синтаксическом уровнях языковой системы, а также на уровне целого Интернет-текста.

Средства выражения субъективной модальности: личные местоимения, вводно-модальные слова, частицы, вводные сочетания слов, вставные предложения, повторы, междометия, тропы, интонация, словопорядок, специальные синтаксические конструкции - функционируют на всех уровнях текста и являются маркерами, способствующими манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения. Вместе с тем они выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата посредством перевода фактов, стоящих за текстом, в авторское суждение. Представим средства выражения субъективной модальности по степени интенсивности представления образа автора в тексте, опираясь на работы И.Р. Гальперина, Н.Б. Ипполитовой, К.А. Роговой.

Морфологический уровень:

- 1) личные местоимения;
- 2) модальные слова;
- 3) модальные глаголы;
- 4) модальные частицы.

Лексический уровень (представлен в основном тропами):

- 1) метафора;

- 2) ирония;
- 3) сравнения;

Синтаксический уровень:

- 1) модальные фразы;
- 2) вставные предложения;
- 3) нарушенный словопорядок (инверсия);
- 4) парцелированные конструкции;
- 5) синтаксические конструкции, в которых сочинительные союзы находятся после точки (так называемые разрывы);
- 6) предложения с обособленными членами предложения;
- 7) синтаксические конструкции с усилением отрицания;
- 8) синтаксические повторы (анафора, эпифора);
- 9) синтаксические конструкции с многоточием и др.

Текстовый уровень – субъект речи и его мировидение.

Морфологический уровень. На данном уровне субъективная модальность репрезентирована местоимениями (личные местоимения 1-го и 3-го лица), модальными словами (или вводно-модальными словами), модальными глаголами, модальными частицами.

Личные местоимения «я», «мы» часто используются журналистами для создания особого типа повествования, которое необходимо для того, чтобы объяснить читателю, чем определен выбор той или иной проблемы, дать свое понимание последней, представить возможные способы ее решения и, наконец, для установления диалога с читателем, превращения его в соавтора.

1) *Для начала я предлагаю вам играть в общую игру. Включаете телевизор и начинаете ловить их за руку - когда они лгут прямо или косвенно, подменяют понятия, умалчивают о том, что не укладывается в их схему.*

[А. Шубин. Властители дум / <http://jld.russ.ru>]

В данном примере субъективная модальность представлена местоимением «я», с помощью которого автор стремится установить с читателем контакт. В этом случае происходит совпадение образа автора с автором биографи-

ческим: образ автора – типизированное публицистическое «я» с индивидуальной манерой высказывания.

2) ***Я не стану судить о том, что представлял собой Хрущев как государственный деятель. Не буду определять его место в отечественной или мировой истории.<...> Однако могу сказать, что именно на отдыхе человек чаще всего проявляется таким, какой он на самом деле. С него спадает все величие, если, конечно, оно напускное.*** [Н. Добрюха. Последняя охота Хрущева / <http://www.aif.ru/>].

С помощью личного местоимения «я» автор стремится высказать свою категорическую позицию: он не станет выдвигать свою точку зрения относительно руководства Хрущева страной, ибо его главная цель - увидеть в Хрущеве не политика, а человека.

3) Иногда в тексте можно встретить не начальную форму личного местоимения, а его падежную форму:

Но журнал отсутствует в деле о болезни Сталина (выделено мной. – В.К.). [В. Каждая. Смерть вождя. Диагноз: убийство? / <http://soyuzssr.narod.ru/>]

В данном примере падежная форма личного местоимения «я», а также инициалы автора свидетельствуют об открыто выраженном присутствии автора, а также служит для акцентирования внимания читателей на важном для него (автора) моменте.

Вводно-модальные слова (ВМС). Долгое время вокруг группы модальных слов шли оживленные дискуссии. Это объясняется рядом причин. Во-первых, у модальных слов отсутствует точное, непротиворечивое определение; во-вторых, существуют различные мнения по вопросу об объеме данной группы слов; в-третьих, есть разногласия по вопросу об отношении модальных слов к системе частей речи; в-четвертых, происходит отождествление модальных и вводных слов (хотя синтаксисты относят все модальные слова к группе вводных слов). В настоящее время за ВМС признается способность находиться «в семантической, семантико-интонационной и даже конструктивной связи предложения или его части» [Анисимова 1982: 10]. «Особенности модальных слов как части речи заключаются в специфике их семантики

и назначения, в неизменности, в определенных синтаксических функциях. Главное, что объединяет модальные слова в особую часть речи и отстраняет от других классов, - это выражение субъективно-модальных значений. Модальные слова характеризуют высказывание с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к предмету речи» [Современный русский язык 1984: 425].

Хотелось бы уточнить, что в данной работе рассматриваются лишь те группы вводно-модальных слов, в основе семантики которых лежит логическая оценка. Это, прежде всего, модальные слова со значением уверенности или неуверенности говорящего, со значением акцентирования мысли, вводные слова со значением структурирования, а также вводные слова (ВС), которые служат для организации текста.

Текстовая модальность уверенности-неуверенности манифестируется при порождении текста. Уверенность или неуверенность автора в истинности сообщаемого всегда воспринимаются читателем и во многом влияют на степень эффективности высказывания. Поэтому журналист использует целый репертуар речевых средств для репрезентации этой категории.

Значение уверенности возникает в том случае, если говорящий полностью уверен в том, что он обладает достаточными знаниями о событиях, фактах, имевших или имеющих место, и претендует на знание истины о предмете речи.

В соответствии с тем, как говорящий оценивает свои пресуппозиции, все ВС данной семантики можно разделить на группы. Модальность уверенности составляют:

1) группа вводно-модальных слов, которую можно условно назвать «категорическая уверенность» (*разумеется, само собой разумеется, правда, точно, конечно*). Эти слова свидетельствуют об уверенности говорящего в том, что он говорит или пишет;

2) группа вводно-модальных слов, выражающих «безальтернативность» (*безусловно, бесспорно, несомненно, без сомнения, без всякого сомнения, вне всякого сомнения, вне сомнения*). Говорящий, употребляя эти вводно-модальные слова, претендует на полное знание о предмете речи, сомнений в

выборе одного из возможных вариантов у него нет. Предполагается, что их не должно быть и у читателя;

3) группа вводно-модальных слов «предсказуемость» (*естественно, натурально, естественное дело*), которые употребляются для изложения фактов, предопределенных естественным ходом вещей;

4) группа вводно-модальных слов «нормативность» (*действительно, в действительности, в самом деле, на самом деле, подлинно, понятно, известно, понятное дело, известное дело, известная вещь, понятная вещь, вестимо (устар.), факт*), которые передают очевидность того, о чем говорится в высказывании, ясность данного факта для всех¹.

Кроме того, микрополе уверенности может выражаться с помощью модальных частиц со значением уверенности (*да, точно*), а также модальных фраз (*я уверен, я не сомневаюсь, я знаю и т.д.*).

Значение неуверенности возникает тогда, когда говорящий не обладает достаточными знаниями о событиях или фактах и понимает, что его информация может оказаться недостоверной.

Модальность неуверенности представлена следующими микрополями:

1) микрополя уверенного и неуверенного предположения, в состав которых входят вводно-модальные слова (*верно, вероятно, видимо, видно, возможно, должно быть, допустим, кажется, кажись, казалось, может быть, наверно, наверное, надо думать, надо полагать, надо быть, очевидно, по-видимому, по всей вероятности, по всей видимости, пожалуй, похоже, предположим, скорее всего, чай (разг.), явно*), модальные частицы (*будто бы, вряд ли, вроде, вроде как, едва ли, едва ли не, как же, ли, навряд ли, небось, неужели, неужто, нешто, никак, не...ли, разве, словно, так уж, так ли, точно, якобы*) и модальные фразы (*как предполагается, я предполагаю, я рассчитываю на..., как ожидается и др.*). Предположение возникает тогда, когда говорящий не обладает

¹ Представленную классификацию ВМС со значением уверенности мы составили, исходя из работ М.В. Пляскиной «Модальные слова группы категоричной достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты» и «Словарь синонимов русского языка» /Под. Ред. А.П. Евгеньевой.

полной информацией или же он сомневается в ее достоверности. В некоторых случаях предположение может возникнуть из-за нежелания говорящего брать на себя ответственность за высказанную им или кем-то другим информацию [Чибук 2004].

2) микрополе сомнения: вводно-модальные слова (*сомнительно, маловероятно, впрочем, видимо, наверно, кажется*), модальные частицы (*вряд ли, едва ли, вроде бы, небось, поди, разве, как будто, неужели и др.*); модальные фразы (*мне кажется, я сомневаюсь, я думаю, мне думается, как представляется, мало вероятно, судя по всему и др.*).

Все эти слова содержат сему «сомнение в истинности высказывания», при этом в пресуппозициях говорящего содержится некая информация, которая обуславливает эти сомнения.

3) микрополе вероятности представлено следующими ВМС: *верно, вероятно, видимо, видно, возможно, должно быть, может, может быть, быть может, наверно, наверное, надо думать, надо полагать, пожалуй, по всей видимости, по всей вероятности, очевидно*, модальные частицы: *авось, небось, никак, поди, разве только, разве что*;

4) микрополе кажимости выражается с помощью следующих ВМС: *кажется, кажись, казалось, казалось бы*, а также с помощью модальных частиц: *как будто, как будто бы, как бы*.

В связи с этим необходимо отметить, что четкую границу между представленными выше микрополями провести очень трудно, иногда почти невозможно. Это объясняется тем, что все значения: предположение, сомнение, вероятность, кажимость – взаимосвязаны и могут пересекаться друг с другом. Поэтому одни и те средства выражения встречаются в составе различных микрополей, и определять лексическое значение того или иного ВМС необходимо по контексту.

1. ВМС со значением предположения:

Пожалуй, очень значительные ошибки ВВП совершал весь год. Административная реформа завершилась полной неудачей. Это открыто признают и в

Кремле, и в Белом доме. [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.ru/>]

В приведенном примере субъективная модальность выражается с помощью ВМС «пожалуй», которое употребляется в том случае, когда говорящий неуверен в достоверности информации или же не имеет веских аргументов в защиту своего суждения. Так, автор данного высказывания выдвигает предположение о том, что деятельность президента РФ в течение всего года не была адекватной сложившейся ситуации, что и привело к негативным результатам.

В один день называлось по три разные цифры, премьер, очевидно, избегал ответственности, боясь «вляпаться». [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.ru/>]

Субъективная модальности в этом примере выражается с помощью ВМС «очевидно», которое дает возможность говорящему сделать предположение на основании того, что премьер боялся взять на себя ответственность за недостоверные сведения. Автор не совсем уверен в правоте своих слов ввиду нехватки необходимых сведений.

У него, наверное, еще с детства в печенках сидел ужас перед силовыми органами: генералитетом и вершушкой КГБ. [М. Ростовский. Министр обороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе / <http://www.skandaly.ru/>]

В более широком контексте речь идет об особых взаимоотношениях, сложившихся между бывшим президентом РФ Б.Н. Ельциным и министром обороны Павлом Грачевым. Факт, что во взгляде президента прочитывался страх перед силовыми ведомствами, был отмечен приближенным Ельцина. В рамках высказывания факт стал суждением, хотя и не досказанным автором. В приведенном примере ВМС «наверное» репрезентирует уверенное, хотя и не обоснованное предположение.

2. ВМС со значением сомнения:

Мы - свободная нация, сказал Владимир Путин всем и внутри страны, и вне ее. Но вот приехавший в Москву президент США Джордж Буш, кажется, не оценил в должной мере это заявление, сочтя необходимым продолжать «историческую миссию» США по «освобождению от России»

сопредельных с нею стран. [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.ru/>]

Субъективная модальность в данном примере репрезентирована ВМС «кажется». ВМС «кажется» используется здесь, как и обычно, потому, что речь идет о представлениях или воспоминаниях, но говорящий не уверен в реальности факта, который лежит в основе высказывания.

3. ВМС со значением категоричной уверенности:

Правда, все эти настойчивые поздравления новоявленному «президенту» Януковичу, которого в прошлую пятницу даже не пустили на его премьерское рабочее место, рейтинга Путина явно не поднимут.

[Дугин А. Выбор президента Путина. Патриотизм или либерализм? // <http://www.nigru.ru/>]

ВМС «правда» в данном предложении реализует значение уверенности, которое основывается на пресуппозициях автора. Это значение переплетается в приведенном примере со значение «предсказуемость».

Конечно, наряду с этим были и противоположные тенденции – сдерживания развития “передовых” территорий. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). / <http://www.indem.ru/>]

Субъективная модальность в данном случае выражена с помощью ВМС «конечно», которое употребляется в том случае, когда говорящий уверен в истинности своих слов, ибо обладает нужной информацией или сам сведущ в той или иной области. В данном случае автор уверен, что, помимо мероприятий, направленных на «подтягивание отсталых провинций до среднеимперского уровня», благодаря которым в Душанбе или Фрунзе появились академии наук, университеты, телефонные станции, имели место и мероприятия, сдерживающие рост «передовых» территорий.

4. ВМС со значением «безальтернативности»:

Безусловно, принятая 12 декабря 1993 г. Конституция была основана на регионально-политическом компромиссе. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Интенция высказывания состоит в том, чтобы убедить читателя в истинности суждения (пишущий не оставляет адресату шансов на выбор) о Российской конституции.

Нет сомнения, что территория Россия формировалась как классическая империя – с помощью территориальной экспансии, осуществляемой посредством военной силы или на основе соглашений, согласно которым в состав территории метрополии включались другие государства или территории, контролировавшиеся своими этническими элитами. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). / <http://www.indem.ru/>]

Используя ВМС «нет сомнения», говорящий манифестирует категорическое утверждение относительно того, что расширение земель России происходило по классическому канону: захватывались территории, заключались соглашения, по которым наместниками становились этнические элиты, подчиняющиеся власти Хозяина.

5. ВМС со значением «предсказуемости»:

Естественно, против этой «идеальной схемы» восстали все министры. [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.ru/>]

Категория субъективной модальности в данном примере представлена ВМС «естественно», которое употребляется в тех случаях, когда существование того или иного явления предопределено, по мнению автора, реальным ходом событий. Автор делает акцент на правомерности министерских протестов против «идеальной схемы», идея которой заключалась в разделении уровней власти, что (в широком контексте) привело бы к узаконенной независимости всех субъектов управления друг от друга.

6. ВМС со значением «нормативности»:

Действительно, государство (власть) поставили под свой контроль главный телеканал страны (Первый, ОРТ), ранее фактически находившийся в распоряжении частного лица (Березовского), усилив тем самым свое присутствие на медиарынке. [А. Шубин. Властители дум / <http://jld.russ.ru/>]

Субъективная модальность в данном примере реализуется посредством ВМС «действительно», которое употребляется говорящим в тех случаях, когда ему необходимо подчеркнуть очевидность, ясность данного факта для всех.

Известно, что слабым местом либеральных партий традиционно была работа в регионах, исключая ряд крупнейших городов. [Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/statint.php>]

Факт, сообщаемый в данном высказывании, с точки зрения говорящего является соответствующим общепринятому мнению, и именно представление об общепринятости автор стремится передать читателю. Авторская интенция в данном примере связана с априорным умозаключением о том, что любая либеральная партия отдавала свои силы прежде всего работе в крупных городах, игнорируя периферию. ВМС «известно» акцентирует соответствие высказывания традиционной оценке факта.

7. Вводные слова, использованные для структурирования, организации текста:

Следовательно, Павлу Сергеевичу предстоит пройти процедуру утверждения в Госдуме. [Гребешков И. Последняя надежда олигархов // <http://daily.rian.ru/>]

Значит, он не доверяет системам безопасности, так же как и бизнесмену. [Третьяков В. Нужен ли нам Путин после 2008 года? Если да, то какой и при каких условиях. // <http://www.nigru.ru/docs/>]

Таким образом, ослабление, а затем и распад СССР, были формой защиты республиканских политических элит от неприемлемой для них политики метрополии, которая к тому времени олицетворялась политикой России. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Вводные слова «следовательно», «значит», «таким образом» способствуют вычленению главного аспекта, а также подведению к логическому выводу – определению закономерности.

Модальные глаголы. Долгое время в языкознании главным способом выражения модальности принято было считать глагольные формы наклонения, так как они обозначают отношение действия, выраженного глаголом (сказуемым), к действительности. Категория наклонения показывает, является ли действие реальным во времени или только возможным при известных условиях, или необходимости.

Еще Ш. Балли отводил модальным глаголам первостепенную роль в выражении модальности, ибо они представляют собой подкласс глаголов, выражающих суждение говорящего о предмете речи.

В.В. Виноградов к морфологическим средствам выражения модальных отношений относил формы времен и наклонений глаголов. По его мнению, «модальные значения, выражаемые синтетическими и аналитическими формами глагольных наклонений, а также соответствующими несвободными сочетаниями слов, более резко очерчены и более интеллектуализированы, чем модальные оттенки, создаваемые только интонацией» [Виноградов 1975: 62].

Такое видение проблемы объяснялось тем, что понятие модальности подверглось сильному влиянию формально-логического учения Аристотеля о разновидностях модальности суждения, а именно учения о трех наклонениях: изъявительном, сослагательном и повелительном, которые приводились в соответствии с выделяемыми в логике модальными отношениями. Именно поэтому глагольные формы наклонения являются главным способом выражения модальности.

К русским модальным глаголам, выражающим субъективную модальность, можно отнести следующие: «мочь», «хотеть», «желать», «уметь», «пытаться», «собираться», «намереваться», «долженствовать», так как они выражают субъективное отношение говорящего к действию. Приведем ряд примеров функционирования данных глаголов с целью реализации авторских интенций.

1) ***Он не хочет больше знать о той стороне жизни, которая едва не погубила его.*** [Ростовский М. Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе // <http://www.skandaly.ru/>]

С помощью модального глагола «хотеть» говорящий констатирует свое или чужое желание/нежелание, намерение реализовать какое-либо действие или

ощущать потребность в чем-нибудь. В данном примере автор передает нежелание своего героя иметь какое-либо отношение к опасной для него стороне жизни.

2) ***Более того, мы пытаемся показать, что, как это ни покажется парадоксально, “юридический изоляционизм” регионов сыграл и свою положительную роль.*** [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). / [http:// www.indem.ru/](http://www.indem.ru/)]

В данном примере использован модальный глагол - «пытаться», который имеет следующее значение: «Пытаться – стараться делать что-нибудь» [Ожегов, Шведова 1993: 655]. Употребление его в данном контексте свидетельствует о стремлении говорящего перевести возможное в реальный план, доказать суждение о том, что «юридический изоляционизм» является положительным фактором для многих регионов России.

Модальные частицы. Модальные частицы, как и модальные слова, выражают отношение говорящего к предмету речи. Основное отличие модальных частиц от модальных слов состоит в том, что первые лишены лексико-предметного значения, в то время как модальные слова имеют «гетерогенную структуру, представляющую собой множество взаимосвязанных сем, находящихся в иерархичных отношениях» [Пляскина 2001:9]. В свою очередь, модальные частицы имеют, скорее, гомогенную структуру с одной (реже – более чем одной) доминантной семой.

Весь корпус модальных частиц можно представить в виде следующей типологии:

1. Модально-волевые частицы (*бы, да, давай, дай, -ка, ну, пусть, пускай*). Данные частицы объединяются общим значением выражения воли говорящего. Употребляясь в составе предикатов, они придают предложению разнообразные оттенки значения: побуждения, повеления, возможности, долженствования.

2. Модальные частицы, выражающие отношение к достоверности сведений о явлении действительности (*было, будто, будто бы, бывает, бывало, едва*

ли, едва ли не, как будто, как будто бы, словно, как бы, как бы не, вроде, вроде как, в самом деле, словно и др.).

К модальным частицам близки также:

а) утвердительная частица *да*, нейтральная в стилистическом отношении. В качестве ее синонимов используются частицы *ага* (прост.), *так*, модальные слова *конечно, непременно, несомненно, пожалуй* и др., выполняющие в ряде случаев функцию частицы, сочетание *еще бы* (прост.), имеющее значение усиленного утверждения, частица *точно* (из воен. *так точно*);

б) отрицательные частицы *не, нет*, как основные средства выражения отрицания в русском языке;

в) вопросительные частицы *а, да, да ну, ли/ль, неужели, разве, ужели/ужель/ужли* которые, оформляя вопросительную конструкцию, вносят в предложение добавочные эмоционально-экспрессивные значения;

г) разговорные частицы (*де, дескать, мол, якобы*), употребляемые преимущественно для передачи и оценки чужой речи. Наиболее распространенное значение этих частиц – выражение сомнения в истинности чужих высказываний, несогласия с их содержанием.

Таким образом, мы видим, что функции частиц весьма разнообразны: они выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки предложений и слов, способствующие передаче отношения говорящего к действительности.

Нас интересуют прежде всего модальные частицы, выражающие отношение автора высказывания к явлениям действительности, в том числе подтверждающие достоверность или недостоверность последних, а также утвердительные и модальные частицы разговорного характера, так как именно они манифестируют логическую оценку явлений действительности.

Это:

1) модальные частицы со значением предположения:

Но даже если сам Чубайс не возглавит партию, он вряд ли допустит вариант, при котором СПС возглавит «чужая» публичная политическая фигура. [Гребешков И. Последняя надежда олигархов // <http://daily.rian.ru/>]

Модальная частица «вряд ли» выражает в данном примере значение уверенного предположения, так как говорящий почти не сомневается в том, что Чубайс не допустит «чужака» к браздам правления в СПС;

2) модальные частицы со значением сомнения:

Светлана Аллилуева, когда писала свои знаменитые «Двадцать писем к другу», еще ничего не знала о той роли, которую этот «прикрепленный» сыграл в те роковые часы, когда отправил спать охрану якобы по приказу Сталина. [В. Каждая. Смерть вождя. Диагноз: убийство? / <http://soyuzssr.narod.ru/>]

Субъективная модальность репрезентирована посредством модальной частицы «якобы», которая в данном примере выражает сомнение, в том, что Сталин лично отпустил охрану спать.

3) модальные частицы со значением утверждения:

Да, действующий Президент явился главным творцом частного семейного государства, и именно он менее всего заинтересован в реальной демократизации, поскольку это есть самый прямой путь к прекращению его пребывания во главе государства. [П. Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. // <http://kazhegeldin.addr.com/>]

Таким образом, основным, наиболее интенсивным средством выражения субъективной модальности являются личные местоимения «я», «мы». Остальные средства – вводно-модальные слова, модальные частицы, модальные глаголы - можно считать вспомогательными, но в комплексе они играют весьма важную роль для оформления высказывания в рамках целого текста.

Лексический уровень репрезентации субъективной модальности представлен изобразительно-выразительными средствами. Изобразительно-выразительные средства выполняют в публицистике определенную функцию – с их помощью дается оценка тому или иному факту, явлению, событию, выражается отношение автора к изображаемому.

1. Метафора. Исследование метафоры начинается еще со времен Аристотеля, который отмечал, что метафора - это «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1998: 1096],

это прежде всего умение «подмечать сходство» [там же: 1101]. В наше время, существует много подходов к изучению метафоры. Наиболее популярным является когнитивный подход, основоположниками которого являются Дж. Лакофф и М. Джонсон. При таком подходе метафора понимается не просто как перенос наименования по сходству, а как способ познания и категоризации мира. Это объясняется тем, что человек, обращаясь к чему-то новому, пытается осмыслить его через то, что ему знакомо и понятно. Так и «при метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы» [Чудинов 2003: 53]. Мы рассматриваем метафору «как способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности» [там же: 59].

Метафора в политическом тексте, на наш взгляд, выполняет когнитивную и воздействующую функции. С нашей точки зрения, метафора является одним из средств репрезентации субъективной модальности, т. к. в ее основе лежит оценочное осмысление окружающего мира, т.е. определение сущности того или иного явления и выражение авторского отношения к нему. Приведем ряд примеров.

1) ***В первое время Грачеву удалось удерживать свое положение при ельцинском дворе благодаря протекции других людей.*** [М. Ростовский. Министр обороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе / <http://www.democracy.ru/>]

В данном примере метафора «ельцинский двор» выполняет функцию отсылки к историческим фактам и манифестирует как общеотрицательную оценку периода правления первого президента, так и иронический подтекст.

2) ***Признание того обстоятельства, что Советский Союз был империей, – не что иное, как “патологоанатомический” диагноз, справедливость которого может быть полезна для лечения болезней потомков анализируемого государственного организма.*** [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

В приведенном примере субъективная модальность репрезентируется посредством метафоры «патологоанатомический диагноз», с помощью которой говорящий проводит аналогию между историей и медициной. Автор стремится внедрить в сознание читателя мысль о том, что Советский Союз являлся империей и это во многом обусловило его распад. Функция метафоры в данном случае предупреждающая – читателю как бы предлагается сделать необходимые выводы на будущее.

Сравнение. Традиционно принято считать, что главное в сравнении - это его эмоциональная нагруженность и образность, способствующие более точному восприятию. Но, несмотря на эти качества, возможны случаи, когда эмоциональный компонент в сравнении утрачивает свою интенсивность. Это позволяет говорить о логическом сравнении, когда сопоставление базируется на причинно-следственной связи. Именно такие сравнения могут являться одним из средств выражения субъективной модальности.

Но в реформах, как и в революциях, промедление смерти подобно...
[Шубин А. Россия в поисках пути: реформы тысяча девятьсот восьмидесятых // <http://his.1september.ru/>]

Ирония относится к числу наиболее ярких оценочных средств, а оценка, лежащая в основе данного тропа, как правило, отрицательна. Таким образом, ирония выражает критически-насмешливое отношение к описываемому предмету действительности со стороны говорящего.

Ирония является речевым средством, доминирующим элементом которого является эмоциональная нагруженность. И все же в иронических высказываниях наличествует логический компонент. Именно он способствует установлению причинно-следственной связи между тем явлением, которое подлежит осмеянию, и авторским отношением к нему. Таким образом, иронию можно считать средством манифестации субъективной модальности, с помощью которого выражается как авторская оценка, так и отношение высказывания к действительности.

Повторим: «независимый» Казахстан, погруженный в современный географический исторический контекст и опирающийся исключительно на собственные – материальные и человеческие – ресурсы, объективно должен опустошаться.

[П. Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. // [http: / kazhegeldin.addr.com /](http://kazhegeldin.addr.com/)]

В данном примере с помощью слова «независимый» говорящий выражает свое отношение к политическому статусу сегодняшнего Казахстана. Обычно «независимый» – свободный от чужой воли, влияния, самостоятельный. Но в данном примере это слово взято в кавычки, что способствует трансформации его значения, переносу. По мнению Н.Б. Ипполитовой, «ироническому переосмыслению подвергается в газетной речи и нейтральная, общеупотребительная лексика. Ее ироническая окраска, как правило, подчеркивается кавычками. <...> Ирония становится не только средством выражения авторской оценки, но и орудием разоблачения, выявления истинного положения вещей» [Ипполитова 1988: 29-30]. В данном контексте слово «независимый» приобретает противоположное значение - быть подчиненным чужой воле, власти, влиянию и т.д. С помощью подобного сдвига в значении слова автор вскрывает реальное положение вещей и негативно оценивает происходящее.

Эпитет относится к эмоционально-экспрессивным средствам, ибо в основе его лежит смысловой перенос и эмоциональная оценка. Но в некоторых случаях оценочный компонент (положительный или отрицательный) может вводиться посредством установления причинно-следственной связи между предметом и его описываемым новым качеством. Именно тогда, когда устанавливаемая связь между предметом и новым его качеством обусловлена причиной, порождающей в дальнейшем какие-либо последствия, эпитет может, по нашему мнению, становиться средством репрезентации субъективной модальности, в основе которой лежит логическая оценка. Вслед за И.Р. Гальпериным мы считаем, что именно эпитет «является наиболее прямым средством, реализуемым модальностью в предложении» [Гальперин 1981:53]. Попробуем проследить, как, используя в речи эпитет, говорящий не только оценивает тот или

иной предмет, но и выражает свое отношение к нему – негативное или позитивное.

Если попытаться подыскать определение, суммирующее реакцию властей, СМИ и населения на политические события 1999 года, включая смену правительства, парламента и маслихатов, то лучше всего подходят слова вялая и быстро выдыхающаяся. Апатия, разочарование и тревожные ожидания – вот главные эмоциональные характеристики казахстанского общества на входе в следующее тысячелетие. [П. Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. / <http://kazhegeldin.addr.com/>]

Эпитеты «вялая», «выдыхающаяся» использованы в речи для того, чтобы образно показать и оценить состояние, в которое правительство из-за своих неумеренных потребностей повергло все казахстанское общество. Осуждающая интенция ощутима и в следующем случае.

Когда президент Ющенко шел по красной дорожке московского правительственного аэропорта «Внуково-2», информагентства разносили новость: рулить украинской экономикой и отвечать за «вечное стратегическое партнерство» при Ющенко, скорее всего, будет небезызвестная «газовая принцесса» Ю. Тимошенко. [Колесниченко А., Нестерова А. Оранжевая любовь или голубая война? / // <http://eep.rian.ru/11.02.2005/>]

Эпитет «газовая принцесса» указывает на принадлежность политика к определенной бизнес-сфере, что соответствует пресуппозициям читателя: Ю. Тимошенко сделала состояние на контрактах о поставках нефти и газа.

Оранжевая любовь или голубая война? [Колесниченко А., Нестерова А. Оранжевая любовь или голубая война? / // <http://eep.rian.ru/11.02.2005/>]

С помощью эпитетов «голубая» и «оранжевая» автор отсылает читателя к недавним событиям экономической и политической жизни Украины: «оранжевой» революции и «газовой» проблеме, возникшей в связи с поставкой российских энергоносителей (кроме того, это намек на цвета украинского государственного флага).

Таким образом, ряд образных средств языка, основной функцией которых является изобразительно-выразительная, потенциально «приспособлены» к текстовой репрезентации СМ, в основе которой лежит логическая оценочность.

Синтаксический уровень представлен различными синтаксическими конструкциями, которые способствуют максимально полному выявлению авторской позиции. Это связано прежде всего с выдвижением логического компонента модальности на передний план.

Модальные фразы - это определенное смысловое единство, целостность которого создается посредством интонации и определенной синтаксической структуры, которая представлена сочетанием личных местоимений с глаголом мышления или речи. В основу данного единства заложен модальный компонент (предположение, утверждение и т.д.). В целом репертуар модальных фраз достаточно разнообразен. Приведем ряд примеров.

1) **Уже можно уверенно утверждать, что наличествует существенная обратная связь между уровнем развития региона и его стремлением к суверенитету.** [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Как и в предыдущем случае, говорящий выражает свою уверенность, основываясь на ранее полученной информации. Это дает ему возможность не только высказывать суждение, но и убеждать в его истинности своего собеседника (функционально-семантическое поле уверенности).

2) **Думаю, что такой план Кремля был как-то передан Белому дому.** [Попов Г. Кровавый октябрь / <http://www.aif.ru/>]

Представленная синтаксическая конструкция с глаголом «думаю» входит в функционально-семантическое поле неуверенности, а точнее - в микрополе предположения. Конструкция с глаголом «думать» используется в тех случаях, когда говорящий не совсем уверен в истинности тех или иных фактов или же не обладает достаточной информацией, чтобы подтвердить свою мысль. На предположительность указывает и наличие в предложении неопределенного местоимения «как-то».

Вставные конструкции «комментируют содержание предложения или отдельных членов, разъясняют его, уточняют, обосновывают, дают дополнительные сведения», с помощью которых можно установить причинно-следственные отношения. «Они имеют характер попутных замечаний по поводу содержания основного предложения и интонационно выделяются, разрывая и нарушая его интонационное единство» [Валгина 2000: 251], а также акцентируя внимание читателей на важном для автора моменте.

1) *От некогда модной идеи гражданского общества осталось только усеченное представление о многочисленных друзьях ФСБ, бдительно сообщающих обо всем подозрительном (к чему, кстати, ФСБ абсолютно не готова).* [Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/statint.php>]

С помощью вставных конструкций у говорящего появляется возможность ввести в структуру предложения свой комментарий: уточнить, пояснить что-либо, выразить свою оценку того или иного действия. В приведенном примере данная вводная конструкция (парантеза) – «вставка внутрь предложения не соединенного с ним грамматически слова, словосочетания или другого предложения» [Хазагеров, Ширина 1999:250]- выполняет функцию уточнения, констатации факта.

2) *Страна трещала по швам, из которых сочилась кровь. Это было еще одно, более страшное нарушение договора элит: метрополия была не в состоянии обеспечить политическую и социальную стабильность на контролируемых территориях. Слабая метрополия не была нужна колониям. (Тем более что в наших условиях “метрополия” никогда не была самой развитой частью страны, если не сводить ее только к Москве. Прибалтика выглядела гораздо более продвинутой, Северный Кавказ – гораздо более рыночным и т.д. Это всегда было типично для Российской империи. В этом смысле у нас вообще не было метрополии в традиционном понимании).* [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Данная вводная конструкция включает несколько законченных по смыслу предложений, объединенных единой интенцией – охарактеризовать понятие метрополии применительно к российским реалиям.

Инверсия основана на особом расположении компонентов предложения или словосочетания. В русском языке существует определенное правило расположения компонентов предложения: на первое место выступают подлежащее или сказуемое в зависимости от характера предложения, далее следует определение (согласованное или несогласованное), дополнение, обстоятельство, на месторасположение которого влияют его значение и форма выражения. Изменение прямого словоупорядка приводит к образованию инверсии. Подобные синтаксические конструкции способствуют акцентированию наиболее важных, по мнению автора, частей высказывания [см. Хазагеров 1999:230]. Таким образом, инверсия выступает одним из способов выражения авторского отношения к действительности.

Места серьезным российско-украинским отношениям в такой стратегии точно не будет. [Е. Ясенов. Виктор Ющенко – политический портрет / [http: // www.e-journal.ru /](http://www.e-journal.ru/)]

Изменение расположения слов предложения способствует акцентированию внимания читателей на том возможном результате «европейской, американской или какой-то еще» стратегии, в основе которой нет места серьезным, нормальным отношениям между Россией и Украиной.

Парцелляция – «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 369]. Такие синтаксические конструкции состоят из двух частей – основной и парцеллята, всегда находящихся в постпозиции. Подобные построения придают предложению особую психологическую наполненность, а также способствуют не только выражению авторского «я», но и актуализации важной мысли в тексте. «Парцелляция выполняет две изобразительные функции: символизирует изменение эмоционального настроения и передает неожиданную устойчивую кон-

центрацию мысли на новом предмете, названном в парцелляте» [там же:151]. Таким образом, парцеллированные конструкции осуществляют мониторинг авторской мысли:

Маленков и Берия не были полностью уверены, что Сталин умирает наверняка, что врачи, если их вызвать немедленно, не вытянут Вождя из могилы. И потому не вызвали. [В. Каждая. Смерть вождя. Диагноз: убийство? / <http://soyuzssr.narod.ru/>]

Во втором предложении союз «и» находится в препозиции, тем самым, способствуя смысловому и структурному выражению субъективной модальности. С помощью такой синтаксической конструкции автор придает данному фрагменту текста особое смысловое наполнение: во-первых, дается причинно-следственная характеристика действий Маленкова и Берии, а, во-вторых, делается попытка обозначить виновников смерти Сталина.

В некоторых случаях парцелляции подвергаются сложноподчиненные предложения. Это могут быть:

1) парцеллированные конструкции с пояснительно-уточнительным значением, которое выражается при помощи местоимений «*тот*», «*этот*», «*который*»:

Либерализм - идейное оружие человека, который имеет собственность и хочет ее сохранить (а потому требует справедливой правовой системы, прозрачности налогов и подотчетного государства), который может проектировать на десятилетия свою жизненную стратегию: сколько взять в кредит, сколько отложить на старость и образование детей. Который - в конце концов - рассчитывает на свои силы, а от государства требует только того, чтобы ему не мешали да поддерживали порядок на улице. [Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/>]

Данная конструкция представляет собой единое синтаксическое целое – сложноподчиненное предложение с однородными придаточными, поясняющими основную часть предложения. Намеренный логический разрыв – отделение

третьей придаточной части – способствует сосредоточению взгляда читателя на авторской позиции.

2) парцеллированные конструкции с использованием причинных союзов «*потому что*», «*ибо*» и частицы «*ведь*»:

Он не мог не видеть, что к нему уже не спешат, как раньше. Потому что он терял власть... [Н. Добрюха. Последняя охота Хрущева / <http://www.aif.ru/>]

В нормативном варианте эта синтаксическая конструкция представляет собой единое целое – сложноподчиненное предложение, в котором главная и придаточные части связаны между собой: «Он не мог не видеть, что к нему уже не спешат, как раньше, потому что он терял власть». Но с помощью парцеллирования автор пытается заострить внимание читателя на важном, по его мнению, моменте: пока Н.С. Хрущев был при власти, к нему стремились все, но стоило ему утратить бразды правления, как он стал никому не нужен.

3) парцеллированные конструкции с уступительным и целевым значением – «*хотя*», «*чтобы*»:

Что ж, планов использовать именно белорусскую модель в Кремле, наверное, действительно нет. Хотя осадок, как говорится, остался. [Калишевский М. Все на нервах // <http://www.inostranets.ru/>].

Вслед за И.П. Распоповым мы считаем, что в подобных примерах обнаруживается «субъективное (индивидуально авторское) стремление к некоторой стилистической акцентировке добавочного сообщения, содержащегося в придаточной части» [Распопов 1973: 182].

Расширенным вариантом парцеллированной конструкции являются синтаксические конструкции с сочинительными союзами, находящимися после точки. В современной лингвистике вопрос о грамматической природе и возможностях синтаксических конструкций с сочинительными союзами после точки до сих пор остается спорным. Так, Э. Сепир считал, что такие сложносочиненные предложения являются предложениями лишь в стилистическом смысле, и использование точки перед сочинительным союзом «делает эти

предложения формально независимыми, хотя семантически они не претерпевают каких-либо изменений» [Севбо 1969: 12]. Такой же точки зрения придерживался и В.Г. Адмони. Он не раз подчеркивал, что проведение границы «между рядом семантически связанных между собой самостоятельных предложений и сложносочиненным предложением» представляется сложным процессом [там же: 12]. Н.С. Поспелов высказывает мнение, что присоединительная связь в предложениях, начинающихся с сочинительного союза, разрушает «простое фактическое сообщение, содержащееся в нем» [Поспелов, 1948: 53-55]. Таким образом, присоединительная связь понимается как некий разрыв, способствующий распаду «формально-грамматического единства», но при этом не нарушающий семантической целостности этих предложений.

Для нас важным представляется то, что присоединительная связь и одновременный разрыв синтаксического единства способствуют акцентированию внимания на реме, в которой, по мнению автора, заключается основная, важная мысль высказывания. Поэтому синтаксические конструкции с сочинительными союзами являются одним из средств манифестации авторской позиции, актуализации оценочных смыслов.

1) *Одним словом, все довольны. И руководство «Рособоронэкспорта», иногда пользующееся услугами столь замечательного политветерана. И сам Павел Сергеевич, пребывающий на столь почетной и комфортной пенсии.* [М. Ростовский. Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе / <http://www.skandaly.ru>]

Все три приведенных предложения можно оформить в виде одного синтаксического целого, в котором вторая и третья части раскрывали бы смысл первого предложения, поясняли его. Автор намеренно разделил их для того, чтобы сконцентрировать внимание читателя на субъектных номинациях и тем самым подчеркнуть свою оценку последних.

2) *Да каких прорывов можно ждать от правительства, если через полгода после реформы многие госслужбы не получали зарплату. И не потому, что денег нет. А потому, что не могли разделиться: к какому мини-*

стерству относится то или иное ведомство. [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.Ru/numbers/1332/article41179.htm>]

Данные предложения представляют собой, если их объединить, синтаксическое целое – сложную синтаксическую конструкцию, где второе и третье предложения являются пояснением к первому. Такое расчленение частей предложения способствует заострению внимания читателей на абсурдности положения вещей после проведенной реформы: неразбериха господствовала в рядах госслужб только из-за того, что они не могли причислить себя к нужному ведомству.

3) Значит, нам предстоит столкнуться с тем, что межрегиональные диспропорции, и без того большие в нашей стране, в ближайшем будущем начнут усугубляться еще более. А ведь социальные процессы, особенно территориальные, обладают большой инерционностью. Раз начавшись, они с большим трудом поддаются корректирующему воздействию. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/Congress/OcherW7.html>]

В этом примере второе предложение уточняет первое. Представляя информацию в виде двух предложений, пишущий стремится привлечь читателей к принципиальному для понимания межрегиональных процессов фактору.

Синтаксические конструкции с усилением отрицания.

1) Но против смирного, вежливого, ни на что не претендующего Грачева никто не возражал. [М. Ростовский. Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе / <http://www.skandalu.ru>]

Повторение отрицательных конструкций «ни на что не претендующего», «никто не возражал» способствует усилению утверждения. В данном предложении манифестируется не только модальность уверенности – оно экспрессивно, благодаря двойному усилению отрицания.

Синтаксический параллелизм - это регулярно повторяющаяся в смежных конструкциях модель предложения. Данная синтаксическая конструкция в пуб-

лицистическом тексте используется не только как средство, способствующее выстраиванию некой картины, но и как средство последовательного уточнения, обобщения, а также акцентирования определенной мысли автора. Конечно, в основе большинства стилистических фигур, основанных на повторе, лежит стремление к приподнятости, риторизации, экспрессивности, ритмичности изложения, но иногда встречаются и такие конструкции, где логическое развертывание той или иной мысли является доминирующим фактором.

По мере того, как экономика будет выздоравливать и развиваться, будут решаться социальные проблемы, будет формироваться новая система ценностей, на базе которой будет происходить консолидация общества, по мере того, как страна будет превращаться в по-настоящему демократическую, правовые разрывы будут становиться все более тяжелой проблемой. [Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/statint.php>]

Синтаксический параллелизм в данном примере подчеркивает следственно-временные связи: по мере выздоравливания экономики будут следовать улучшения общественной жизни. Такая синтаксическая конструкция способствует акцентированию внимания читателя на смысловой стороне высказывания, подчеркивая возможную, желательную для автора перспективу.

Он постоянно позволяет себе политические шаги, идущие вразрез с интересами Кремля (вплоть до баллотировки на президентских выборах как соперника В. Путина), и позволяет он себе это прежде всего потому, что чувствует себя уверенно благодаря прочной репутации главы одного из самых процветающих регионов страны. [Третьяков В. Нужен ли нам Путин после 2008 года? Если да, то какой и при каких условиях. // <http://www.nigru.ru/docs/>]

В этом случае обратный синтаксический параллелизм способствует выявлению причинно-следственных значений (пояснение действий, воспроизводимых героем), что позволяет говорящему строить суждение в рамках модальности уверенности.

Отсюда пресловутые слова Б.Ельцина насчет “независимости, сколько сможете проглотить”, отсюда его правило закрывать глаза на эскапады лидеров автономий, отсюда и творческая независимость этих лидеров в начертании своих конституций. [Шушарин Д. В защиту Бориса Ельцина // [http:// gazeta.lenta. ru /](http://gazeta.lenta.ru/)]

В данном примере синтаксический параллелизм опирается на принцип «цепной реакции»: одно утверждение вытекает из другого как следствие. Такая синтаксическая конструкция дает возможность говорящему выстроить своего рода «хронологию» действий, понять их природу и выразить свое отношение к ним.

Синтаксические конструкции с обособленными членами предложения. Уточнение, конкретизация, дополнение сообщения, подчеркивание, акцентирование тех или иных смыслов – все это обеспечивает сдвиг в сторону логизации высказывания. Знаки препинания – тире, запятые, двоеточия – помогают пишущему сделать тонкие смысловые (логические, эмоциональные) выделения, заострить внимание читателя на важном моменте и подчеркнуть его важность для самого автора.

1) ***После президентских выборов 2000 года Владимир Путин и его команда, на собственной судьбе испытавшие мощь двух квазипартий ОРТ и НТВ, разгромили сначала одну олигополию (Медиа-Мост) - не без помощи Березовского.*** [А. Шубин. Властители дум / [http:// jld.russ.ru /](http://jld.russ.ru/)]

В приведенном примере обособленный член «не без помощи Березовского» выполняет функцию уточнения, с помощью которого автор стремится не только донести интересную информацию до читателей, но и дать негативную оценку действиям В. Путина и его команды.

2) ***Передо мной встала проблема морального, гражданского и политического выбора, что часто бывает в журналистике, но в менее значимых масштабах. И я этот выбор, даже ценой потери мною созданного, сделал.*** [Третьяков В. Прыжок в царство свободы // [http:// www. nigru. ru /docs/1](http://www.nigru.ru/docs/1)]

С помощью обособленного члена предложения («даже ценой потерей мною созданного») автор пытается показать, насколько важен был для него «моральный, гражданский и политический» выбор, который иногда встает перед журналистами.

Анафора – единоначатие, т.е. повторение синтаксических единиц в начале каждой синтаксической конструкции. Анафорические конструкции используются в публицистических текстах для создания смысловой целостности высказывания, для придания ему экспрессивности, а также для акцентирования внимания читателей на логически важном отрезке текста. Приведенный пример свидетельствует о том, что, анафору можно считать одним из средств выражения авторской позиции в тексте.

В. Шендерович в «Итого» тоже может позволить себе не утруждаться хоть какими-нибудь доказательствами, но его слова воспринимаются зрителем как информация. Шендерович пытается представить дело так, будто Ельцин откровенно лжет, рассказывая о событиях 1998-1999 годов. [А. Шубин. Властители дум / <http://jld.russ.ru/>]

С помощью анафоры автор стремится заострить внимание читателей на том факте, что именно Шендерович имеет возможность говорить «непреложные» с его точки зрения истины, не приводя при этом обоснования.

Подхват (стык).

1) Федерализация стала, по большому счету, неизбежным последствием общей демократизации страны, и равнодушие российских регионов к этой проблеме во многом искупалось активностью федерального центра. Центр настойчиво строил федеративные отношения, сплошь и рядом преодолевая сопротивление некоторых региональных элит, которым казалось гораздо более выгодным сохранять жесткую соподчиненность с центральными властями, чем отвечать перед своим избирателем. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

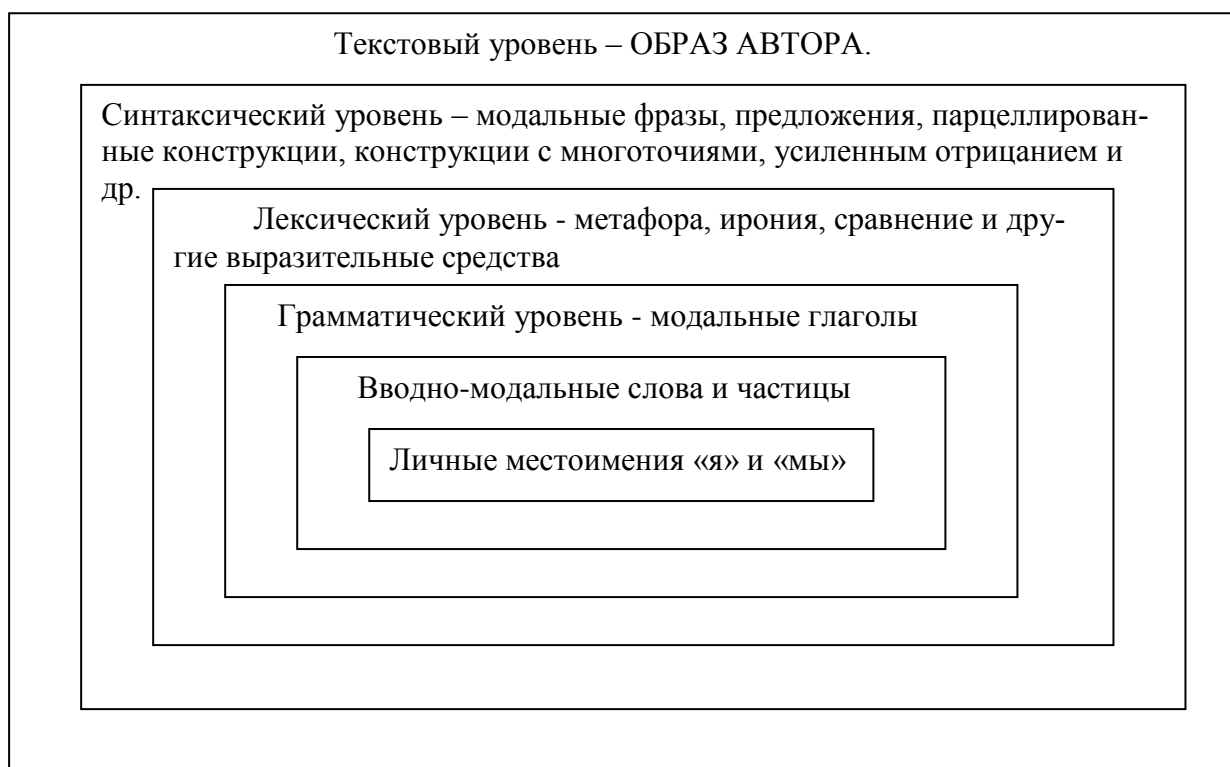
При помощи повторения слова «центр» в конце первого предложения и в начале второго автор подчеркивает важность федеральных отношений, устанавливаемых Центром с российскими регионами.

Синтаксические конструкции с многоточием.

Причем из двух десятков листочков таких записей, судя по первоначальной их нумерации, затем зачеркнутой, в деле не хватает нескольких страниц, по которым можно было бы судить, когда, в какой день и час началось лечение... [В. Каждая. Смерть вождя. Диагноз: убийство? / [http: // soyuzssr. narod.ru /](http://soyuzssr.narod.ru/)]

В данном предложении субъективная модальность выражается при помощи интонационной паузы, графически оформленной многоточием. Она помогает привлечь внимание читателя к данному высказыванию и придать ему особую смысловую нагрузку, в том числе создать ощущение недоговоренности. Таким способом автор как бы приглашает читателя к диалогу, пытается дать ему возможность самому сделать соответствующие выводы и прогнозы.

Текстовый материал свидетельствует о том, что все средства выражения субъективной модальности в текстах, соотносимых с Интернет-дискурсом, можно представить в виде полевой структуры. При этом логика расположения компонентов поля связана со степенью интенсивности представления в тексте авторского «я»: от центра (наивысшая степень интенсивности) к периферии. Центр поля – это местоимение «я» и его падежные формы. Вводно-модальные слова и модальные частицы составляют околоядерную часть, с их помощью говорящий выражает свое отношение к высказываемому с точки зрения достоверности/недостоверности. Все остальные средства образуют иерархически структурированную периферию поля. Представим эти обобщения в виде схемы.

Несмотря на то, что ядерными и околядерными компонентами манифестации субъективной модальности являются личные местоимения и вводно-модальные слова, все остальные средства (модальные глаголы, тропы, модальные фразы и предложения, парцелированные конструкции и др.) – тоже играют активную роль в формировании авторского присутствия в тексте и отражения точки зрения автора на лицо, ситуацию или события. Именно об этом речь пойдет в следующих разделах главы.

3.2. Субъективная модальность и голос автора в политических Интернет-текстах

Цель данного раздела – выявление роли субъективной модальности в связи с репрезентацией авторского «я» в рамках политического Интернет-текста. В качестве материала для анализа мы использовали текст Александра Шубина «Мифотворчество в политическом затишье. Российское телевидение на грани столетий. Очерк 1» [[http:// old.russ.ru/](http://old.russ.ru/)]. Не дифференцируя жанровую разновидность, мы попытались выявить роль субъективной модальности в организации целостного текста и его важнейшего компонента – образа автора.

Субъективная модальность, как мы считаем, помогает обнаружить авторское присутствие на всех уровнях текстовой ткани.

Морфологический уровень

1) Личное местоимение «я», его падежные формы или «мы» (с поддержкой существительных и глаголов со значением речи и мысли)

Но я даже не успел удивиться тому, что левый канал зовет Путина к Деникину, которого так не любят "враги России" из французской компартии.

В приведенном примере средством манифестации субъективной модальности является личное местоимение «я» в сочетании с глаголом «удивиться», эксплицитно репрезентирующие в тексте автора мыслящего и недоумевающего.

Для меня сенсацией стали слова о существовании в России левого телеканала.

В данном предложении местоимение «я» («меня») поддерживается существительным «сенсация», что свидетельствует не только о присутствии самого автора, но и о его чувствах (высшей степени удивления), которые он испытывал, узнав о существовании «левоканального», телевидения.

Тогда мы окажемся в ловушке важного средства манипуляции сознанием - черно-белого мышления, когда две клики манипуляторов, пасуя друг другу, устанавливают монополию на сознание по принципу выбора в рамках ограниченного набора возможностей.

В этом высказывании автор, используя форму «мы», стремится к единению с читателем. Автор «приглашает» читателя в своеобразное сообщество одинаково мыслящих людей.

2) Модальные слова с разным значением.

а) со значением предположения:

В другой передаче М.Леонтьев сообщает, что левые - враги России. Среди этих врагов - такие левые, как французские коммунисты, левоцентристская по происхождению, но в общем вполне правая газета

"Стампа" и некий "левый канал" в России. Словно жидомасонский заговор, левые разветвлены и невесть как согласуют свои антироссийские действия. Похоже, только Леонтьев способен связать воедино разные стороны этого заговора.

Используя в тексте ВМС «похоже», автор выдвигает предположение о «недюжинной» «способности» М. Леонтьева раскрывать заговоры против России, которые возглавляют французские коммунисты, правая газета «Стампа» и «левый канал» российского происхождения. ВМС в данном случае есть средство создания иронического подтекста.

Вероятно, далеко не все в области считают, что Руцкой руководит хорошо.

С помощью ВМС «вероятно» говорящий привносит в текст предположение, что существуют лица, считающие руководство Руцкого не совсем отвечающим намеченному пути. Использование данного слова объясняется, скорее всего, тем, что автор не обладает необходимой информацией или же не хочет называть людей поименно;

б) со значением «безальтернативности»:

Несомненно, что те югославы, которые поджигали здание парламента, почувствовали себя свободными.

Субъективная модальность представлена ВМС «несомненно», которое используется говорящим для того, чтобы подчеркнуть важность факта, при этом автор преподносит его так, что собеседник не имеет никакой возможности усомниться в значимости этого события для свободолюбивых югославов.

в) со значением категоричной уверенности:

Но доверчивые телезрители лишний раз убедятся в цинизме и эгоизме адмиралов и чиновников. Они, конечно, циничны.

Используя ВМС «конечно», говорящий стремится еще раз подчеркнуть и заострить внимание читателей на давно известном суждении (все чиновники по своей природе циничны).

В результате проигравшая информационную драку 1999 года либерально-западническая команда уже в августе 2000 года умудрилась навязать другим каналам свои правила освещения августовских катастроф (конечно, благодаря поддержке поссорившейся с президентом группы Березовского).

В этом примере ВМС «конечно» использовано для выражения категорической уверенности в том, что пишущий решил для себя;

г) со значением «предсказуемости»:

Естественно, они нехотя опровергают мифы НТВ и с жаром их поддерживают, если поступает намек из коридоров власти, что "уже можно".

Говорящий, используя ВМС «естественно», стремится заострить внимание читателя на том факте, что не стоит ожидать ничего нового от РТР и ОРТ, находящихся в сильной зависимости от «коридоров власти»;

д) вводные слова со значением структурирования, организации текста:

Таким образом, сатирический образ "семьи" из "Кукол" тут же переносится на самого Ельцина и затверждается как общеизвестная данность.

Вводное словосочетание «таким образом» используется говорящим для вычленения сути высказывания, а также для подведения читателей к логическому выводу – выявлению закономерности, вытекающей из изложенных фактов. Негативно-оценочный компонент выходит на передний план благодаря совмещению вводного словосочетания и вводной конструкции, содержащий резко отрицательное авторское мнение.

В записке не сказано о столкновении с иностранной подлодкой (подтекст: следовательно, его не было).

В этом примере субъективная модальности выражена ВС «следовательно», которое способствует не только подведению некоего итога, но и заостряет внимания читателей на важной для автора информации о несостоятельности гипотезы: «Курск» погиб в результате столкновение с иной подводной лодкой.

А значит, это сигнал нам с вами: "не будем поддаваться манипуляции сознанием, подумаем, каким образом возможен мир в Косово без войск НАТО".

ВС «значит» подводит логический итог сказанному, это заключение, на которое читателю следует обратить внимание.

3) модальные частицы:

а) со значением предположения:

Неужели в России случился такой праздник плюрализма, что каким-то левым позволили создать телеканал?

Модальная (вопросительная) частица «неужели» имеет значение неуверенного предположения. В рамках риторического вопроса автор «делает вид», что отказывается верить в подобную нелепицу, и это в некоторой степени усиливает эмоционально-экспрессивный характер предложения;

Так что вряд ли эта записка принесет больше сенсаций, чем сообщили официальные лица.

Частица «вряд ли» привносит в текст значение уверенного предположения говорящего о том, что записка погибшего капитана Колесникова не способна пролить свет на загадочную гибель подводной лодки «Курск»;

б) со значением уверенности:

«Однако» (название телепередачи), даже солидаризировавшись с Думой по некоторым вопросам, не может не высказать свое презрение к ней, играя на контрасте между нестройными толпами депутатов и военным строем. Да, строй сегодня милее тележурналисту.

В приведенном примере субъективная модальность обеспечивается модальной частицей «да», которая выражает не только уверенность говорящего, но и передает его скептический настрой.

Лексический уровень:

1) Метафора:

В этом проблема нас, зрителей, и их - людей из телевизионного зазеркалья, жрецов нового иррационального сознания.

С помощью метафоры «жрецы нового иррационального сознания» говорящий подчеркивает статус работников телевидения как служителей нового идола и их способность воздействовать на сознание людей. В основе данного высказывания лежит имплицитная причинно-следственная связь: люди «практически не живут без телеэфира», следовательно, они подвержены его влиянию.

2) эпитет:

У канала лица нет, и ток-шоу "Времена", напоминающее "Национальный интерес" ТВЦ, может соперничать только с вялотекущим "Зеркалом".

Эпитет «вялотекущий» использован в речи для того, чтобы образно представить то впечатление, которое возникло у автора во время просмотра этой телепередачи.

3) ирония:

Здесь в голове Леонтьева все так запутано, что без опытного психолога (Леонтьев сказал бы «психиатра») не разобраться.

С помощью иронии автор желает подчеркнуть абсурдность ситуации, в которой оказался его герой, а также нелепость созданного героем «искусственного мира», населенного «левыми врагами» России.

Синтаксический уровень:

1) модальные фразы:

Как человек, работавший в государственном аппарате, я знаю, сколько разнообразных проектов готовится в его недрах разными доброжелателями.

Модальная фраза «я знаю» является одним из средств выражения модальности уверенности, ибо это утверждение основано на ссылке на прежний опыт автора.

Записка капитана Колесникова позволила еще раз напомнить два тезиса, которые внушались нам в августе: если бы немедленно обратились за помощью к Западу, то удалось бы спасти часть подводников; военные и

госкомиссия скрывают правду, чтобы спасти свой престиж. Не буду утверждать, что это не так.

Синтаксическая конструкция «не буду утверждать» манифестирует модальность неуверенности. Это выражение свидетельство о том, что говорящий либо не желает брать на себя ответственность за свои слова, либо не обладает нужной информацией, способной подтвердить его высказывание.

2) вставные предложения:

А раз штамп - это факт, то и выходит, что воспоминания Ельцина вступают в противоречие со "всеми известными фактами": "Примакова в премьеры предложил не Явлинский, а сам Ельцин", - язвит Шендерович по поводу мемуаров. (Напомним, что предлагать парламенту премьер-министра - это прерогатива президента, а не Явлинского. Так что формально Ельцин прав.)

С помощью такой синтаксической конструкции у говорящего появляется возможность вставить в свое высказывание комментарий того или иного факта: уточнить, пояснить то, что, возможно, не каждый знает.

Он берет вице-преьера Клебанова за колено и, пристально глядя в глаза, спрашивает: надо ли остановить операцию в Баренцевом море (операция только что началась, и вопрос звучит бессмысленно).

В этом предложении вставная конструкция способствует выявлению абсурдности вопроса, заданного ведущим программы «Зеркало» Сванидзе, а также отношения говорящего к этому вопросу. К тому же комичность ситуации подчеркивается иронией - «эротическим действием» телеведущего («берет вице-преьера за колено»), что, конечно же, выставляет Сванидзе в нужном автору текста свете.

3) парцеллированные конструкции:

Если бы такое сказал Киселев, от него потребовали бы хотя бы аргументов. А шутам можно.

В данном примере союз «а» находится в препозиции второго предложения, что способствует смысловому и структурному выражению субъективной

модальности. С помощью такой синтаксической конструкции автор стремится заострить внимание читателей на всем известной истине и дать лицу, в данном случае В. Шендеровичу, соответствующую ироническую оценку.

Речь идет о том, что в Западной Европе парламент контролирует исполнительную власть. А у нас нельзя. Не доросли.

В этом случае автор стремится акцентировать внимание на тех демократических принципах, которые господствуют в Европе и в России. Это способствует сопоставлению отношений между нашей и европейской политической действительностью, созданию иронического подтекста и индуцированию соответствующих читательских выводов.

5) синтаксические конструкции с сочинительными союзами, находящимися после точки:

НТВ ведет осторожную работу по наращиванию оппозиционных настроений среди командного состава. И это - реальность политико-информационной борьбы, скрывающаяся за мифами.

В стилевом отношении канал отличается от РТР незначительно. А теперь еще и политический курс вписался в общедержавную колею.

В обоих примерах предложения, если их объединить, представляют собой сложносочиненное предложение, где второе дополняет и поясняет первое. В обоих случаях автор намеренно разделил предложения для того, чтобы создать вокруг текстового фрагмента «магнетическое поле»: показать читателю то общее, что есть у ТВЦ и РТР, и тем самым дать подтекстовую негативную оценку новому конформистическому каналу.

б) синтаксические конструкции с усиленным отрицанием:

Ничто, сказанное в политэфире, не говорится в шутку.

С помощью усиления отрицания автор передает читателю совет искать во всех высказываниях в полиэфире глубинный смысл.

Как мы видели, никакой принципиально новой картины аварии не возникло, просто укрепилась официальная версия августа.

В приведенном примере средством манифестации субъективной модальности является усиленное отрицание «никакой...не возникло», что способствует отражению убежденности говорящего в своей правоте.

7) синтаксический параллелизм:

По поводу этих событий сформировались определенные журналистские штампы: Явлинский предложил кандидатуру Примакова на пост премьера; Ельцин в 1999 году находился в состоянии испуга. Эти штампы имеют под собой историческую основу: Явлинский был первым, кто на заседании Думы выступил в поддержку кандидатуры Примакова, после чего президент предложил кандидатуру официально; Ельцин в 1999 году имел основания опасаться прихода к власти оппозиционных сил и, подбирая кандидатуру преемника, учитывал эту угрозу.

В данном примере синтаксический параллелизм подчеркивает пояснительные и временные отношения: в хронологической последовательности автор выявляет «этимологию» тех или иных журналистских штампов.

8) синтаксические конструкции с обособленными членами предложения:

Не случайно НТВ не дало цитату из Клебанова, используя свойство нашей памяти - запоминать само утверждение, но не сопровождающие его оговорки вроде "скорее всего", "наиболее вероятно".

В приведенном примере обособленный член, находящийся в конце предложения, выполняет функцию разъяснения приема, использованного НТВ для манипуляции сознанием зрителей.

Поскольку в ходе выборов, как в ходе любых выборов, включая американские, обеими сторонами были допущены нарушения, лидеры стран Запада присудили победу Коштунице.

Обособленный член предложения («как в ходе любых выборов, включая американские») способствует установлению не только смысловых аналогий, но и акцентированию внимания читателей на сложившихся в ритуале выборов всеобщих закономерностях.

10) анафора:

Интересен не сам факт безграмотности телеведущих, тем более, что он вполне объясним спецификой журналистского образования и комплектования кадров масс-медиа. Интересна тенденция, механизм дезинформации и ошибок, их накопления и воздействия на массовое сознание.

С помощью анафорического повтора и логического разрыва автор стремится обратить внимание читателей на предмет речи.

В целом, названные выше средства манифестации субъективной модальности выполняют в политическом тексте ряд функций. Они:

1) дают возможность читателю «поразмислить» над поставленным перед ним вопросом. За это «отвечают» вводные слова со значением структурирования, ВМС и модальные частицы со значением неуверенности (сомнение, предположение), парцелированные конструкции, синтаксические конструкции с сочинительными союзами, синтаксический параллелизм;

2) способствуют выявлению логики авторского анализа (вводные предложения и словосочетания, синтаксические конструкции с усиленным отрицанием, синтаксические конструкции с обособленными членами предложения, анафорические повторы);

3) передают авторское отношение к собственно проблеме, к чужим действиям и словам (личные местоимения «я», «мы», ВМС и модальные частицы со значением уверенности, метафора, ирония, сравнение, модальные фразы);

4) передают в некоторой степени эмоциональный настрой автора (метафора, ирония, сравнение, парцелированные конструкции).

Из этого следует, что средства субъективной модальности, функционирующие на всех уровнях текста, «работают» на создание определенного типа «образа автора», транслирующую читателю личностную точку зрения.

Итак, в политическом тексте «Мифотворчество в политическом затишье: Российское телевидение на грани столетий» перед нами предстает размышляющий повествователь, анализирующий обстоятельства, которые натолкнули его на рассуждения, пробудили стремление докопаться до истины. Комплекс

средств манифестации субъективной модальности способствует не только созданию образа автора, но и воссозданию логики его размышления, отражению процесса мышления, а также выявлению отношения к исследуемой проблеме. Таким образом, средства выражения субъективной модальности на всех уровнях текста способствуют манифестации мировоззрения автора и его эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата, о чем пойдет речь в следующем разделе.

3.3. Категория тональности как средство выражения авторской эмоциональности

Еще В.Г. Белинский определил пафос (от греч. *pathos* – страдание, страсть, воодушевление, возбуждение) как «живую страсть», непосредственное выражение поэтической идеи. В современной филологии - это идейно-эмоциональная настроенность текста [Поспелов 1978: 188 – 230; Руднева 1977]. В.Е. Хализев в связи с категорией пафоса говорит о типах авторской эмоциональности, или, иначе, о мировоззренческих эмоциях, которые «сопряжены с определенным рода жизненными явлениями и ценностными ориентациями людей и их групп. Они порождаются этими ориентациями и их воплощают» [Хализев 2002: 85-86]. Н.Л. Лейдерман и Н.В. Барковская уточняют, что пафос «характеризует эмоциональную сущность художественной идеи, проникающую все элементы произведения [Лейдерман, Барковская 2003: 62], и замечают: «В пафосе произведения <...> находит непосредственное выражение общественная позиция художника» [там же: 15]. Таким образом, категория тональности, способствующая выражению эмоционально-экспрессивного компонента авторской позиции, тесно связана с пафосом текста.

Исследование целого ряда политических Интернет-текстов, примеры из которых будут приведены ниже, позволило нам говорить о том, что категория тональности репрезентируется на морфологическом, лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях организации высказывания.

Морфологический уровень:

- 1) эмоционально-экспрессивные междометия;
- 2) формы повелительного наклонения;
- 3) вводно-модальные слова, выражающие чувства радости или огорчения.

Лексический уровень:

- 1) эмоционально-экспрессивная лексика, а также слова, содержащие в своей семантике указание на то или иное эмоциональное состояние;
- 2) изобразительно-выразительные средства (эпитет, ирония, олицетворение, контраст, сравнение, перифраз и т.д.);
- 3) фразеологические и квазифразеологические обороты;
- 4) эвфемизмы;
- 5) слова, относящиеся к разговорной речи;
- 6) игра слов (использование возможностей полисемии и омонимии);

Синтаксический уровень:

- 1) экспрессивная инверсия;
- 2) синтаксические повторы;
- 3) обособленные определения и обстоятельства, выраженные причастиями и деепричастиями;
- 4) риторические вопросы;
- 5) эмоционально нагруженные предложения (восклицательные, вопросительные);
- 6) синтаксические конструкции с тире;
- 7) синтаксические конструкции с многоточиями;
- 8) цитирование.

На текстовом уровне – категория тональности связана с отражением авторского мироощущения, типом эмоционального настроения.

Морфологический уровень представлен следующими средствами манифестации тональности.

1) Эмоционально-экспрессивные междометия. Данные слова служат для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность.

Увы, но в данном случае насмешка в цель не попала. [Шубин А. Мифотворчество в политическом затишье. Российское телевидение на грани столетий. Очерк II. // [http:// old. russ. ru /](http://old.russ.ru/)]

В приведенном примере тональность выражается междометием «увы», с помощью которого в тексте отражается эмоциональный настрой говорящего – сожаление и в некоторой степени разочарование.

2) Формы глагола в повелительном наклонении. Формы повелительного наклонения обладают разными смысловыми оттенками, выражающими «большую или меньшую категоричность в побуждении к действию – от приказа до просьбы, совета или пожелания осуществить то или иное действие» [Современный русский язык 1979: 259].

Для начала я предлагаю вам играть в общую игру. Включайте телевизор и начинаете ловить их за руку - когда они лгут прямо или косвенно, подменяют понятия, умалчивают о том, что не укладывается в их схему.

Анализируйте эфир, и вы увидите, насколько в нем мало реальности. [А. Шубин. Властители дум / [http:// jld.russ.ru /](http://jld.russ.ru/)]

В приведенных примерах глагольные формы повелительного наклонения «включайте», «анализируйте» способствуют не только установлению контакта между автором и читателем, но и оформляют эмоциональный призыв – внимательно следить за действиями, производимыми властью, анализировать их, чтобы не попасть в «информационную ловушку».

3) Вводно-модальные слова:

а) со значением радости

Все «мины замедленного действия», заложенные под основание СССР, могли взорваться одновременно, если бы в полной мере сохранялась централизаторская стратегия правящей верхушки и были воссозданы эффективные механизмы подавления любой гражданской активности. К сча-

стью, ни одно из этих условий соблюдения не удалось... [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

В данном случае вводное слово привносит в текст позитивный оттенок, связанный с удовлетворяющим автора развитием событий;

б) со значением сожаления:

Ограничимся только общим замечанием, что процесс социально-экономического «сползания» Казахстана имеет, к сожалению, еще значительные «резервы». [П. Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. / <http://kazhegeldin.addr.com/>]

Вводное слово способствует усилению в предложении тональности сожаления говорящего по поводу продолжающегося снижения уровня жизни в Казахстане.

Лексический уровень.

1) Эпитеты:

На месте прежнего звериного лица ОРТ в виде Доренко теперь зияет дыра. [А. Шубин. Властители дум / <http://jld.russ.ru>]

С помощью эпитета «звериного» автором усиливается негативная оценка информационной политики данного канала.

2) Метафоры:

Крушение было предопределено – ни «ниши», в которой можно было бы сделать и переждать большевистский смерч, ни основы для организованного сопротивления не было. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Негативно-оценочная метафора «большевистский смерч» способствует созданию образа стихийного, разрушительного, сметающего все на пути и не щадящего никого: ни своего, ни тем более чужого, - явления.

Страна трещала по швам, из которых сочилась кровь.

Это важно тем более, что, как мы пытаемся показать, родовые травмы российского федерализма, полученные в момент распада СССР,

сказались на его дальнейшем трудном росте. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Заметим, что публицистические, в том числе очерковые тексты, содержат много метафор из сферы-источника «болезнь». Метафоры «родовые травмы», «швы, из которых сочилась кровь» и т.п. создают образ России, выступающей в качестве истерзанного живого существа, что способствует не только нагнетанию эмоций, но и манифестации негативной оценки.

3) Сравнение:

В течение 1992 г. нарастала конфронтация между исполнительной и законодательной федеральными властями... Это перетягивание каната напоминало борьбу, осуществляемую в самой неприглядной форме, за ребенка двух родителей, находящихся в разводе. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Уподобляя борьбу сфер власти такому житейскому явлению, как развод со всеми вытекающими последствиями, говорящий стремится передать читателю драматизм противостояния исполнительной и законодательной федеральных властей.

И то сказать, строительный материал, из которого сооружается новая федерация, это народ, который только недавно вышел из тоталитарного рабства, и политические элиты, для которых слово “демократия” – либо синоним беспорядка, либо нечто сродни приличным туфлям, которые следует надевать при поездке в Европу. [Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/>]

В приведенном примере тональность репрезентирована в виде сравнительного оборота, с помощью которого говорящий оценивает сложившееся в сознании наших политиков представление о «демократии»: это или беспорядок, или «приличные туфли» на выход. К тому же данное высказывание обладает иронической окраской, основанной на ассоциации «пустите Дуньку в Европу». Такое понимание сущности демократии характерно лишь для обществ, которые, по сути, являются авторитарными, но маскируют эту свою сущность.

4) Олицетворение:

Во-первых, потому, что полноценное местное самоуправление есть институт, принципиально не совместимый с действующей на настоящий момент экономической и политической системой, а потому все возможные телодвижения власти в этом направлении (по крайней мере, предпринимаемые добровольно-инициативно, а не под давлением, о возможных вариантах которого речь пойдет ниже) будут ограничиваться полумерами симулятивно-декорационного характера. [Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/statint.php>]

В приведенном примере средством манифестации тональности выступает олицетворение – «возможные телодвижения власти», которое способствует созданию негативно-сниженного образа живого организма.

5) Ирония:

Будто бы все разом вспомнили, что Лукашенко с некоторых пор – уже не «наш сукин сын», рубль вводить не хочет и так далее. Да, и Владимир Владимирович «батьку» вроде бы недолюбливает. [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.Ru/>]

В данном случае автор трансформирует ставшее устойчивым выражением «да, это сукин сын, но он наш сукин сын» и обыгрывает ее уже применительно к новым реалиям взаимоотношений двух сторон.

6) Фразеологизмы. Большинство фразеологизмов по своей природе включает экспрессивный компонент значения. Поэтому фразеологизмы можно считать одним из средств создания в тексте определенной тональности. В последнее время наблюдается тенденция к некоторому переосмыслению устойчивых оборотов в соответствии с современными реалиями, что приводит к созданию квазифразеологизмов.

Миронов, Грызлов, Фрадков, Патрушев и т.д. – в полном смысле «птенцы путинского гнезда». [А. Будберг. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли / <http://www.mk.Ru/>]

Квазифразеологизм «птенцы путинского гнезда» восходит к выражению «птенцы гнезда Петрова». В данном предложении он обозначает приверженцев (последователей) путинских идей, что придает тексту ироническую окраску.

7) Использование отсылок к литературным произведениям, цитат, реминисценций и иных элементов интертекста:

Однако возымей лично Нурсултан Назарбаев самое горячее желание сделать демократию основой дальнейшего существования государства Казахстана – получится ли? Задача не намного более реальная, чем знаменитый подвиг барона Мюнхгаузена по вытягиванию себя из болота за волосы. Впрочем, как говорил тот самый Мюнхгаузен в гениальном советском фильме, каждый нормальный человек хотя бы раз в жизни должен проделывать с собой такое...

Те же ментальные непротивление злу насилем и покорность перед властями мы наблюдаем и все последующие годы. [П. Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. / <http://kazhegeldin.addr.com/>]

Использование цитат из литературных произведений способствует особой эмоциональной насыщенности текста путем отсылок, пробуждающих в сознании читателя ряд ассоциаций, образов и представлений, в данном случае представления, связанные с поздними идеями Л. Толстого.

8) Игра слов:

Вспоминая только основные вехи, перечислим купонно-ПИКовую, малую, массовую приватизацию и «приватизацию по индивидуальным проектам», жилищно-коммунальную реформу с отменой дотаций и созданием КСК (кооперативов собственников квартир), наделение крестьян земельными паями, перевод образования на платную основу, введение страховой медицины и, наконец, накопительную пенсионную реформу. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

Игра слов «ПИКовая» (графическое искажение) придает понятию «приватизация» дополнительный негативный смысл, ассоциирует приватизацию с роковым началом, восходящим к пиковой масти в карточной игре.

9) Введение в текст разговорных элементов и устаревших слов:

Поэтому возникает движение по кругу, примером чему служат процессы, скажем, в «Казахстан Эйр», когда доведенного до ручки национального авиаперевозчика пытаются реанимировать путем восстановления его в прежнем монопольном статусе, ликвидируя созданную с такими затратами времени и средств самостоятельность аэропортов и служб авионавигации.

Вот, дескать, стоит добиться честного подсчета бюллетеней – да внести поправки в Конституцию, как демократия в Казахстане состоится.

Здесь автор должен пояснить, почему свои «макроэкономические» рассуждения, тем более столь пессимистические, он не сопровождает подробной «цифирью», рискуя получить обвинения в голословности, если не сознательном «очернительстве». [П. Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. / <http://kazhegeldin.addr.com/>]

В приведенных примерах разговорные элементы («доведенного до ручки», «дескать»), а также устаревшие формы типа «цифирью» способствуют приданию тексту сниженной ироничной окраски.

10) Риторический вопрос:

Надо ли говорить, что консервативно-оборонительная позиция заведомо проигрывает позиции наступательной, и любой защитный бастион, рано или поздно, падет перед атакующими силами? [Дугин А. Выбор президента Путина. Патриотизм или либерализм? // <http://www.nigru.ru/>]

С помощью риторического вопроса говорящий имеет возможность подчеркнуть свою мысль, заострить внимание читателя на безусловных, с его точки зрения, закономерностях политической жизни. В сочетании с дополнитель-

ным использованием милитарных метафор риторический вопрос индуцирует умозаключение о заведомо проигрышном варианте.

Синтаксический уровень.

1) Эмоционально нагруженные предложения:

Какие они укрепляют мифы и догмы? Зачем? Чем это нам грозит? Есть ли возможность действовать иначе, чем требует от нас телевидение?

"На лодке оставались люди, ждавшие помощи". Сколько времени? Не случайно, что этот вопрос остается без ответа журналиста. [А. Шубин. Властители дум / <http://jld.russ.ru/>]

Цепочки вопросов вносят в текст повышенную экспрессивность, что способствует усилению эмоций и продвижению авторского рассуждения.

2) Синтаксические конструкции с деепричастным или причастным оборотами:

Вторая состояла в стремлении сохранить унитарное государство, каковым был СССР, слегка припудрив суть демократической риторики. [Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/>]

В этом случае с помощью деепричастного оборота, содержащего метафору, автором вводится в текст иронически сниженная оценка «камуфляжных» действий правительства.

3) Инверсия:

За министерское долгожительство Павла Сергеевича и моральный комфорт Бориса Николаевича России и ее армии пришлось заплатить фантастически высокую цену. [Ростовский М. Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе / <http://www.skandaly.ru/>]

В приведенном примере инверсия усиливает смысловую нагрузку и придает высказыванию экспрессивность, связанную с подведением негативных итогов пребывания Грачева и Ельцина у власти.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.

Выявление и уточнение иерархии средств субъективной модальности и тональности в политических Интернет-текстах позволяет сделать следующие выводы о данном аспекте речевой и текстовой организации последнего.

Во-первых, средства манифестации категории субъективной модальности находятся в иерархических отношениях, в результате чего возникает полевая структура, элементы которой располагаются в зависимости от интенсивности проявления авторского присутствия в тексте (ядерные, околядерные и периферийные средства).

Во-вторых, средства выражения категории тональности тоже имеют определенную иерархию в зависимости от степени проявления экспрессивности авторского «я» и частотности авторских оценок. На первом месте - эмоционально-экспрессивная лексика с определенной семантикой, тропы и речевые фигуры, на втором – эмоциональный синтаксис; на третьем - морфологические средства.

В-третьих, для политического дискурса в целом характерно разведение полюсов оценки (оценка негативная и оценка позитивная), что обуславливает тональность большинства Интернет-текстов как весьма далекую от нейтральной. Текстовая тональность в политическом Интернет-тексте реализуется посредством богатых возможностей разных уровней языковой системы и экспрессивного синтаксиса.

В-четвертых, автор старается не только сосредоточить внимание читателей на том или ином важном моменте, но и передать свое отношение к изображаемому, свою оценку последнего, свое образно-эмоциональное видение мира, что влияет и на формирование читательских мыслей и умозаключений.

ГЛАВА 4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ТОНАЛЬНОСТИ В ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА

Основная задача данной главы - выявление специфики манифестации и функционирования средств субъективной модальности и тональности в основных разновидностях политического Интернет-текста, а также взаимодействия этих категорий в рамках единого текста.

Для решения поставленной задачи необходимо:

- во-первых, исследовать репертуар языковых и речевых средств категорий субъективной модальности и тональности в различных жанровых разновидностях политического Интернет-текста;
- во-вторых, выявить доминирующие факторы, влияющие на формирование авторского «я» и образа героя;
- в-третьих, показать соотношение категорий модальности и тональности в рамках различных политических Интернет-текстов.

4.1. Субъективная модальность и тональность в проблемной политической статье

Рассмотрим организацию политического Интернет-текста на материале статьи Александра Шубина «Россия в поисках пути: реформы тысяча девятьсот восьмидесятых» [[http:// http://his.1september.ru/](http://his.1september.ru/)].

По тематическому содержанию данный текст относится к политическому, так как в нем рассматриваются особенности политической жизни Советского Союза в период правления Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева.

Проблематика: проблемная статья, так как в ней исследуются вопросы, связанные с государственным реформированием.

1. Субъектная организация. В данном Интернет-тексте перед нами появляется голос закадрового комментатора. Такой тип повествования характеризуется тем, что автор не раскрывает себя в перволичной форме «я», но мы постоянно чувствуем его присутствие. Он постоянно делает «забеги» в будущее, свидетельствующие о том, что автор не просто стремится хронологически выстроить историю кризисов СССР - в его задачу входит показать последствия принятых правительством решений:

Результатом выбора альтернативы М. Горбачева стали кадровые чистки и антиведомственный курс 1985 – 1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее второго эшелона), демонтаж отраслевой системы управления экономикой и рост самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера.

Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население в условиях форсированной модернизации могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

В тексте есть отступления в прошлое: ретроспектива нужна для проведения исторических аналогий с целью выявления однотипных механизмов. Несмотря на то, что ситуация, обстоятельства новые, другие, механизмы управления остались прежними:

Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и инициативы производителей – одна из составляющих конвергенции – своими корнями уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи Пражской весны и в реформы И. Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О. Шика, Я. Корнай, а в более широком смысле – в труды социалистов XIX в. – П. Прудона, Л. Блана, М. Бакунина, Э.Бернштейна и других.

Автор постоянно комментирует те или иные действия «правлящих мужей», дает оценку их поступкам, стремится понять, чем мотивированы их действия, о чем они думали, какие задачи ставили перед собой, претворяя те или иные реформы в жизнь:

За счет чего Андропов рассчитывал осуществить «ускорение»? «Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество... Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины».

Основная задача автора - объяснить события, факты, понять суть и природу всех бед и неудач, установить причинно-следственные отношения между фактами:

Горбачев получил немало времени. Его падение стало результатом длительного кризиса преобразований. Граждан волновали уже другие идеи, потому что за несколько лет они разочаровались в лидере, который взял на себя ответственность, но не приблизился к результату. Его реформы перестали быть делом всех. Он ревниво оберегал свое детище от чужих рук, и новые лидеры стали бороться за свои реформы, отбросив старый план. Уступив демократии, Горбачев не стал демократом...

Категория субъективной модальности в данном тексте репрезентирована языковыми средствами на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Морфологический уровень.

1) Личное местоимение «мы»:

Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население в условиях форсированной модернизации могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 1980-х— первой половине 1990-х гг.

Использование личного местоимения «мы» вместо «я» свидетельствует в данном случае о желании создать эффект «сплоченности» автора с читателями. Он не отделяет себя от общества, ибо всем вместе пришлось пережить перестроечные вехи на пути к «светлому будущему». Такой прием способствует установлению контакта автора с читателем, уменьшению дистанции между ними.

2) Модальные слова:

а) ВМС со значением категорической уверенности:

Разумеется, эта симпатия не была достаточным условием для выдвижения Горбачева на высший государственный пост.

Конечно, лучше, когда социальный план реалистичен, непротиворечив и гуманен. Это снижает уровень издержек.

б) ВМС со значением «предсказуемости»:

Формальное использование в 1965 г. хозрасчета значительного экономического результата, естественно, не дало.

С помощью ВМС «естественно» автор стремится создать особую картину мира, в котором существование того или иного явления predetermined реальным ходом событий;

в) ВМС со значением «нормативности»:

Понятно, что в условиях абсолютного господства администрации на предприятии конференция будет полностью находиться в руках директора, тем более что в перерывах между собраниями и конференциями полномочия коллектива поручалось реализовывать администрации, парткому, профкому и комсомольской организации.

г) ВМС со значением предположения:

Уступив демократии, Горбачев не стал демократом; он не смог привлечь страну к воплощению своего плана, он, возможно, слишком медленно искал путь.

С помощью ВМС «возможно» автор делает акцент на выдвигаемом им предположении об истоках всех бед Горбачева, заключавшихся в том, что он

так и не смог увлечь своей идеей страну, будучи слишком медлительным и осторожным;

д) ВМС со значением кажимости:

Огромный потенциал СССР, как казалось, направляется на создание сбалансированной социально-экономической модели, благодаря которой работники свободно принимают хозяйственные решения в соответствии с производственными потребностями, коллективы взаимодействуют на демократическом рынке, центральные органы определяют стратегические приоритеты экономики и общественных потребностей.

ВМС «казалось» способствует созданию в данном тексте картины мнимого экономического благополучия страны, в которой все граждане имели минимальное представление о происходящих процессах;

е) Вводные слова, использованные для структурирования:

Концепции, обсуждавшиеся в неформальных кругах общественности, фокусировались и формулировались диссидентской средой, затем проникли в «либеральные» круги советников правящей элиты, а от них, в адаптированном виде, — к реформистам в правящей группе. Таким образом, общественность СССР, пусть косвенно, сыграла важную роль в том выборе, который был сделан в 1985 г.

Будущий лидер формулировал сокровенную мечту «помещиков» об «экспроприации экспроприаторов», об установлении своего контроля над сельскохозяйственной промышленностью (а значит, и дефицитной продукцией) и о заполнении финансовых прорех за счет смежников.

Вводные слова «таким образом», «значит» способствуют логическому выделению важного и необходимого итога, к которому пришел сам автор.

3) Модальные частицы со значением предположения:

Освященный мифом о ленинском нэпе, который якобы был эффективной моделью сочетания большевизма с рыночной экономикой, «рыночный социализм» завоевывал политическое сознание нового поколения руководителей.

С помощью частицы «якобы» автор акцентирует внимание на идеях, которыми были увлечены создатели «нэпа», но в то же время развенчивает эти идеи, показывая их эфемерность.

Синтаксический уровень

1) Конструкции с усилением отрицания:

Ни одна из идей руководителей перестройки не была оригинальной.

Отрицательная конструкция «ни одна ...не была» способствует усилению суждения, выдвигаемого автором.

2) Синтаксические конструкции с обособленными членами предложения:

Крайний этатизм – приоритет государства во всех сферах общественной жизни, в первую очередь экономической, - подтачивал и без того хрупкую социалистическую систему, до известного предела проявившую, однако, заметную прочность.

Представленная конструкция «приоритет государства во всех сферах общественной жизни, в первую очередь экономической» выполняет в тексте функцию уточнения, пояснения: предполагается, что читатель обладает неполной информацией, поэтому ее необходимо дополнить, раскрыть, чтобы авторская идея стала доступной каждому.

3) Вставные предложения:

Местническая коалиция была заинтересована в возвращении внешней политики времен разрядки, которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления барьеров научно-технической революции (формулировалось всё это, конечно, иначе).

В итоге всё больше людей утрачивали лояльность к режиму не в результате политической оппозиционности, а из-за неспособности системы подстроиться под новые творческие и «виртуальные» интересы граждан (будь то желание авторов «Метрополя» публиковать аполитичные произ-

ведения, любовь молодежи к нетрадиционной музыке или к яркой модной одежде).

Вставные конструкции способствуют привнесению в Интернет-текст авторского комментария по тому или иному вопросу, а также сосредоточению внимания читателей на важной, по мнению автора, информации, которая, возможно, ранее не была им известна.

4) Парцеллированные конструкции:

Голосовавшие поддержали – искренне или лицемерно – именно ту перестройку, которую потом получили. Единогласно.

В нормативном варианте эта синтаксическая конструкция представляет собой единое целое – сложноподчиненное предложение «Голосовавшие поддержали единогласно – искренне или лицемерно – именно ту перестройку, которую потом получили». Подобный разрыв предложения способствует не только выражению авторского «я», но и актуализации важной мысли, постановке логического ударения именно на последнем слове – сильной позиции предложения.

5) Синтаксический параллелизм:

Наконец, в 1985 г. реформы основательно и экономически необратимо раскачали лодку режима. В этом отношении Андропов – предтеча перестройки, независимо от содержания его реформ. В свою очередь, Горбачев – последователь Андропова, вынужденно отказавшийся от наследия авторитарной модернизации.

Синтаксические конструкции «Андропов – предтеча перестройки» и «Горбачев – последователь Андропова» выступают как средство последовательного уточнения, а также мониторинга суждения: в действиях Горбачева наблюдается преемственность, что в некоторой степени предопределило исход всех его реформистских начинаний.

б) Синтаксические конструкции с интонационной паузой:

Горбачев надеялся, что работники отныне не будут разбазаривать ресурсы на «своих» предприятиях, будут трудиться не за страх, а на со-

весть, что управленцы будут искать все возможности для роста эффективности...

С помощью интонационной паузы (графически обозначенной многоточием) у автора возникает возможность не просто сосредоточить внимание читателей на необходимой информации, но и обратиться к их личному опыту, побудить их вспомнить прежнее время, сравнить то, о чем мечтал Горбачев, с тем, что было на самом деле.

Система персонажей – это образы Андропова и Горбачева, которые выступают как символы определенного исторического периода нашей страны.

2. Пространственно-временная организация. Сюжет. Сюжет обусловлен тематикой и проблематикой статьи. Автор разворачивает перед нами картины прошлого: воссоздает атмосферу 70 – 80- гг., описывает процессы, которые происходили в стране, начиная с реформ, проводимых Андроповым, и заканчивая реформами Горбачева. Таким образом, все события, описываемые в политической статье, подчинены исследованию причин, которые вызвали социальные изменения, и показу того, как развивались реформы и чьи интересы сталкивались.

Композиция. Композицию статьи можно охарактеризовать как монтажную, потому что развертывание мысли осуществляется за счет ассоциаций (отсылка к реалиям прошлого – 70-80-е гг.), а также за счет перехода от одного предмета речи к другому (от описания реформ Андропова к реформам Горбачева). Смена хронологических планов подчинена определенной цели – проследить зарождение и завершение кризисной ситуации, сложившейся в стране, т.е. установлению причинно-следственной связи между явлениями прошлого.

3. Интонационно-речевая организация. Авторская интонация предполагает использование ряда языковых и речевых средств манифестации категории тональности на всех уровнях организации текста.

Лексический уровень:

1) Эпитеты:

а) После смерти Андропова его реформы не прекратились, но обострилась борьба за власть между потенциальными преемниками одряхлевшего генерального секретаря К. Черненко.

С помощью ярких, образных эпитетов автор передает суть того или иного события, факта, явления, а также авторское отношение к нему.

2) Метафоры, в том числе милитарные:

а) Выстраивалась социальная инфраструктура будущих «партий» времен перестройки — патриоты и либералы окапывались в толстых журналах, народники изучали мыслителей прошлого и пели песни, западники писали в самиздат или делали партийно-государственную карьеру.

б) Наконец, в 1985 г. реформы основательно и экономически необратимо раскачали лодку режима.

3) Ирония, манифестируемая с помощью метафор:

а) ...обострение этнических противоречий в «дружной семье народов»;

б)... бюрократический «склероз» управления;

в) Аграриев не удовлетворяли частные уступки в виде списывания долгов: сами эти долги коммунистические помещики считали результатом несправедливого распределения средств;

г) Накопление недовольства против стариков, занимавших высшие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.

4) Иронические аналогии исторического характера:

Реформисты, реально (чаще всего бессознательно) желавшие изменить сложившиеся отношения собственности, вынуждены были до поры камуфлировать свои еще пока смутные планы под осторожный очистительно-преобразовательный пафос пуритан и прагматичную лояльность консерваторов.

5) Перефразированные латинские крылатые выражения:

Горе побежденному (сравни «Vae victis!» - «Горе побежденным!»).

б) Эмоционально окрашенные слова:

а) Желание закрепить за собой какие-нибудь крохи «общенародной собственности» выразилось и в усилении коррупции, и в так называемых ведомственности и местничестве.

б) Значительная часть бюрократии стремилась превратиться в буржуазию, но психологические (в том числе поколенческие) стереотипы и боязнь опоздать к столу, за которым будут делить собственность, вынуждала до поры выступать против такого раздела.

Используя просторечные формы, автор стремится передать свою негативную (отрицательную) оценку действий правительства по разделу имущества.

7) Жаргонизмы:

В докладе Брежнева на пленуме предлагалось решить проблемы продовольственного дефицита путем объединения субъектов агропромышленного комплекса (АПК) под одной управленческо-планирующей «крышей».

Синтаксический уровень:

1) Интонационные паузы (манifestируются многоточиями):

а) Есть возможность хорошо заработать и получить на вырученные от собственного труда деньги полноценные качественные продукты и услуги...

б) Ведь известно, что в СССР «инициатива наказуема»...

Такие синтаксические конструкции предоставляют возможность читателю подумать над какой-либо проблемой, стать соавтором данного произведения.

2) Цепочки вопросов, способствующие установлению логической последовательности в суждениях:

а) Был ли общественный идеал Горбачева негоден или он не осуществился из-за эффективного сопротивления противников? Был ли шанс исправить недостатки утопии по мере ее частичного воплощения?

б) Но что мешало сделать это раньше? Почему ни хозяйственники, ни инженеры, ни рабочие не стремились раньше «интенсифицировать», «внедрять»?

4. Ассоциативный фон очерка представлен отсылками к историческим фактам:

а) Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», пуритане категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы.

б) «Помещики» оказывались в авангарде борьбы «промышленников» против центральной бюрократии. Этот парадокс не является особенностью перестройки. Например, в Великобритании XVII в. новые дворяне возглавили «буржуазную» коалицию, которая совершила революцию.

в) Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и инициативы производителей — одна из составляющих конвергенции — своими корнями уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи Пражской весны и в реформы И.Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О.Шика, Я.Корнай, а в более широком смысле — в труды социалистов XIX в. — П. Прудона, Л. Блана, М. Бакунина, Э. Бернштейна и других.

План восприятия. Особенность этой статьи заключается в том, что автор намеренно выстраивает систему апелляций к жизненному опыту читателя, но при этом постоянно смещает фокус видения событий тех лет: он «подталкивает» читателя к новому, глубокому осмыслению действий правительства 70-80-х гг., исподволь приближая свою точку зрения к кругозору читателя.

Таким образом, анализ организации данного Интернет-текста позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, данный Интернет-текст по жанровому своеобразием близок к проблемной политической статье. Характерные признаки статьи - это: а) логизированный характер текста; б) наличие подзаголовков, что свидетельствует

о законченности одного тезиса и плавном переходе к другому; в) наличие голоса автора, поскольку развитие самого образа автора невозможно; г) передача авторской оценки посредством речевых средств: на первое место выходят вводно-модальные слова, далее следуют различные тропы и речевые фигуры, заключающие в своей семантике оценочность, а также вставные конструкции, содержащие пояснение некоторых фактов.

Во-вторых, в представленной статье наблюдается превалирование субъективной модальности. В проблемной политической статье логически верно выстроенные цепочки умозаключений способствуют установлению причинно-следственных отношений, раскрывающие истинное положение вещей.

В-третьих, перед нами предстает не бесстрастный комментатор, желающий лишь пояснить факты, а автор, стремящийся дать оценку тем действиям, событиям, которые проходили в прошлом, выразить свою точку зрения.

4.2. Субъективная модальность и тональность в аналитической статье

Аналитическая статья П. Своика «Казахстан 1991-1999» [<http://kazhegeldin.addr.com/>] носит обзорный характер. Автор пытается осмыслить процессы, произошедшие в бывшей союзной республике за девять лет.

Модальность уверенности на морфологическом уровне представлена рядом языковых и речевых средств.

1) Группы вводно-модальных слов:

а) ВМС категорической уверенности:

Само собой, общепринятым критерием “правильного” жизненного выбора стал переход в новую веру и образ жизни, в то время как родной язык и обычаи предков оставались уделом неудачников сельских “мамбетов”

или

... и мы, само собой, начнем подтягиваться к уровню развитых стран.

Субъективная модальность уверенности выражается в этом случае с помощью ВМС «само собой», ибо говорящий обладает необходимой информацией. Но если в первом предложении данное ВМС находится в начале и модальность уверенности распространяется на все предложение, то во втором оно находится во второй части предложения и уверенность говорящего распространяется только на его вторую часть.

Причем процесс формирования экономической, социальной и культурной инфраструктуры проходил как бы “под наддувом”, материальным, интеллектуальным, идеологическим и кадровым, из метрополии. Разумеется, это было характерно не только для Казахстана, но именно для него – наиболее, можно сказать, определяюще, характерен.

Конечно, американцы хотели бы иметь партнером некоррупцированный и демократический режим, но ведь и Президент Назарбаев искренне не желает, чтобы старики в его государстве рылись в мусорных контейнерах, а туберкулез стал национальной болезнью.

б) ВМС «безальтернативности»:

Так вот, общий градус настроений в сегодняшнем Казахстане – это, несомненно, неудовлетворенность настоящим и неуверенность в будущем, что соответствует тону настоящей статьи.

Нет сомнений, США действительно желают демократизации в Казахстане, однако... они оказались в том же самом концептуальном тупике, что и наша власть.

в) ВМС «предсказуемости»:

В конечном счете СССР развалил именно национальный вопрос, и, естественно, идея национального возрождения, самоопределения и национального лидерства стала ведущей во всех “национальных” республиках.

Естественно, что после краха советской историографии ее система оценок перевернулась на зеркально симметричные официализированные ценности номадической истории.

г) ВМС «нормативности»:

В самом деле, если проехаться, скажем, по Алматы, можно увидеть, что в центре, худо-бедно, появляются все новые торговые точки и современные офисы, а в предгорьях оживилось строительство дорогого жилья.

В самом деле, курс доллара в Казахстане вот уже несколько месяцев мало меняется – но не потому, что тенге крепок, а потому, что валютный, товарный и фондовые рынки заужены, мало между собой связаны, и в экономике вообще мало что происходит.

2) Модальные частицы со значением уверенности:

Да, действующий Президент явился главным творцом частного семейного государства, и именно он мене всего заинтересован в реальной демократизации, поскольку это есть самый прямой путь к прекращению его пребывания во главе государства.

Да, в СССР не было гражданского общества, однако государство, как могло и понимало, активно опекало своих граждан – вплоть до парткомовской заботы о супружеской верности.

С помощью модальной частицы «да» говорящий выражает уверенность в том, что он сообщает, ибо располагает неоспоримыми фактами (свидетелем некоторых из них ему довелось стать). К тому же модальная частица находится в препозиции, что способствует распространению уверенности на все предложение в целом.

3) Модальные глаголы:

Наконец, мы можем привести и более системное соображение в пользу утверждения об устойчиво деградиционном характере развития ситуации в республике.

Средством манифестации субъективной модальности является модальный глагол «мочь», который имеет значение «быть в состоянии, иметь возможность (делать что-нибудь)». Используя данный глагол, говорящий стремится уверить своего собеседника, что у него имеются доказательства, подтверждающие тезис о деградиционном характере развития ситуации в бывшей республике.

Синтаксический уровень

1) Модальные фразы:

Для начала, убежден автор, вопросы в такой плоскости необходимо хотя бы задать, поскольку подавляющая часть официоза, оппозиции, СМИ и общественно активного населения пребывает в убеждении, что кризис уже закончился или так или иначе закончился, ресурсов у Казахстана достаточно, и мы, само собой, начнем подтягиваться к уровню развитых стран.

Модальная фраза «убежден автор» способствует введению в высказывание не только уверенности автора в правоте своей точки зрения, но и в некоторой степени направлена на манипуляцию сознанием читателей: население убеждено в том, что прогресс начался, а автор текста – в обратном, поэтому считает нужным поставить ряд вопросов.

2) Конструкции с усилением отрицания:

Ни в одной другой части бывшего СССР так близко не соседствуют, скажем, процветающие банковские офисы совершенно западного образца, безнадежно опустошенные промышленные гиганты вместе с целыми городами-спутниками и люди, полностью погружившиеся в натуральное хозяйство и самовыживание.

Утверждение через отрицание способствует созданию в тексте ощущения абсолютного контраста, подчеркивает различие уклада жизни в разных частях бывшего Союза.

Все то, что осваивалось земледельческими и военно-земледельческими образованиями по флангам Великой Стены, а также «линиями» или целыми анклавами внутри ее, уступалось без существенного сопротивления. Что, конечно, не могло не отложиться в памяти и характере народа.

В приведенном примере путем двойного отрицания утверждается тот факт, что для коренного населения Казахстана характерна уступчивость, неже-

лание (может быть, неумение) отстоять свою позицию, что закладывалось в памяти народа веками.

3) Парцеллированные конструкции:

Точно так же трудно найти примеры для подражания не в экономической, а в гуманитарной сфере, в области созидания человеческого духа, в науке, культуре, литературе. В политике, в конце концов ...

Благодаря такой синтаксической конструкции в сочетании с недоговоренностью (многоточие) автор индуцирует ощущение упадка во всех сферах общественной жизни Казахстана.

Если обратиться к наиболее важным показателям, системно характеризующим комплексную динамику состояния государства и самочувствия его граждан, как то: ВВП, инвестиции, бюджетные пропорции, экспорт-импорт, урожайность и продовольственная безопасность, душевые доходы и потребительская корзина, миграция, смертность, рождаемость и продолжительность жизни, качество природной среды, образования и здравоохранения, - то нетрудно убедиться, что в основном они изменяются отнюдь не кризисно, а вполне поступательно, устойчиво и взаимосвязано. А именно – системно ухудшаются.

В данном высказывании наблюдается разрыв синтаксического целого. Второе предложение уточняет первое. Такая синтаксическая конструкция способствует не только выделению деталей, но и акцентированию внимания читателей на важном, по мнению автора, тезисе – о системном ухудшении состояния страны и ее граждан.

4) Вопросно-ответные конструкции:

Спрашивается: может ли обеспечить положительный инвестиционный перелом многолетняя и главная стратегическая надежда властей – экспортный нефтепровод? Ответ, по нашему убеждению, заведомо отрицательный.

Данная синтаксическая конструкция способствует реализации модального значения уверенности говорящего в том, что экспортный нефтепровод не спасет положение дел.

В свою очередь, **категория тональности** представлена следующими языковыми и речевыми средствами.

Лексический уровень

1) Метафора:

Сейчас общественные баталии на эту тему почти умерли, притом, что, собственно говоря, ни одна модель так и не была реализована.

Милитарные метафоры способствуют созданию ощущения жесткости, непримиримости сторон в реализации идеи «национального государства».

2) Олицетворение:

В последние год-два идея строительства процветающего национального государства вступила уже в стадию самоедства, освобождая идеологическое пространство для разочарования и противоположного реванша.

3) Фразеологизмы:

Это уж как получилось, а от добра добра не ищут.

Лучшее, известно, - враг хорошего ...

4) Языковая игра:

Хождение “младотюрков” во власть не состоялось, их стартовые капиталы, все знают, - через “агашек”, а их бизнес - спекуляции.

Конструкция «хождение “младотюрков” во власть» обыгрывает историческую аналогию (младотурки – реформаторская политическая группировка в Турции начала XX века), а также перифразирует формулу «хождение в народ» и способствует созданию иронического оттенка.

5) Литературные, исторические и философские аналогии, аллюзии и реминисценции:

Есть версия, что именно они породили феномен “осевой эпохи”, когда примерно за полтысячи лет до рождения Христа по всей срединной дуге Евразии, от Тихого до Атлантического океанов, “вдруг” родились сразу не-

сколько великих мировых религий. Труднообъяснимый исторический факт: Лао Цзы и Конфуций, Будда, Заратуштра, Платон и Сократ, Соломон (Екклесиаст) и другие ветхозаветные пророки были почти современниками.

Скрытая отсылка к философской работе К. Ясперса «Смысл и назначение истории» способствует созданию особой эмоциональной и интеллектуальной насыщенности текста, возникновению в сознании читателя ряд ассоциаций, образов и представлений, формирующих ощущение значимости современных процессов, вписанных в предельно широкий культурно-исторический контекст.

Что есть Добро и Зло, кто «Мы» и кто «иные» - тогда произошло первое геополитическое идеологическое размежевание мира, в котором Кочевнику досталась роль «той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Аллюзии и реминисценции, отсылающие к Гете, Достоевскому, Булгакову, апеллируя к культурному опыту читателя, способствуют установлению неявного диалога между ним и автором.

б) Вкрапление разговорных элементов:

Приход Нурлана Балгимбаева ознаменовал конец периода реформаторства, правительство погрузилось в текучку, сосредоточившись уже не на нововведениях, а на попытках стабилизировать складывающуюся ситуацию.

Использование разговорных элементов усиливает негативную оценку.

Синтаксический уровень

1) Синтаксические конструкции с причастным оборотом:

Если же учесть, что практически все отрасли, вопиющие о неотложной реанимации как с экономической, так и с социальной точки зрения (сельское хозяйство, легкая промышленность, машиностроение и т. д.), суть крайне инвестиционнoемкие, приходится делать вывод – они “неподъемны”.

В этом случае с помощью деепричастного оборота, содержащего книжную лексику («вопиющие») и медицинские термины («неотложная реанимация»), автором вводится в текст ироническая оценка «бессильных» манипуляций правительства.

2) Эмоционально нагруженные предложения:

Достаточен ли новый пониженный уровень системной стабилизации для сохранения внутренней и внешней устойчивости государства Казахстана? И, наконец - есть ли объективные предпосылки к тому, чтобы на базе новой стабилизации начался процесс устойчивого развития?

Анализ данного Интернет-текста позволяет сделать следующие обобщения.

Во-первых, данный Интернет-текст близок к аналитической статье обзорно-политического характера. Это подтверждают следующие характеристики текста: а) логизированный характер изложения материала; б) последовательный мониторинг основной мысли (будущее Казахстана); в) элементы рассуждения – размышления, придающие тексту аналитичность; вывод как результат размышления; г) в тексте явно ощутим голос автора; д) авторская оценка репрезентируется вводно-модальными словами; парцеллированными конструкциями, тропами и посредством использования интертекстуальных элементов.

Во-вторых, в статье «**Казахстан 1991-1999**» наблюдается доминирование модальности уверенности: использовано 15 ВМС со значением уверенности, 4 модальные частицы со значением уверенности, 2 модальные фразы с тем же значением и около 10 синтаксических конструкций, выражающие данную модальность. Это обусловлено прежде всего обзорным характером статьи. Автор анализирует общеизвестные факты, расставляет акценты исходя из своей концепции, и пытается выявить суть процессов, происходящих в нынешнем Казахстане. В то же время модальность неуверенности представлена в этом очерке 10-ю ВМС со значением неуверенности (предположения) и 2 модальными частицами с тем же значением.

В-третьих, для данной аналитической статьи характерно взаимодействие категории субъективной модальности и категории тональности.

В-четвертых, мотивная структура статьи образуется благодаря лейтмотивам Степи и Кочевника, которые создают особый образ – далекого свободного прошлого Казахстана. Эти сигналы и образуют подтекст. Есть и сигналы, относящиеся к сверхтексту (культурные аллюзии), при помощи которых автор «досоздает» мир своего произведения. В совокупности со средствами манифестации субъективной модальности и тональности эти лейтмотивы создают особый мир публикации, не тождественной художественному миру литературного произведения, но в чем-то близкой ему, благодаря усилению личностного начала Интернет-текста.

4.3. Субъективная модальность и тональность в политическом портрете

Политический портрет (на материале публикации Е. Ясенова «Виктор Ющенко - политический портрет» [[http:// www.e-journal.ru /](http://www.e-journal.ru/)]).

План содержания. Тематическая разновидность данного Интернет-текста - это политико-психологический портрет, который характеризуется повышенным вниманием к особенностям «психоэмоционального склада, темперамента, стиля мышления и других психологических компонентов лидера, с одной стороны, и его политической карьерой — с другой» [Рыскова 1997:72].

Субъектная организация. В данном Интернет-тексте автор выступает в первую очередь как психолог, исследователь личности политика, интерпретатор его действий, а затем как обозреватель, который анализирует и осмысляет проблемы, с которыми сталкивается его герой:

Гетьман и его "финансовый клан" контролировали финансовую систему Украины и, в какой-то мере, транзитные финансовые потоки. Это не могло не раздражать их противников. К тому же у Гетьмана и Ющенко была завидная репутация. Они имели очень серьезные шансы на президентских выборах.

ИЛИ:

Олигархи могли действовать либо грубо и решительно, как это вообще принято на Украине, либо тонко и кулуарно. По некоторым сведениям, поначалу был применен второй вариант: олигархи (или эмиссары олигархов) пытались вынудить Ющенко принять свои условия игры. Судя по всему, все это ни к чему не привело, потому что в конце февраля 2001 года они перешли в открытое наступление на Ющенко. Крестовый поход возглавил Виктор Медведчук...

Автор интерпретирует решения и действия, предпринятые героем:

Ющенко спас Украину от гиперинфляции, построил валютный рынок, не допустил банковских кризисов. Обвал гривны в августе 1998 года был вызван как раз тем, против чего Ющенко категорически возражал, - облигациями внутреннего государственного займа, неконтролируемым приходом на Украину нерезидентов. Однако то, что Украине удалось выйти из этого кризиса без особых потерь, гораздо мягче, чем России, - заслуга Нацбанка, и прежде всего Ющенко, который в те тревожные дни заставлял своих подчиненных работать до седьмого пота.

ИЛИ

Собственно, по большому счету, он - один из совсем немногих высших государственных лиц Украины, с кем можно хоть как-то ассоциировать понятие "морали".

Авторский голос репрезентируется в Интернет-тексте посредством ряда средств манифестации субъективной модальности.

1) Личное местоимение «мы»:

Впрочем, как мы узнали, украинские следователи рассматривают и эту, если так можно выразиться, "русскую" версию покушения на банкира.

Сюда же мы отнесем не скрывающего президентских амбиций руководителя администрации президента Владимира Литвина, поддерживаемого министром внутренних дел Юрием Кравченко и главой Государственной налоговой администрации Николаем Азаровым.

В данном случае личное местоимение «мы» выступает в качестве характеристики объединения людей, связанных единой идеей, работой (редакторский коллектив).

2) Вводно-модальные слова:

а) со значением категорической уверенности:

Правда, условия помощи были довольно суровыми (под контроль "империи Волкова" перешла, в сущности, часть "империи Гетьмана").

Конечно, отдельно взятый Медведчук не способен отправить в отставку премьера.

Имеются в виду выборы депутатов разных уровней, которые предстоят весной будущего года. И, конечно, пока еще далекие, но все равно неуклонно приближающиеся президентские выборы-2004.

б) со значением предположения:

Возможно, он окажется более неудобным собеседником для Путина и его команды, чем дружественно-аморфный Кучма.

Он полагает, и, наверное, не без оснований, что Украина тем самым поступит частью своей независимости. Однако и здесь не все так однозначно.

Вероятно, именно эта позитивная неизвестность помогла молодому экономисту с первого захода получить «добро» парламентариев и стать первым банкиром страны...

в) вводные слова со значением структурирования, организации Интернет-текста:

Значит, раз он выступает с подобными угрозами (а Медведчук известен как человек, не говорящий просто так), в парламенте наконец-то образовалась стойкая антикабминовская коалиция.

Синтаксический уровень

1) Синтаксические конструкции с усилением отрицания:

При этом в критических ситуациях он никогда не шарахался, что свойственно подавляющему большинству украинских политиков.

Ни один самый отъявленный западник не в состоянии переступить через сложившиеся экономические реалии.

Данные средства являются средствами манифестации прямого суждения автора, эксплицитно выявлена его точка зрения.

2) Синтаксические конструкции с обособленными членами предложения:

Он слыл реформатором, причем радикальным, призывал к максимальной либерализации в вопросах собственности, именно благодаря ему Украина получила современную банковскую систему, хотя и не лишенную традиционных постсоветских родовых пятен.

Обособленное определение способствует логическому уточнению политической ориентации украинского деятеля.

3) Синтаксические конструкции с сочинительными союзами, находящимися после точки и способствующими выдвиганию на первый план важной, по мнению автора, информации, на которой читатель должен сосредоточить свое внимание и сделать соответствующие выводы:

Он понимает, что для него настает решающий момент. И он демонстрирует удивляющую многих готовность принять бой.

4) Вставные конструкции (словосочетания и предложения):

Правда, условия помощи были довольно суровыми (под контроль «империи Волкова» перешла, в сущности, часть «империи Гетьмана»).

В те же дни, находясь в Турции, Леонид Кучма прямым текстом обвинил КАБМИН в предательстве национальных интересов (речь шла о политике в вопросах ТЭК).

В данном случае вставные конструкции выполняют функции комментирования (в первом предложении) и пояснения (во втором предложении).

5) Парцеллированные конструкции:

Ющенко предстояло отрабатывать вложения. Но отработать их после смерти Гетьмана он не смог – или не захотел.

Благодаря такой синтаксической конструкции, у автора появляется возможность выделить важную, по его мнению, информацию и сосредоточить на ней внимание читателей. Кроме того, усилению значимости этой информации способствует повторение выражений со словом «отрабатывать»: «отрабатывать вложения», «отрабатывать их» - а также присоединение обособленного члена предложения («или не захотел»), которое способствует выявлению точки зрения самого автора на сложившееся обстоятельство. Все вместе создает особое «магнетическое поле», которое останавливает внимание читателя.

б) Анафорические повторы в рамках вопросно-ответной конструкции, детерминирующие смысловые связи и продвигающие рассуждение вперед.

Что получило правительство? Получило оно объединение олигархов, интересы которых совсем не идентичны, а в лучшем случае параллельны. Получило мощнейшего противника.

«Система персонажей». Главный герой портрета - Виктор Ющенко. Главная задача автора – проанализировать личность политика и сделать обзор его политической карьеры. Система характеров нацелена на то, чтобы с разных точек зрения охарактеризовать деятельность В. Ющенко, а также выявить его политическую родословную. Из этого следует, что другие персонажи текста помогают раскрыть личностные свойства и деловые качества украинского политика: его взаимоотношения с окружающими людьми, политические симпатии или антипатии, его умение работать с ними.

Соратники - В. Гетьман, Ю. Тимошенко, жена – Е. Чумаченко.

Недрузи – Л. Кучма и его приверженцы: А. Волков, В. Медведчук и др.

Пространственно-временная организация. Сюжет. Сюжет данного политического портрета полностью подчинен авторским целям и задачам. Особенность его заключается в том, что сюжет переплетается с фабульной основой. Автором избираются лишь те «судьбоносные» события, которые наиболее глубоко раскрывают личность Ющенко, его характер. Самыми важными событиями, по мнению автора, стали следующие:

- 1) 1987 г. – переход на работу в Агропромбанк, где Ющенко знакомится с известным украинским финансистом В. Гетьманом.
- 2) 1998 г. - гибель В. Гетьмана и А. Веселовского.
- 3) 1999 г. – поддержка А. Волкова.
- 4) Назначение на пост премьера.
- 5) Союз с Ю. Тимошенко.
- 6) Взаимоотношения Ющенко с олигархами в период «кассетного кризиса».

Благодаря биографическому типу сюжета, прослеживается взаимосвязь событий и показывается поэтапное становление Ющенко как политика.

Портрет. Внешний портрет состоит лишь из одной детали, с помощью которой появляется возможность «заглянуть» во внутренний мир героя:

Глаза Ющенко, тусклые и усталые, заблестели, и он разразился вдохновенным монологом на полчаса, не обращая внимания на отчаянные жесты Зарудной.

Поведенческий портрет напрямую связан с психологическими особенностями личности, он способствует «высвечиванию» индивидуальных черт характера:

Ющенко катастрофически теряет, когда его извлекают из милой его сердцу экономико-финансовой среды и вынуждают оперировать понятиями политической интриги. Он инстинктивно противится этому и до последнего стремится уйти от суеты, всем своим видом как бы демонстрируя: "Оставьте меня в покое!"

Портретные детали и характерологические черты помогают показать социальную природу характера: какие новые черты приобретает личность в социальной среде, как человек строит свои отношения с другими людьми, как осуществляет свою деятельность и т.д.

Интонационно-речевая организация. Авторская интонация во многом манифестируется посредством категории тональности.

Лексический уровень

1) Эпитеты:

... за столь короткий срок у нее нет никаких шансов подготовить боеспособного претендента - Ющенко, как единственный "раскрученный", без всякого труда побеждает на выборах.

Заинтересован ли президент России в кланово-банановой Украине?

Возможно, он окажется более неудобным собеседником для Путина и его команды, чем дружественно-аморфный Кучма.

2) Метафоры:

...именно благодаря ему Украина получила современную банковскую систему, хотя и не лишенную традиционных постсоветских родовых пятен.

Метафора «традиционные постсоветские родовые пятна» указывает на тот факт, что в экс-советских республиках после распада наблюдается хаотичность, несовершенство, неслаженность действий в сфере банковской системы.

И по мере разгорания "кассетного" скандала становилось ясно, что олигархи должны любой ценой погасить это пламя.

Назначение Ющенко многими было воспринято как тонкий маневр Леонида Кучмы: президент, рассуждали они, видит в лице премьера-западника своего рода отмычку к сейфам западных кредитных организаций.

У него [у Виктора Медведчука], есть козырной король - Сергей Тигипко, член нескольких правительств, в том числе и ющенкоовского (ушел в отставку прошлой весной), известный банкир, которого сейчас многие прочат на роль премьера.

3) Фразеологизмы:

Но в тот момент игра стоила свеч.

4) Квазифразеологизм:

Был, кстати, среди "птенцов Гетьмана" и Игорь Митюков - нынешний министр финансов, которого попеременно считают то другом, то скрытым недругом Ющенко.

5) Использование книжной (поэтической) лексики (иногда в иронических целях):

Над всей этой толпой незримо витает загадочная фигура Евгения Марчука, экс-премьера, экс-кандидата в президенты, ныне - главы Совета национальной безопасности и обороны.

б) Разговорные элементы речи:

И тут один из журналистов спросил нечто настолько специфически банковское, что у нормальных присутствующих уши просто в трубочку свернулись.

Для затравки упомянем, что его факсимильная подпись стоит на украинских банкнотах.

Лишь однажды он в ней замарался - в 1996 году стал членом только что образованной пропрезидентской Народно-демократической партии.

Несмотря на то, что глава НБУ огрызался, утверждал, что ни одного бесчестного человека в возглавляемой им структуре нет, было видно, что он дерется из последних сил.

Наезды Марчука и Азарова вполне могли быть инспирированы Кучмой, которому необходимо было иметь информацию, дискредитирующую работу Кабмина.

Но это совсем не проблема для Путина - российский президент имеет массу способов обломать любого украинского строптивца.

Приближались президентские выборы, и аналитики тут же связали гибель украинского финансиста с предстоящей дракой за высшее кресло в стране.

В целом, данный Интернет-текст не является официальным документом или «сухой» политической биографией. Одна из целей автора - воссоздание бурной (порой непредсказуемой) политической жизни страны, изображение «живых» общественных процессов - и героя в гуще событий. Этим и обусловлено активное употребление и разговорных элементов речи, и книжной лексики.

Синтаксический уровень представлен только эмоционально нагруженными предложениями, цепочками вопросов:

Возможно ли это?

Когда того требуют интересы дела (его дела!), он готов пустить российский бизнес на Украину.

Чего ожидать России в случае победы западника Ющенко? Вступление Украины в НАТО? Вхождение в состав США 51 штатом?

Изобразительно-выразительные средства (прежде всего, метафоры, эпитеты) употребляются потому, что в задачу автора не входило давать строгую оценку тем или иным действиям политиков или правительства. Создавался именно политический портрет премьера Украины (сейчас уже президента). Благодаря выразительным средствам, у автора появляется возможность в известной степени выразить свое мнение, отношение (симпатию или антипатию) к этому политику и политическим явлениям, связанным с ним.

Ассоциативный фон произведения представлен отсылками к художественной литературе и публицистике:

1) ***В лице Леонида Кучмы нынешний Кремль имеет вполне удобного партнера, хоть и делающего иногда серьезные реверансы в сторону Запада, но никогда не способного окончательно порвать с Большим Братом.***

2) ***В нашем Королевстве Кривых Зеркал все возможно.***

3) ***Практически же кремлевские стратеги могут считать такую Украину не более достижимой, чем Город Солнца господина Кампанеллы.***

4) ***С другой стороны, Ющенко все-таки совсем не рыцарь печального образа.***

Образ Большого Брата отсылает читателя к антиутопии Дж. Оруэлла «1984»; Королевство Кривых Зеркал представляет собой устойчивую общекультурную метафору – синоним неправильного мироустройства, кроме того, так называется советский фильм-сказка; «Город Солнца» - средневековая утопия Томмазо Кампанеллы; Рыцарь печального образа – отсылка к роману Сервантеса «Дон Кихот», фактически представляющая собой сформировавшийся

культурный архетип, подразумевающий «прекраснодушного» мечтателя-утописта. Все это способствует созданию образа Ющенко: человека, реализующего не утопические, романтические идеи, а преодолевающего общественные барьеры, решающего сложные проблемы и выстраивающего новую политическую модель государственных отношений.

План восприятия. На протяжении всего Интернет-текста автор пытается создать впечатление о Ющенко как о цельной, деятельностной натуре, способной принимать жизненно важные для страны решения. Автор неявно, но настойчиво полемизирует с теми, кто считает его героя слабой, бездеятельной личностью. Вместе с тем он стремится ненавязчиво представить Ющенко как человека живого, со всеми его слабостями, недостатками и потенциальными возможностями, и делает это так, чтобы герой стал читателю по-человечески симпатичен. Таким образом, читатель формирует своеобразный «кредит доверия» к этой незаурядной личности, способной, по мнению автора, воплотить политические надежды своей страны.

Анализ данной разновидности Интернет-текста позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, данный Интернет-текст представляет собой «гибридный сплав» двух жанров – очерка и статьи. От очерка взято исследование личности человека в разных ракурсах: в его отношении к миру, к своей деятельности, к проблемам, к окружающим людям и т.д. и его становление в разные этапы жизни. Главным объектом изображения становится человек – профессиональный политик. С очерком данный текст сближает документализм – точная фиксация фактов, деталей и субъектная организация (герой и авторский голос). От статьи взят логизированный характер изложения, наличие подзаголовков, четко сформулированная авторская концепция, включающая не только видение проблемы, но и намечаются возможные пути ее решения.

Во-вторых, в данном Интернет-тексте наблюдается преобладание средств манифестации категории тональности, поскольку гибридный текст

предполагает повышенную субъективность. Описание облика и характера человека дается через чувственное восприятие, поэтому личностное авторское начало выходит на второй план.

4.4. Субъективная модальность и тональность в политическом журналистском расследовании

Обратимся к следующему политическому Интернет-тексту В. Каждая «Смерть вождя. Диагноз: убийство?» [<http://soyuzssr.narod.ru/>], который представляет собой интереснейшую разновидность статьи, близкую к так называемому журналистскому расследованию. Прежде всего, рассмотрим категорию субъективной модальности на всех уровнях текста.

Морфологический уровень

1) Вводно-модальные слова:

а) со значением «предположения»:

Ряд обстоятельств говорит о том, что скорее это было убийство, ставшее результатом заговора его самых ближайших сподвижников.

С помощью ВМС «скорее» говорящий привносит в Интернет-текст предположение относительно того, что смерть Сталина – это тщательно спланированное убийство.

«Все это вызывает недоуменные вопросы, позволяя предположить, что черновые записи и медицинский журнал содержали данные, не укладывающиеся в официальное заключение. По-видимому, на каком-то этапе медицинский журнал и часть черновых записей были сознательно изъяты».

В этом случае вводно-модальные слова указывают на недостаточную информированность говорящего вследствие неточного знания о произошедших событиях;

б) со значением «сомнения»:

Но журнал отсутствует в деле о болезни Сталина, и, как сообщили автору этих строк компетентные лица, его вообще уже нет в природе. Иными словами, медицинский журнал, видимо, уничтожен.

С помощью данного вводно-модального слова «видимо» автор стремится обосновать свою точку зрения, сомневаясь в бесспорности существующих мнений.

2) Модальные частицы:

Итак, пораженный инсультом Сталин пролежал без сознания и без медицинской помощи по меньшей мере 14 часов! Разве уже это не есть умышленное убийство?!!

В приведенном примере ВМС «разве» в некоторой степени способствует усилению выдвигаемой гипотезы: оставить человека без медицинской помощи на 14 часов, когда он нуждается в ней, уже преступление. Кроме того, данная частица вносит в предложение добавочное эмоционально-экспрессивное значение негодования.

Синтаксический уровень

1) Модальные фразы:

Но слова к делу не дошьешь, остается только предполагать.

Из пространного доклада академика можно сделать предположение, что медицинское заключение о болезни Сталина, переданное по радио в 6.30 утра 4 марта, не отвечало или отвечало, но не полностью, истинной причине трагедии...

Модальные фразы «можно сделать предположение», «остается предполагать» вводят в текст предположение, так как автор, за неимением доказательств, не может точно объяснить истинное положение вещей.

2) Синтаксические конструкции с усилением отрицания:

Ничто не предвещало ужасного конца: 27 февраля Сталин смотрел в Большом театре «Лебединое озеро».

3) Вводные конструкции:

Но журнал отсутствует в деле о болезни Сталина, и, как сообщили автору этих строк компетентные лица, его вообще уже нет.

В данном примере субъективная модальность манифестируется вводным словосочетанием, указывающим на источник информации («как сообщили

компетентные лица»). Представленную конструкцию используют в тех случаях, когда говорящий сам лично не обладает нужной информацией и может лишь сослаться на авторитетных людей, обладающих ею, или же снимает с себя ответственность за чье-либо высказывание.

4) Синтаксические конструкции с сочинительными союзами, находящимися после точки:

Александр Фурсенко, академик – секретарь отделения истории РАН, получил доступ к личному фонду Сталина, правда, не ко всему, а лишь к части его, в которой среди прочих документов находится история болезни и смерти хозяина. И вот к какому выводу пришел ученый.

Данная конструкция представляет собой синтаксическое единое целое, поскольку второе предложение является логическим продолжением первого: первое предложение содержит в себе причину действий, осуществляемых лицом, а второе – последствия этих действий. Такой преднамеренный разрыв способствует акцентированию внимания читателя на важном моменте – на выводах, сделанных А. Фурсенко после тщательного анализа истории болезни Сталина.

Языковые и речевые средства выражения категории тональности функционируют на следующих уровнях высказывания:

Лексический уровень.

1) Использование определенных лексических единиц, способствующих созданию в Интернет-тексте особой тональности, сопряженной с семой «таинственная смерть». Эту тональность репрезентируют слова и словосочетания: ***ужасный конец, переполох, страх, нечто необъяснимое, умирает, неизбежна смерть, насильственная смерть, умышленное убийство, мучительная агония, болезнь, запутанная история, трагедия.*** Несмотря на то, что данные слова и выражения «разбросаны» по всему Интернет-тексту, они вызывают у читателя ощущение в какой-то степени неизбежной и насильственной гибели «отца всех народов», что и создает определенную психологическую окраску.

2) Метафора:

По наущению Берии Сталин отправил в тюрьму в 1950 году Власика, бывшего у него начальником охраны почти двадцать лет, заменил верного своего цепного пса Поскребышева на бериевского ставленника Малинина и т.д. и т.п.

Метафора «верный свой цепной пес», примененная по отношению к личному секретарю Сталина Поскребышеву, способствует подчеркиванию особого качества – фанатичности, безоговорочной преданности хозяину.

3) Устойчивые обороты:

Наконец в три часа ночи приехала «сладкая парочка» - Берия с Маленковым, они были «не разлей вода» и по существу заправляли в Политбюро, а следовательно, в правительстве.

Известное выражение «сладкая парочка» способствуют привнесению в текст иронического оттенка, что накладывает особый отпечаток на восприятие известных «интриганов» Советской эпохи – Берия и Маленкова.

Синтаксический уровень

1) Вставные синтаксические конструкции, отягощенные эмоционально-экспрессивной оценочностью:

Постояли соратники и удалились, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен... (Каковы, однако, сталинские выкорыши! Человека нашли без сознания. А они делают вид, что ничего не поняли. Нет, не такие они были дураки, все отлично понимали.) Снова я остался один у больного Сталина.

Врачи приехали только в 9 часов утра 2 марта!

2) Синтаксические конструкции с многоточием (в середине предложения):

И только в шесть вечера зажегся свет в его комнате. И...снова никакого движения.

В данном случае интонационная пауза, графически оформленная многоточием, способствует созданию эффекта нагнетания ожидания неизбежных, непоправимых последствий.

Анализ данного Интернет-текста позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, представленный Интернет-текст по жанровому своеобразие можно отнести к такому варианту статьи, как журналистское расследование. Характерными признаками текста являются: а) четкое, логичное изложение материала; б) особое внимание к деталям, что дает возможность выстроить авторскую версию происходившего; в) опора на мнения свидетелей; г) наличие авторского голоса, комментирующего действия участников давних событий, а также выражающего свое собственное мнение.

Во-вторых, средствами репрезентирования авторского голоса являются: вводно-модальные слова, вставные и вводные конструкции, а также лексические единицы определенной семантики, способствующие активизации внимания читателей на авторской позиции.

В-третьих, в данном Интернет-тексте преобладают средства манифестации субъективной модальности, поскольку они способствуют имитации авторского поиска с целью решения еще одной исторической головоломки.

В-четвертых, в статье-расследовании доминируют микрополя сомнения и уверенного предположения, так как речь идет о ситуации, которая характеризуется достаточно большой степенью неясности, запутанности и множественностью точек зрения на нее. Модальное значение неуверенности, по нашему мнению, чаще должно реализовываться в тех политических Интернет-текстах, где речь идет о событиях давно прошедших и трактуемых по-разному, вследствие чего возникает множество версий, основанных на неочевидных фактах и личных умозаключениях.

4.5. Субъективная модальность и тональность в политической статье с элементами памфлета

Для анализа взят политический Интернет-текст Михаила Калишевского «Аллергия на «оранжевое» [[http: // www.inostranez.ru /](http://www.inostranez.ru/)].

Категория **субъективной модальности** представлена следующими языковыми и речевыми средствами.

Морфологический уровень

1) Вводно-модальные слова:

а) со значением «предположения»:

Так нет – словно по команде, и, скорее всего, именно по команде, причем не обязательно по команде Януковича, восточно-украинская партаксиономенклатура, чья «совковость» видна невооруженным взглядом, так как «совковость» эта давно стала антропологическим признаком, разом запела «Вставай, страна огромная!» и стала грозить Киеву отделением.

Однако в Москве, судя по всему, об этом не очень заботятся. Видимо, в очередной и уже который раз надеются, что все можно «разрулить» демагогией, шантажом и угрозами.

Недаром усиленно возводится вторая линия обороны против «оранжевой угрозы», уже внутри России. Такой линией, похоже, должен стать закон о «Режиме террористической опасности», внесенный недавно в Думу.

б) со значением «категорической уверенности»:

Никакого духа он, конечно, не материализует, но отравить жизнь окружающим может очень здорово. А то и спровоцировать весьма серьезные и даже кровавые неприятности.

А если заглянуть подальше в историю, то можно вспомнить и о Судетской области Чехословакии 1938 года и о том, чем все в конечном итоге тогда кончилось. Правда, на Украине реализовать такой сценарий будет очень не просто.

Правда, возникает вопрос: а какое право имеют российские чиновники с чем—то или с кем—то разбираться на территории другого государства и чем все это может закончиться?

в) со значением «безальтернативности»:

А то и спровоцировать весьма серьезные и даже кровавые неприятности. В конце концов, такого старикашку, безусловно, избобличат и сметут, только вот цена за это может получиться очень высокой.

г) со значением «предсказуемости»:

Так нет – словно по команде, и, скорее всего, именно по команде, причем не обязательно по команде Януковича, восточно-украинская партияхозноменклатура, чья «совковость» видна невооруженным взглядом, так как «совковость» эта давно стала антропологическим признаком, разом запела «Вставай, страна огромная!» и стала грозить Киеву отделением. Естественно, при явном благорасположении Москвы к такой форме реализации «права на самоопределение».

2) Частицы со значением «сомнения»:

Когда со всей очевидностью выяснилось, что топорно сработанный политтехнологами типа Павловского и Маркова сценарий воцарения в Киеве продукта симбиоза «рецидивиста и чекиста» оказался в том самом сортире, где Путин обещал замочить террористов, вроде бы надо было остановиться и подумать.

Лексический уровень представлен только одним эпитетом:

Такой непотребный беспредел возмутил даже проверенного «державника» и имперца Сергея Бабурина, который заявил на днях в эфире «Эха Москвы»...

С помощью эпитетов «державник» и «имперец» автором делается логический акцент на политической и социальной принадлежности Сергея Бабурина.

Синтаксический уровень

1) Синтаксические конструкции с усилением отрицания:

Причем никого не должно смущать, что официально Кремль никак не выразил свое отношение к откровенно сепаратистскому шантажу – достаточно было десанта во главе с давним борцом за «российский Крым»

Юрием Лужковым, произносившим зажигательные речи, и когорты думских депутатов, высадившихся в Донецке и Луганске.

В данном контексте синтаксическая отрицательная конструкция способствует трансляции уверенного утверждения, в результате которого создается впечатление, что все происходящее в порядке вещей.

2) Синтаксический повтор:

Так нет – словно по команде, и, скорее всего, именно по команде, причем не обязательно по команде Януковича, восточно-украинская партхозноменклатура, чья «совковость» видна невооруженным взглядом, так как «совковость» эта давно стала антропологическим признаком, разом запела «Вставай, страна огромная!» и стала грозить Киеву отделением.

Неоднократное повторение одних и тех же сочетаний «по команде» и «совковость» способствует логическому подчеркиванию советской «солдатской муштры», что, в конечном счете, создает у читателя негативное отношение к такой политике.

3) Вставные конструкции:

Те же Ющенко и Тимошенко – выходцы с востока, а не с запада (первый из Сум, вторая – из Днепропетровска), и за Ющенко на востоке тоже голосовало немало людей.

(Другой вопрос, что это голосование в силу известных причин не отразилось в избирательных протоколах.)

Мало Украины, так надо наехать еще и на Молдавию, выражая «недоумение» в ответ на протесты молдавского МИДа из—за хамоватого заявления посла РФ в Кишиневе Николая Рябова. (Ранее прославившегося, кстати, аналогичными заявлениями в бытность послом в Праге, после чего Чехия отказалась от поставок российского газа.)

Представленные синтаксические конструкции носят прежде всего уточняющий характер. Таким способом автор стремится не просто информировать своего читателя, напомнить ему какие-то обстоятельства, которые тот, возмож-

но, знал или забыл, а в некоторых случаях (во втором примере) подвести к определенным логическим заключениям.

4) Синтаксические конструкции с сочинительными союзами, находящимися после точки:

Никакого духа он, конечно, не материализует, но отравить жизнь окружающим может очень здорово. А то и спровоцировать весьма серьезные и даже кровавые неприятности.

С помощью логического разрыва автор сосредоточивает внимание читателя на возможных последствиях «потери чувства реальности» через нагнетание действий, а также способствует апелляции к памяти читателя (например, к последствиям «кровавой» политики СССР в Чехословакии в 1938 или в Южной Осетии).

5) Синтаксические конструкции с анафорическими повторами:

Вот это—то и страшит российскую бюрократию, стремящуюся любой ценой предотвратить распространение «оранжевой заразы» в подвластную ей обветшавшую метрополию. Отсюда заполошные крики о невозможности «отдать Украину», как будто Украина изначально принадлежит этим «хозяевам жизни», а не украинским гражданам. Отсюда попытки провести разделительные линии, отсюда и поощрение сепаратизма «социально близкой» номенклатуры, нагнетание мифов о злобных «бандеровцах» и бездарные, выдержанные в худших традициях холодной войны обличения «происков НАТО», «польско-американского заговора» и так далее.

Анафоричность синтаксических конструкций (наречие «отсюда») способствует четким, последовательным объяснениям действий России, а также постановке логических акцентов на важных моментах, которые, по замыслу автора, должны привлечь критическое внимание читателя.

Категория тональности.

Лексический уровень

1) Эмоционально-экспрессивная лексика, а также слова, содержащие в своей семантике указание на позицию России по отношению к политическим изменениям на Украине:

амбициозный человек, потерявший чувство реальности, не желающий понимать, сорвать злобу, с тупой упертостью, грозить, запугивать, врать, устраивать гадости, очень вредный и противный старикашка, таких же выживших из ума пенсионеров, мечутся из угла в угол, кого-нибудь укусить, обругать, потеряли голову.

Представленные выше лексические единицы (слова и словосочетания) в своей семантике содержат негативную оценку действий современной России. Эти действия подаются с особой саркастической подоплекой. Ранее отмечалось, что для СМИ (прежде всего, печатных) начиная с 90-х годов характерно весьма критическое (ироническое, саркастическое) отношение к действиям власти. Это объясняется переоценкой ценностей в результате распада Советского Союза: старые - обесценились, а новые еще не выстроились. И в результате - неприятие новой политики, стремление высветить «белые пятна» современности.

2) Эпитеты:

Приемчики, в общем-то, старые и кроваво опробованные в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии.

В данном контексте с помощью эпитета «кроваво опробованные» создаются «милитарные» ассоциации, что способствует апелляции к советскому прошлому и формированию негативного отношения к прежней национальной политике.

...на Украине достаточно людей, <...> которые готовы неделями стоять на морозе, чтобы добиться для своей родины свободного, европейского, демократического будущего, а не холопского прозябания под властью «азиатской» бюрократическо-криминальной банды.

Эпитет «холопского» в сочетании с ярким определением к слову «банда» способствует передаче эмоций, накала страстей, связанных с авторским неприятием российского образа жизни.

Мало Украины, так надо наехать еще и на Молдавию, выразив «недоумение» в ответ на протесты молдавского МИДа из-за хамоватого заявления посла РФ в Кишиневе Николая Рябова.

Взаимодействие эпитета «хамоватого» с языковыми элементами «криминального» жаргона («надо еще наехать») способствует созданию негативной сниженной оценки.

Все это выглядит настолько несуразно, что, например, введение «мандариновой» и железнодорожной блокады Абхазии невольно порождает подозрения: запрет на ввоз в Россию абхазских цитрусовых объясняется исключительно аллергией Кремля на оранжевый цвет.

В данном контексте эпитет «мандариновой», вступающий в дистрибутивные отношения с главными лексическими единицами, имеющими непосредственную связь с темой высказывания, становится выразителем революционной украинской идеи, а также логической аллюзией на российско-абхазские отношения, способствуя созданию иронического подтекста.

3) Метафора:

Вот это—то и страшит российскую бюрократию, стремящуюся любой ценой предотвратить распространение «оранжевой заразы» в подвластную ей обветшавшую метрополию.

Недаром усиленно возводится вторая линия обороны против «оранжевой угрозы», уже внутри России.

Метафоры «оранжевая зараза» и «оранжевая угроза» являются аллюзиями на украинскую «оранжевую революцию». В сочетании со словами, выражающими возможную тотальную угрозу, они придают высказыванию уничтожительно-воинственный оттенок. Именно «оранжевая зараза» приводит в ужас определенные правительственные круги России, боящиеся каких-либо серьезных перемен в стране.

4) Перифраз с ироническим оттенком:

По этому закону любой федеральный или региональный «борец с терроризмом» сможет ввести такие ограничения гражданских прав и свобод, что не только акции, подобные «оранжевым» выступлениям в Киеве, станут невозможными, но даже робкие протесты против задержки зарплаты можно будет запросто запретить.

Такой вот отставной ветеран ЧК-НКВД-КГБ-ФСБ, очень вредный и противный старикашка с нехорошим прошлым, который по-прежнему мнит себя значимой персоной, регулярно таскается на краснознаменные собрания таких же выживших из ума пенсионеров, постоянно вызывает дух «отца и учителя» воплями «Сталина на вас надо!».

Представленные описательные обороты «борец с терроризмом» и «отца и учителя» являются аллюзиями на действующих и действовавших правителей. В первом случае намек выполняет функцию умолчания, а также способствует созданию нарицательного образа; во втором – служит для избежания повтора, поскольку следом идет декодирование оборота («Сталина на вас надо!»).

5) эвфемизм:

и «готовит списки» на всевозможных изменников.

В данном контексте сочетание «готовит списки» использовано для камуфляжа аморальных действий Советского правительства, чтобы лишний раз не травмировать семьи, чьи близкие прошли через машину репрессий по вине «наушников».

6) Сарказм:

Да кого волнует, что какие-то абхазцы выбрали Багапша, а какие-то абхазские инстанции этот выбор утвердили, если Багапш Кремлю неугоден.

С помощью словосочетания «какие-то абхазцы» передается истинное отношение России к братской некогда стране, что способствует формированию у читателя негативного отношения к действиям правительства.

7) Цитирование:

Когда со всей очевидностью выяснилось, что топорно сработанный политтехнологами типа Павловского и Маркова сценарий воцарения в Киеве продукта симбиоза «рецидивиста и чекиста» оказался в том самом сортире, где Путин обещал замочить террористов, вроде бы надо было остановиться и подумать.

Использование цитаты в косвенной форме способствует аллюзии к недавним политическим событиям, приведшим к «неописуемому» интересу к личности российского президента В. Путина, а также созданию иронического подтекста.

8) Разговорные элементы:

Такой вот отставной ветеран ЧК-НКВД-КГБ—ФСБ, очень вредный и противный старикашка с нехорошим прошлым, который по-прежнему мнит себя значимой персоной, регулярно таскается на краснознаменные сборища таких же выживших из ума пенсионеров,

И не только потому, что за всевозможные «анишлюсы» можно очень здорово получить по шее от Запада.

Но, конечно же, не в аллергии дело – это даже не политическая логика, а логика бандитская, типичный наезд «крыши» на «комерсов»: мы вас крышуем конкретно, а вы хвост не по делу подымаете (избрав Багапша). Ну, и умойтесь со своими мандаринами!

Видимо, в очередной и уже который раз надеются, что все можно «разрулить» демагогией, шантажом и угрозами. Хотя нельзя полностью отказать Кремлю в предусмотрительности.

Использование криминальной лексики в политическом тексте способствует созданию не только криминального образа, вызывающего негативную оценку, но и манифестации мнения о сущности российской политики по отношению к «дружественным странам».

Синтаксический уровень

1) Синтаксические конструкции с обособленными членами предложения:

Причем никого не должно смущать, что официально Кремль никак не выразил свое отношение к откровенно сепаратистскому шантажу – достаточно было десанта во главе с давним борцом за «российский Крым» Юрием Лужковым, произносившим зажигательные речи, и когорты думских депутатов, высадившихся в Донецке и Луганске.

Официальная Россия ведет себя сейчас примерно так же, как чрезвычайно амбициозный человек, потерявший чувство реальности и не желающий понимать, что все его амбиции – так, одно воспоминание

В данном контексте причастные обороты способствуют как созданию напряженности, так и возбуждению читательского внимания к образному сравнению действий, производимых неадекватным человеком и современной официальной России.

2) Риторический вопрос:

Правда, возникает вопрос: а какое право имеют российские чиновники с чем-то или с кем-то разбираться на территории другого государства и чем все это может закончиться?

Эта синтаксическая конструкция способствует утверждению всем известной истины, и таким образом складывается определенная позиция автора к российским политическим актам.

Анализ языковых средств в представленном Интернет-тексте позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, данный Интернет-текст представляет собой «гибридный» продукт двух жанров – статьи и памфлета. От статьи взят а) логизированный характер изложения; б) аналитичность подхода к ситуации Россия-Украина. От памфлета, в свою очередь, взята а) коммуникативная стратегия (развенчание политической тактики России); б) использование сатирических средств (иронии, сарказма, уничижительных сравнений, эпитетов и т.д.).

Во-вторых, в тексте наблюдается доминирование категории тональности над категорией субъективной модальности, поскольку статья является непосредственным откликом на недавние политические события, произошедшие в стране.

4.6. Субъективная модальность и тональность:

взаимодействие категорий и образ героя политического портрета

Позиция носителя речи в публицистическом Интернет-тексте является не менее конкретно-чувственной, чем в тексте художественном. Задачей данного раздела является уточнение иерархии средств выражения субъективной модальности и тональности, как способов авторской оценки героя. Мы попытались показать это на материале политического портрета И. Изгаршев «Он вернулся в чужую для себя страну» [[http:// press.try.md /](http://press.try.md/)].

1. Наиболее ярко, на наш взгляд, в этом политическом Интернет-тексте тональность проявляется на лексическом уровне текста. Характерным является использование «лексических единиц с эмоциональным семантическим потенциалом», которые «рассыпаны» по всему тексту и вместе с тем создают определенную психологическую окраску. Лексические средства служат для создания двух тональностей текста - тональности уважения и тональности сожаления. Тональность уважения репрезентирована набором следующих единиц: *чрезвычайно велики, потрясение, поступок, переворот, значимый факт, истинно русский человек, уважение, человек-патриот, высокий нравственный строй, заслуги, писательский подвиг, слава, вернулся*. Эти слова, несмотря на то, что они «разбросаны» по всему Интернет-тексту, связаны между собой скрытой эмоциональной оценочностью и создают единый эмоциональный настрой.

Прежде всего надо отметить, что роль и значение Солженицына в том, что произошло в нашей стране, чрезвычайно велики.

А потом Солженицын совершил поступок, равный которому не совершил ни один человек на Земле. Это был подвиг – опубликовать «Архипе-

лаг ГУЛАГ». Название этого романа стало для всего мира – синонимом сталинского времени.

Тональность сожаления выражается на лексическом уровне словами и словосочетаниями: *неудовлетворенность, трудно читать, далекость писателя, удаленность, другой мир, утопический мир, немолодой, болеющий человек, не принимает активного участия, анахронизм, чужд, непонятен, место скромно, живет отдельно, заслуги в прошлом.* С помощью этих лексических средств автор определяет свое отношение к месту писателя в сегодняшней жизни России.

Я могу не соглашаться с сегодняшними взглядами писателя. Но это не имеет никакого значения. Когда Александр Исаевич напечатал свое знаменитое произведение «Как нам обустроить Россию?», мне стала очевидна далекость писателя от современной России.

Солженицын сегодня живет отдельно от страны. А страна живет отдельно от него. Его великие заслуги в прошлом, а прошлое, как известно, забывается. Обидно, что многие не хотят его знать. Но без кирпичиков прошлого нельзя построить будущее. Место Солженицына в сегодняшнем сознании скромно, он не является идолом, идеологом, кумиром.

С этой же целью используются и устойчивые обороты:

Александр Исаевич и его жена Наталья Дмитриевна прошли через то, что не дай бог испытать никому.

С помощью введения в придаточную часть предложения устойчивого оборота актуализируется тональность уважения к личности Солженицына и его жены и тональность сожаления по поводу выпавших на их долю политических гонений.

2. Морфологический уровень представлен лишь эмоционально-экспрессивным междометием *увы*, в толковом словаре имеющим значение: «восклицание, обозначающее сетование, сожаление» - и наречием *обидно* – «досадно, неприятно», которые так же воплощают тональность сожаления:

«Как нам обустроить Россию?», увы, показало удаленность Солже-

нищина от сегодняшнего времени, то, что он живет в своем утопическом мире, который совершенно не соответствует тому, как живет наша страна.

Обидно, что многие не хотят его знать.

3. Синтаксический уровень текста

Тональность на данном уровне воплощается посредством таких средств, как знаки препинания, обособленные конструкции, приемы стилистического синтаксиса и др.

1) Предложения с причастными оборотами:

Лично для меня его приезд стал необычайно значимым фактом, вызвавшим огромное уважение.

Обособленный причастный оборот с уточняющим значением способствует не только привлечению внимания читателя к эмоциональному состоянию самого автора («лично для меня»), вызванному приездом Солженицына в Россию, но и подчеркивает уважительное отношение журналиста к герою очерка.

Нельзя критиковать человека, открывшего миру правду об ужасах сталинизма.

В данном предложении обособленный причастный оборот служит как для создания уважительного тона по отношению к незаурядной личности Солженицына, так и для манифестации уверенности говорящего в том, что такая личность не подлежит нападкам с любой стороны.

2) Синтаксические конструкции с тире – знак, который, на наш взгляд, в приведенных ниже фрагментах выполняет не только грамматическую, но и смысловую, тональнопорождающую функцию:

Это был подвиг – опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ».

Тире в данном предложении является психологическим маркером, вносящим в текст тональность уважения. Автор стремится и заострить внимание читателя на данном фрагменте высказывания, и акцентировать мысль о том, что опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ», сказать правду о сталинской эпохе – было деянием, во многом определившим поворот в общественном сознании.

Его возвращение – свидетельство высокого нравственного строя человека-патриота, который должен жить в своей стране.

Посредством тире автор заостряет внимание читателя на том, что возвращение Солженицына на родину говорит о масштабе его личности и патриотизме.

Солженицын на этом фоне с его нынешними взглядами – анахронизм.

В приведенном примере с помощью тире реализуется тональность сожаления. Автор акцентирует внимание читателей на том, что Солженицын, несмотря на его заслуги, воспринимается сегодня как явление устаревшее, человек, отставший от реальной жизни.

3) Анафорические повторы:

Его возвращение – свидетельство высокого нравственного строя человека-патриота, который должен жить в своей стране. Его ведь выслали из Советского Союза, он уехал не по своей воле.

Эти предложения связаны пояснительными отношениями. В роли анафорической «скрепы» здесь выступает личное местоимение *его*. С помощью такой конструкции автор концентрирует внимание на способности Солженицына поступать вопреки обстоятельствам, в соответствии со своими убеждениями. Данный фрагмент вновь свидетельствует о чрезвычайно уважительном отношении автора к своему герою.

Солженицын вернулся в чужую для себя страну, в чужое пространство. Вернулся в государство, живущее в эпоху так называемого капитализма по-русски.

В этом фрагменте предложения вновь связаны присоединительными отношениями. В роли анафорической «скрепы» выступил глагол *вернулся*, который способствует созданию тональности сожаления. С помощью такой конструкции автор стремится акцентировать внимание читателей на том факте, что страна, живущая «в эпоху так называемого капитализма по-русски», оказалась для писателя чужой.

Обратимся к репрезентации категории субъективной модальности.

Морфологический уровень

1) личные местоимения:

Я очень хорошо помню начало 60-х годов, когда в «Новом мире» был напечатан рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

В этом и приведенных ниже примерах средством манифестации субъективной модальности является личное местоимение «я», с помощью которого автор открыто заявляет о своей позиции.

Лично меня его приезд стал необычно значимым фактом, вызвавшим огромное уважение.

Когда Александр Исаевич напечатал свое знаменитое произведение «Как нам обустроить Россию?», мне стала очевидна далекость писателя от современной России.

2) Модальные частицы со значением уверенности:

Да, время, в котором мы существуем, легко критиковать.

Синтаксический уровень:

1) Модальные фразы:

Поэтому и книга талантливого Владимира Войновича о Солженицыне, в которой сводятся сугубо личные эмигрантские счёты, кажется мне мелкой.

В данном примере модальная фраза «книга...кажется мне мелкой» является средством выражения модальности неуверенности: говорящий высказывает лишь мнение по определенному вопросу, тем самым стараясь смягчить свою точку зрения.

Ведь сталинизм, как мне представляется, гораздо страшнее, чем гитлеризм.

В этом предложении модальная фраза «как мне представляется» оформляет предположение говорящего, который уважительно относится к бытующим противоположным мнениям, чрезвычайно распространенным в России.

2) Синтаксические конструкции с многократным отрицанием:

Никаких ценностей, традиций, которые были раньше, не осталось.

Но времена изменились, и никакой премии Солженицын не получил.

Многочисленное отрицание в обоих предложениях способствует выражению уверенности говорящего в истинности своих суждений.

А потом Солженицын совершил поступок, равный которому не совершил ни один человек на Земле.

В этом фрагменте с помощью многократного отрицания подчеркивается неповторимость, важность для всех поступка Солженицына.

3) синтаксические конструкции с обособленными членами предложения:

Это была ошибка со стороны Войновича – публиковать ее, она не вызывает уважения.

Название этого романа стало для всего мира – от Европы до Австралии – синонимом сталинского времени.

В обоих примерах обособленные обороты, акцентированные посредством тире, необходимы автору для того, чтобы заострить внимание читателя на важных, по его мнению, смысловых частях высказывания.

4) Парцеллированные конструкции:

Лично мне эту книгу было очень трудно читать. Но я ее прочитал.

Приведенная синтаксическая конструкция восходит к единому целому – сложносочиненному предложению с противительными отношениями: «Лично мне эту книгу было очень трудно читать, но я ее прочитал». С помощью разрыва автор пытается заострить внимание читателя на важности книги для автора, а может быть, и для потенциального читателя.

5) Синтаксические конструкции с сочинительными союзами, находящимися после точки:

Он многим чужд, непонятен. А то, что составило его славу, его писательский подвиг, может оценить только думающая часть нации.

6) Повтор (хиазм)

Солженицын сегодня живет отдельно от страны. А страна живет отдельно от него.

В приведенном примере повторение слова «страна» логически подчеркивает дистанцию между писателем и его родиной.

Итак, перечисленные средства манифестации субъективной модальности и тональности способствуют созданию образа героя в его прошлом и настоящем. В политическом портрете «Он вернулся в чужую для себя страну» перед нами предстает «автор-исследователь», который стремится разобраться в причинах того, почему Солженицын воспринимается современниками как анахронизм, почему он практически «выключен» из общественной жизни. Не отрицая прежних заслуг своего героя, автор показывает причины, по которым Солженицын не может стать духовным лидером в общественной жизни нынешней России. Поэтому портрет двутонален: пересекаются тональность уважения и тональность снисходительного сожаления, что во многом определяет общий пафос текста. В свою очередь, субъективная модальность связана с развертыванием повествования от первого лица, помогает ввести в Интернет-текст авторские мнения и оценки, акцентировать отдельные суждения. В целом пересечение и взаимодействие данных категорий способствуют транспозиции фактографической основы Интернет-текста в субъективированное развернутое рассуждение, пафос которого не оставляет равнодушным читателя.

ВЫВОДЫ ПО ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ.

Во-первых, категория субъективной модальности в политических Интернет-текстах выполняет функции: а) выявления авторского голоса; б) установления причинно-следственных отношений; в) создания «магнитного поля», т.е. акцентирования внимания читателей на важном для автора моменте, факте; г) программирования читательских умозаключений; д) перевода фактов, стоящих за текстом, в оценочные суждения.

Во-вторых, категория тональности выполняет в Интернет-текстах функции: а) выявления эмоционального настроения автора произведения (уважения, разочарования, сожаления, возмущения, иронии и т.д.); б) трансляции ав-

торской эмоционально-экспрессивной оценки того или иного факта, явления, события; в) концентрирования внимания на важном моменте текста; г) апелляции к историческому, культурному и жизненному опыту читателя; д) приближения автора к читателю, установления контакта с последним.

В-третьих, данные категории являются взаимодополняющими и способствуют: а) выявлению авторской концепции; б) созданию авторской «картины мира»; в) программированию читательского восприятия, настрою читателя на авторскую «волну».

В-четвертых, в политических Интернет-текстах аналитического характера наблюдается преобладание средств манифестации категории субъективной модальности над средствами, выражающими категорию тональности, поскольку основная цель таких текстов – объяснить истинные, с точки зрения автора, причины сложившейся ситуации и спрогнозировать последствия. А для политических Интернет-текстов, представляющих собой непосредственный отклик на то или иное политическое событие, или характеристику политического деятеля, характерно превалирование средств манифестации категории тональности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интернет на сегодняшний день многие исследователи рассматривают, как еще одну форму коммуникации, которая проявляется в возможности письменного общения в реальном времени без каких-либо препятствий. Это свидетельствует о появлении и распространении особого дискурса - Интернет-дискурса.

Одним из наиболее широко представленных в Сети является политический Интернет-дискурс, поскольку многих пользователей интересуют вопросы политического характера: что произошло в общественной жизни и как это повлияет на завтрашний день? В результате такого интереса к политической жизни страны, в Интернете стало появляться большое количество текстов, в которых в достаточно ярких красках описываются перипетии власти. Поскольку природа Интернета основывается на принципе полной гласности и ситуации непосредственного, прямого общения с читателем, то политические Интернет-тексты отличаются большой степенью свободомыслия и повышенной субъективности, которая характерна для авторов, желающих высказать свою позицию по этому вопросу и убедить читателя в правоте своих слов.

Ведущую роль в текстообразовании политического Интернет-текста играют его субъектная и интонационно-речевая организация. Это детерминировано повышенной субъективностью таких текстов и значимостью образа автора, организующего высказывание. В целом исследование категорий субъективной модальности и тональности напрямую связано с проблемой изучения различных форм присутствия авторского «я» в Интернет-тексте.

Категории модальности и тональности нередко отождествляются именно потому, что в основе обеих категорий лежит оценка действительности. Но оценка эта базируется на разных основаниях: модальность способствует реализации логических оценок, а тональность – оценок эмоциональных. При этом обе категории взаимосвязаны и дополняют друг друга. Модальность и тональность «высвечивают» одно и то же событие, факт, но на разных уровнях – ло-

гическом и эмоциональном – что способствует глубокому и полному постижению сути проблемы, истинного положения вещей, о которой идет речь.

Категория субъективной модальности «отвечает» за авторскую логику, способствует представлению причинно-следственных отношений между объектами авторского исследования. Поэтому доминирующими средствами манифестации субъективной модальности являются в первую очередь личные местоимения и вводно-модальные (вводные) слова и частицы, не только демонстрирующие сам факт присутствия автора в тексте, но и свидетельствующие об авторских интенциях, его пытливости, желании «докопаться» до истинных причин и следствий. Все остальные средства (прежде всего модальные глаголы, различные типы тропов, особые синтаксические конструкции: парцелляция, многократные отрицания, модальные фразы, вводные предложения), расширяя репертуар средств репрезентации данной категории, максимально способствуют эксплицированию в Интернет-тексте авторского присутствия.

Важнейшая функция категории модальности связана с тем, что она способствует переводу факта, стоящего за текстом, в суждение. Факт сам по себе – абстрактен, и лишь благодаря интерпретации журналиста он приобретает отчетливую форму суждения. На основании одного факта может возникнуть целая гамма разнородных суждений. С помощью категории субъективной модальностью в тексте реализуется логическая оценка фактов, которые таким способом «переводятся» в логические суждения.

Важнейшая функция категории тональности, в свою очередь, базируется на эмоционально-эспрессивной оценке, которая тесно связана с основным пафосом текста и способствует эксплицированию его эмоциональной информации. Средства выражения тональности (прежде всего, эмоционально окрашенные слова, тропы, стилистический синтаксис) создают общий эмоциональный настрой текста, с их помощью создается особое ощущение «живой жизни», реальности изображаемой картины мира. Категория тональности также способствует оценке свершившегося события, оставившего в сознании автора «эмоциональный слепок», который журналист хочет сделать достоянием читателя.

Исследовав специфику функционирования категорий субъективной модальности и тональности, мы пришли к заключению, что данные категории способствуют дифференциации политических Интернет-текстов в зависимости от коммуникативных целей автора. Эту корреляцию можно представить следующим образом.

1. Политическая проблемная статья. Средства выражения субъективной модальности связана с анализом и комментированием тех или иных событий или действий правительства; средства манифестации тональности способствуют созданию эффекта эмоционального воздействия на сознание читателя, привнесению дополнительной оценочной информации. Средства субъективной модальности являются доминирующими, поскольку с их помощью делается акцент на коммуникативной деятельности автора, связанной с интерпретацией и обобщением фактов.

2. Аналитическая статья. В данной статье средства манифестации субъективной модальности и тональности являются взаимодополняющими. Они эксплицируют автора как субъекта речи, способного проводить многоаспектный анализ ситуации и выступающего в качестве компетентного профессионала-аналитика. Автор способен к широким обобщениям, при этом он не только думает, но и чувствует, воспринимает мир как логически, так и эмоциональным путем.

3. Политическое журналистское расследование. Преобладающие в этой разновидности Интернет-текста средства манифестации субъективной модальности призваны показать интеллектуальный авторский поиск, в то время как средства выражения тональности направлены на создание особой атмосферы: интриги, напряженного сюжетного действия с целью увлечь, завладеть вниманием читателя.

4. Политический портрет. В данном случае доминирующими становятся средства выражения тональности. Это определяется наличием в тексте очеркового начала, с помощью которого дается описание характера человека, что предопределяет высокую степень субъективной оценки, базирующейся на чувст-

венном восприятии. Таким образом, в политическом портрете делается акцент на герое, а автор как субъект речи выступает своего рода «медиатором», настраивающим читателя на определенное восприятие героя.

5. Политическая статья с элементами памфлета. В данном Интернет-тексте преобладают средства манифестации категории тональности, способствующие созданию живого, непосредственного отклика субъекта речи, нежелающего мириться с современной политической действительностью.

Таким образом, категории субъективной модальности и тональности способствуют дифференциации и идентификации разновидностей политического Интернет-текста. Поэтому перспективы данной работы связаны с изучением способов интерпретации факта в публицистике и поисками внутритекстовых оснований для дифференциации текучих, синкретичных современных публицистических форм в Интернете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Агатов М. Виктор Ющенко повторит путь Никиты Хрущева // <http://www.yugovostok.info/archive.php?id=411>
2. Будберг А. Год великого перелома: Путин, которого мы потеряли // <http://www.mk.ru/numbers/1332/article41179.htm>
3. Быстрицкий А. Реформы завершены. Забудьте // [http:// gazeta. lenta. ru / so-
ciety/30-06-1999_sovok.htm](http://gazeta.lenta.ru/society/30-06-1999_sovok.htm)
4. Вайскопф А. Особенности партстроительства в летний период // [http://
www.sayasat.kz](http://www.sayasat.kz).
5. Виноградов А.О. О дураках, дорогах, о Думе и о главном // http://gazeta.lenta.ru/society/15-03-1999_Vorovstvo.htm
6. Гребешков И. Последняя надежда олигархов // [http:// daily. rian. ru /
issueprintversion.html?iss_id=3001](http://daily.rian.ru/issueprintversion.html?iss_id=3001)
7. Добрюха Н. Последняя охота Хрущева / [http:// www.aif.ru / online/ aif / 1223/
12_01](http://www.aif.ru/online/aif/1223/12_01)
8. Добрюха Н. Ссора вождей // [http:// soyuzssr.narod.ru / lenina/ 05.html](http://soyuzssr.narod.ru/lenina/05.html)
9. Дугин А. Выбор президента Путина. Патриотизм или либерализм? // <http://www.nigru.ru/docs/class/509.html>
10. Изгаршев И. «Он вернулся в чужую для себя страну» / [http:// press.try.md /
view. php?id=41134&iddb=society](http://press.try.md/view.php?id=41134&iddb=society).
11. Каждая В. Смерть вождя. Диагноз: убийство? // [http:// soyuzssr.narod.ru /
sstalina / 03.html](http://soyuzssr.narod.ru/sstalina/03.html)
12. Калишевский М. Кто это – мы? // [http:// www .inostranets .ru / archive /
2004/0913_31/](http://www.inostranets.ru/archive/2004/0913_31/)
13. Калишевский М. Специфическая страна [http:// www. inostranets. ru / ar-
chive/2004/0906_30/](http://www.inostranets.ru/archive/2004/0906_30/)

14. Калишевский М. Украинские аллюзии и кремлевские иллюзии // http://www.inostranets.ru/archive/2004/1129_42/
15. Калишевский М. «Коррекция» генеральной линии // http://www.inostranets.ru/archive/2004/1025_37/
16. Калишевский М. Все на нервах // http://www.inostranets.ru/archive/2005/0309_8/
17. Калишевский М. Украина становится для россиян «европейским предбанником» // http://www.inostranets.ru/archive/2005/0207_4/
18. Калишевский М. Аллергия на «оранжевое» // http://www.inostranets.ru/archive/2004/1206_43/
19. Киселев В. Власть пошла // http://gazeta.lenta.ru/society/09-03-1999_Primak.htm
20. Колесниченко А., Нестерова А. Оранжевая любовь или голубая война? // <http://eep.rian.ru/11.02.2005/digest/m4107>
21. Кольцов С. Бендер, вы не знаете, что это за птица! // http://gazeta.lenta.ru/society/28-04-1999_gustov.htm
22. Кольцов С. Думу жалко // http://gazeta.lenta.ru/society/11-06-1999_default.htm
23. Макаренко Б. Либерализм в России. Пять причин провала и три предпосылки подъема // <http://www.cpt.ru/statint.php>
24. Попов Г. Кровавый октябрь // http://www.aif.ru/online/aif/1199/12_01
25. Российский федерализм: взаимосвязь права и политики (политический очерк). // <http://www.indem.ru/Congress/OcherW7.htm>
26. Ростовский М. Загон о выборах. «Объективность» как орудие убийства // <http://www.democrasy.ru/article.php?id=515>
27. Ростовский М. Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе // <http://www.skandaly.ru/news/news1691.html>
28. Своик П. Казахстан 1991-1999. Политический очерк. // http://kazhegeldin.addr.com/articles/about_29_02_00.html

29. Сонькин В. Ельцин: одержимость идеей преемственности // [http:// gazeta.lenta.ru/prensa/11-08-1999_yeltsin_hero.htm](http://gazeta.lenta.ru/prensa/11-08-1999_yeltsin_hero.htm)
30. Сонькин В. Россия, которую мы потеряли // [http:// gazeta.lenta.ru/prensa/16-08-1999_lost.htm](http://gazeta.lenta.ru/prensa/16-08-1999_lost.htm)
31. Третьяков В. Нужен ли нам Путин после 2008 года? Если да, то какой и при каких условиях. // <http://www.nigru.ru/docs/>
32. Третьяков В. Прыжок в царство свободы // [http:// www.nigru.ru/docs/1/](http://www.nigru.ru/docs/1/)
33. Третьяков В. Конспект пятого номера // [http:// www.nigru.ru/docs/](http://www.nigru.ru/docs/)
34. А. Шубин. Властители дум / [http:// jld.russ.ru / politics / polemics / 20001206_shubin.html](http://jld.russ.ru/politics/polemics/20001206_shubin.html)
35. Шубин А. Российское телевидение на грани столетий. Очерк I. // <http://www.russ.ru>
36. Шубин А. Мифотворчество в политическом затишье. Российское телевидение на грани столетий. Очерк II. // [http:// old.russ.ru / politics / polemics/20001205_shubin.html](http://old.russ.ru/politics/polemics/20001205_shubin.html)
37. Шубин А. История и телемифы. Российское телевидение на грани столетий. Очерк III. // <http://www.russ.ru>
38. Шубин А. Россия в поисках пути: реформы тысяча девятьсот восьмидесятых // <http://his.1september.ru/article.php?ID=200203702>
39. Шубин А. Средства массовой информации: информирование и манипулирование // <http://history-futur.newmail.ru/smi-rez.htm>
40. Шушарин Д. Pro domo sua // http://gazeta.lenta.ru/society/16-04-1999_geopolitika.htm
41. Шушарин Д. В защиту Бориса Ельцина // [http:// gazeta.lenta.ru / society/22-03-1999_Yeltsin.htm](http://gazeta.lenta.ru/society/22-03-1999_Yeltsin.htm)
42. Шушарин Д. Старые страхи в новой упаковке // [http:// gazeta.lenta.ru/society/25-03-1999_ukrain.htm](http://gazeta.lenta.ru/society/25-03-1999_ukrain.htm)
43. Ясенов Е. Виктор Ющенко – политический портрет // [http:// www.e-journal.ru /bzarub-sf1-12.html](http://www.e-journal.ru/bzarub-sf1-12.html)

II. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. О модальности предложения // Учен. Зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Вып. 1. - Т. 2. – 1956. – С. 47-70.
2. Алексеев В.А. Русский современный очерк. – Л., 1980.
3. Аникин А.И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: Автореф. дисс... канд. филолог. наук: 10.02.01. – М., 1953. – 16 с.
4. Анисимова Л.В. Вводно-модальные слова в их отношении к структуре предложения: Автореферат дисс. на соискание степени кандидата филолог. наук. – Воронеж, 1982. – 16 с.
5. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн.: Литература, 1998. – 1248 с.
6. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 136-137.
7. Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1997. – 387 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999.- 896 с.
9. Арнольд И.В. Стилистика декодирования (Курс лекций). – Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1974. – 75 с.
10. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебн. для студентов вузов – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
11. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. - 86с.

12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 258 с.
13. Баранов В.И., Бочаров А.Г., Суровцев Ю.И. Литературно-художественная критика: Учебное пособие для вузов по спец. «Журналистика». – М.: «Высшая школа», 1982. – 207 с.
14. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
15. Бахтин М.М. Проблема автора // Вопросы философии. - 1977. - № 7. – С. 148-160.
16. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров./ М.М. Бахтин. Собрание соч. в 7 томах. – Т 5. – М.: Русские словари, 1997 – 732 с.
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979 – 4-е изд. – 316 с.
18. Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
19. Белошапкова В.А., Галактионова И.В. О видах выражения согласия // Русская речь. - 1982. - № 4. – С. 59-61.
20. Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: Проблемы изучения и обучения: [для продвинутых и высш. этапов обучения] / Ю.А. Бельчиков – 2-е изд., испр. и доп. – М.: URSS, 2005. – 173 с.
21. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 179 с.
22. Беневоленская Т. А. Композиция газетного очерка: пособие по спецкурсу. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 88 с.
23. Беневоленская Т.А. О языке и стиле газетного очерка: Учебно-методическое пособие по курсу «Теория и практика партийно-советской печати для студентов-заочников факультетов журналистики государственных ун-тов. – М.: Изд-во Московского университета, 1973. – 78 с.

24. Беневоленская Т.А. Портрет современника: Очерк в газете. – М.: Мысль, 1983 – 132 с.
25. Бессуднов А., Дугаев Д. Интернет, конец сакральности // Эксперт Северо-Запад. – 2001. - № 4 (33).
26. Богат Е., Рубинов А. Очерк об очерке / Газетные жанры (Ред. кол-ля: В.И. Власов и др.) – Изд-е второе, переработ-е. – М. Политиздат, 1976. – 174 с.
27. Богоявленская Ю.В. Парцелляция в русском и французском языках: структурные и семантико-синтаксические особенности: Автореф дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20/Ур. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003 – 18 с.
28. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). – Ташкент: изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1981. - 116 с.
29. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике./ А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1976. – 254 с.
30. Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации// Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград: «Наука», 1990. – С. 80-90.
31. Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А., Корди Е.Е., Сильницкий Г.Г., Храковский В.С., Цейтлин С.Н., Шелякин М.А. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград: «Наука», 1990. – 263 с.
32. Буглак С.И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе.- 1990. - № 2. – С. 82-87.
33. Бушев А.Б. Языковое конструирование социальной реальности и тексты Интернета // <http://www.auditorium.ru>.

34. Бушев А.В. Языковые феномены политического дискурса Сборник научных трудов "Теория коммуникации & прикладная коммуникация". Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Выпуск 2. / Под общей редакцией И.Н. Розиной. - Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. - 244 с. - С. 52-71.

35. Вакуров В.Н., Кохтев Н.И., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика». – М.: Высшая школа, 1978. – 181 с.

36. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2004. – 278 с.

37. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина - М.: Логос, 2001 -302 с.

38. Валгина Н.С. О русской пунктуации (в функционально-стилистическом аспекте): Учебное пособие. – М., 1971. – 70 с.

39. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Агар, 2000. – С. 251.

40. Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса / Д.Р.Валиахметова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.– Т. 2.- С. 7-9.

41. Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи: (Явление парцелляции) / Ю.В. Ванников – М.: Университет дружбы народов, 1969. – 130 с.

42. Василенко Л.И. Модальные слова в диалоге // Русская речь. – 1984. - № 6. – С. 37-40.

43. Василенко Л.И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: Автореферат дисс...канд. филол. наук. – Минск, 1985.

44. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общ. понятия стилистики. Разговор.-обиход.стиль речи. - М. : URSS : КомКнига, 2005. - 237 с.
45. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. / Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды. – М.: Наука, 1975. – 558 с.
46. Виноградов В.В. О теории художественной речи: Учеб. пособие для студентов вузов. - М.: Высш. шк., 2005. – 286 с.
47. Виноградов В.В. Проблемы авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1961. - 613 с.
48. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. - М.: Наука, 1993 – 171 с.
49. Волков И. Ф. Теория литературы. - М.; Владивосток: Просвещение, 1995. – 256 с.
50. Вомперский В.П. О стиле очерка // Стилистика газетных жанров / Под ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 229 с.
51. Газетные жанры: [Сборник] / Редкол.: В.И. Власов и др. – 2-е изд., перераб. – М.: Политиздат, 1976. - 174 с.
52. Газетные жанры. Учеб. пособие по журналистике / А.А. Круглов, А.К. Азизян, А.В. Гребнев и др.; Под ред. К.А. Ковалевского, В.Т. Татаринова. – М.: Б. и., 1955 – 281 с.
53. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В. Степанова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
54. Гоголина Т.В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке. Дисс... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000.
55. Горина Е.В. Газета в аспекте речевого воздействия на личность. Дисс... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2004.

56. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIV, Компьютерная лингвистика. – М., 1989. – С. 5-31.
57. Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества: Пресса и публицистика. - М.: Мысль, 1975 – 185 с.
58. Гундарин М.В., Чувакин А.А. Диалогичность текста в газете // Российская журналистика: от «Колокола» до «СПИД-инфо»: К 60-летию фак. журналистики Урал. гос. ун-та / Урал. гос. ун-т, фак. журналистики; Ред-сост. Л.М. Макушин. – Екатеринбург: Б.и., 1996. – 156 с.
59. Грамматика современного литературного русского языка / С.Н. Дмитренко, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов и др.; Отв. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т русского языка. - М.: Наука, 1970. – 767 с.
60. Гуревич С.М. Газета: Вчера, сегодня, завтра: [учебное пособие для вузов]. – М.: Аспект-Пресс, 2004 – 287 с.
61. Давидко Н.В. Модальность связного текста (на материале англоязычной прессы) / Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности / Тезисы докладов конференции. – Иркутск, 1990. – С. 26-27.
62. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. – 1997. - № 1. – С. 109-121.
63. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116-133.
64. Дзялощинский И.М. Творческая индивидуальность в журналистике. – М., 1984.
65. Дускаева Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 112 с.

66. Дускаева Л.Р. Дифференциация информационных жанров газетной публицистики.// Изменяющийся языковой мир: Материалы междунар. науч. конф. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 135-137.

67. Дымарский М.Я. Текст – дискурс - художественный текст. // Текст как объект многоаспектного исследования: Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып. 3., Ч. 1. – СПб – Ставрополь: Изд. Ставроп. ун-та, 1998. – С. 32-66.

68. Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский С.В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. – М.: Знак, 2004. – 408 с.

69. Жанры в историко-литературном процессе. Межвузовский сборник / Под ред. проф. В.В. Гура. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1985. – 150 с.

70. Жирмунский В. Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы: Избранные труды / Отв. ред. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 422 с.

71. Журбина Е.И. Повесть с двумя сюжетами. О публицистической прозе. – М.: Советский писатель, 1974. – 294 с.

72. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров: Очерк. Фельетон. – М.: Мысль, 1969. – 397 с.

73. Заика Н.К. Политическая кампания в прессе: исторический опыт и современность. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1986. – 178 с.

74. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 478 с.

75. Захарова А.М. Модальность странного и ее воплощение в лирике А.Ахматовой: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 18 с.

76. Зеленщиков А.В. Модальность DE RE и DE DICTO и интерпретация высказывания./ Функциональные, типологические и лингводидакти-

ческие аспекты исследования модальности / Тезисы докладов конференции. – Иркутск, 1990. – С. 36-37.

77. Зятькова Л.Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ). Дисс. на соиск. учен. степени канд. фил. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2003. – 249 с.

78. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 228 с.

79. Ильенко С.Г. Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. – Л., 1988. – С. 7-22.

80. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. унта, 2002. – 360 с.

81. Ипполитова Н.Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике: Учеб. пособие / Мордов. ун-т. – Саранск, 1988.

82. Казаковская В.В. Способы выражения авторства в структуре предложения: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. Моск. пед ун-т. – М., 1996. – 21 с.

83. Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров): Автореф. докт. дисс. - М., 1992.

84. Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста. – М.: Издательство Московского университета, 1989. – 182 с.

85. Каменская Н.В. Выражение модальной оценки обычности высказывания: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – М., 1996.

86. Канторович В. Политические мысли об очерке // Вопросы литературы. – 1966. - № 12. – С. 30-52.

87. Касаткин А.М. Выражение авторства модально-экспрессивных оценок в предложении: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1986.

88. Кедрова Г.Е. Интернет-технологии и коммуникативные проблемы лингводидактики // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 460 с.
89. Кирнос Д.И. Индивидуальность и творческое мышление. – М., 1992. – 171 с.
90. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 335 с.
91. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 319 с.
92. Ким М.Н. Очерк: Теория и методология жанра: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 168 с.
93. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля. / Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 460 с.
94. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
95. Козьмин В.Ф. Жанр очерка // Литература в школе. - 1985. - № 1.
96. Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 229 с.
97. Компанцева Л.Ф. Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе / Наукові записки Луганського національного педагогічного ун-ту. Сер. «Філологічні науки»: Зб. наук. Праць [Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта] /Луган. нац. пед ун-т ім. Т. Шевченко. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – С. 31- 55.
98. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы / Отв. ред. Д.Ф. Марков. – М.: Наука, 1971. – 446 с.

99. Корман Б.О. Лирика и реализм. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1986. – 93 с.
100. Корман Б.О. Основной эмоциональный тон как способ изображения лирического субъекта./ Образцы изучения лирики. Ч. 1. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. – 304 с.
101. Корман Б.О. О соотношении понятий «автор», «характер» и «основной эмоциональный тон» / Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1992. – 235 с.
102. Костомаров В.Г. «Газетный стиль» как функциональный стиль // Проблемы лингвистической стилистики. – М., 1969. – С. 117 – 118.
103. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 265 с.
104. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – М.: МГУ, 1999. – 319 с.
105. Кривоносов А.Д. Грамматические средства выражения личностного начала в тексте: Учебное пособие. – СПб., 2000. – 46 с.
106. Куникеева А.А. Лингвометодическая модель работы с современным русским газетным текстом (в аспекте преподавания русского языка как иностранного). Материалы и методические рекомендации к спецкурсам и спецсеминару. – СПб: «Сударыня», 2002. – 120 с.
107. Куроедова М.А. Авторское «я» в публицистическом тексте (на материале статей И. Волковой) // Вестник АмГУ, выпуск 10, 2000. – С. 24-25.
108. Лавреневская А. С. Объективное и субъективное в очерке (к теории жанра): Автореф. дис...канд. филол. наук. - М., 1989.

109. Лазарева Э.А. Заголовок в тексте [учебное пособие по курсу «Стилистика русского языка»]; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. - М.:Флинта; Наука, 2004. – 198 с.
110. Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты / Э.А. Лазарева. - Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 1993. – 165 с.
111. Лазарева Э.А. Языковая личность как коммуникативный центр средств массовой коммуникации // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной науч. конф., 12-14 мая 1995 г. – Екатеринбург, 1995. – С. 111-112.
112. Лазарева Э.А., Булатова Э.В., Волчкова И.М., Рябова Е.В. Политический и рекламный дискурс и его влияние на социум: Коллективная монография / Отв. ред. Э.А. Лазарева. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2005. – 144 с.
113. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60 -70-е гг. / Н. Лейдерман. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. – 254 с.
114. Лейдерман Н.Л. К определению сущности категории жанра. \ Жанр и композиция литературного произведения: Межвузовский сборник/ Редкол.: А.М. Гаркави (отв. ред.) и др; Калинингр. ун-т, Вып. III. – Калининград, 1976. – 157 с.
115. Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы (вводный курс): Учебно-методическое пособие для студентов факультета русского языка и литературы / Урал. гос. пед. ун-т; Науч.-исследоват. центр «Словесник». – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. – 72 с.
116. Лефор К. Политические очерки (XIX – XX века)/ Перевод с фр. Е.А. Самарской. – М.: РОССПЭН, 2000. – 366 с.
117. Лихачев Д.С. Заметки об истоках искусства // Контекст-1985. – М., 1986. – С. 15-20.

118. Лозанович Ф.Т. Языковые особенности газетного очерка как жанра публицистики (стилистика-синтаксические функции присоединительных конструкций). Автореф. дис...канд. филол. наук.– Ростов-на-Дону, 2000.
119. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Изв. АН ССР. Сер. лит. и языка. – 1971. – Т. 30. - Вып. 3. - С. 237.
120. Ляпон М.В. Текст и его компоненты как объект комплексного анализа: Межвузовский сборник научных трудов / Ленинград. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л.: Б. и., 1986. – 147 с.
121. Мазаев А.Ю. Политический дискурс: Фактор адресата // http://www.ostu.ru/conf/ruslang_2005/trend1/mazaeva.htm
122. Майданова Л.М. Очерки по практической стилистике: Для студентов-журналистов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. – 184 с.
123. Майданова Л.М. Стилистические особенности газетных жанров: лекции по спецкурсу / Л. М. Майданова ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск : УрГУ, 1987. – 65 с.
124. Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста: Средства выразительного письма. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 184 с.
125. Майданова Л.М., Дускаева Л.Р. Жанры публицистического стиля. / Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова и др.; Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, 2003. – 694 с.
126. Маклецова И.С. Политический дискурс и его отражение в публицистике <http://www.vestnik.ru/Article/Filology/7-10/25htm>.
127. Малеева В. Политический дискурс и поэтический дискурс: языковая игра // http://www.vestnik.ru/28_5.htm.
128. Малинович Ю.М. Эмоциональная экспрессия как одна из форм реализации модальности / Функциональные, типологические и лин-

гвистические аспекты исследования модальности / Тезисы докладов конференции. – Иркутск, 1990. – С. 64.

129. Манаенко С.А. Модальные частицы и вводно-модальные слова в функции лексико-семантических конкретизаторов в сложноподчиненном предложении // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сборник статей Всероссийской (с международным участием) науч. конф. 20-22.02.2002 г. В 3-х томах. Т. 2. – Соликамск, 2002. - С. 334-343.

130. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации: Монография / В.Д. Мансурова – Барнаул: Изд-во Алт. ун-т, 2002. – 235 с.

131. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. – 168 с.

132. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.: Наука; Ленинградское отделение, 1978. – 386 с.

133. Муратова М. Средства речевого воздействия в языке СМИ // [http:// www. crystalorange.ru](http://www.crystalorange.ru).

134. Мухин Н.Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста: Дисс...канд. филол. наук: 10.02.01. - Екатеринбург, 2002. – 166 с.

135. Мясников И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2005. – 212 с.

136. Носик А. Gazeta.ru: Зачем это нужно // Интернет. - 1999. - № 14.

137. Носов В.Н. Некоторые вопросы жанра в трудах представителей русской формальной школы / Жанр: (Эволюция и специфика). Вопросы русского языка и литературы. Межвузовский сборник/ Бельц. гос. пед. ин-т

им. А. Руссо; [Редкол.: В.Н. Мигирин (отв. ред.) и др.]. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 154 с.

138. Останин А.И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – Саратов, 1969.

139. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – 231 с.

140. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. - № 4. - С. 74.

141. Пельт В.Д. Дифференциация жанров газетной публицистики: учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1984.

142. Пеппель Л. Фигура умолчания в политическом дискурсе // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 444 с.

143. Пляскина М.В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филолог. наук. – Новосибирск, 2001. – 18 с.

144. Покусаенко В.К. К вопросу о парцелляции сложных, бессоюзно-сложных предложений // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1973.

145. Пospelов Г.Н. Очерк // Литературный энциклопедический словарь / Сост. Е.И. Бонч-Бруевич и др.; Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева – М.: «Советская энциклопедия», 1987. – 750 с.

146. Пospelов Г.Н. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1978. - 350 с.

147. Пospelов Н.С. Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры. – В кн.: Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. – М.-Л., 1948. – С. 53-55.

148. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / [Общая ред. В.И. Борковского]. Т. 1-2. – М.: Учпедгиз, 1958. – 535 с.
149. Практикум по жанровому анализу литературного произведения / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, Н.В. Барковская и др.; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 36 с.
150. Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сборник научно-аналитических обзоров / Под ред. Ф.М. Березина. – М.: ИНИОН, 1989. – 220 с.
151. Пушкарева О.В. Модальность странного: взгляд сквозь призму авторского сознания А.С. Пушкина: Автореферат дисс. на соис. уч. степ. канд. филолог. наук. 10.02.01. – Екатеринбург, 1998. – 15 с.
152. Разлогова Е.Э. Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня. - 1996. - № 3. – С. 21-49.
153. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж: Издательство Воронежского уни-та, 1973. – 218 с.
154. Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. – Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 70 с.
155. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004.
156. Руженцева Н.Б. К проблеме порождения текста (жанровый и прагматический аспекты) / Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. В.И. Томашпольский, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2000. – Т. 4. – С. 68-76.
157. Руженцева Н.Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: Монография / Урал. гос. пед. ун-та. – Екатеринбург, 2001. – 312 с.
158. Руженцева Н.Б. Сочинения разных жанров: Учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург, 1998.

159. Руднева Е.Г. Пафос художественного произведения. (Из истории проблемы)/ Московский гос. ун-т. – М., 1977.
160. Рыскова Т.М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестник МГУ, серия 12. - 1997. - № 3.
161. Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. – Воронеж: Логос-Траст, 1994. – 264 с.
162. Сабанеева М.К. Модальность высказывания и пресуппозиция. / Функциональные, типологические и лингвистические аспекты исследования модальности / Тезисы докладов конференции. – Иркутск, 1990. – С. 95.
163. Свиридова Т.М. Согласие-несогласие как фрагмент языковой картины мира // <http://www.russian.slavica.org/>.
164. Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования / И.П. Севбо, ред.; С.К. Шаумян (отв. ред.). – М.: Наука, 1969. – 134 с.
165. Сквородников А.П. Фигуры речи в современной российской прессе // Филологические науки. - 2001. – №3. – С. 74-80.
166. Современный русский язык. В 2-х частях / Под ред. Д.Э. Розенталя. – Изд. 3-е. – М.: Высшая школа, 1979. – Ч.1. – 317 с.; Ч.2. – 256 с.
167. Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Вестник Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. - М., 2001. - №3.
168. Солганик Г.Я. Лексика газеты: (Функциональный аспект): Учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика» – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.
169. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста / Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Волгоградские чтения XII-XIII [1981-1982]. – М.: «Наука», 1984.
170. Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX в. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. – М., 2002. - № 2. – С. 39-53.

171. Солганик Г.Я. О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Междунар. конф. – М., 1999. – С. 364-372.
172. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.
173. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. Пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля / Г.Я. Солганик. – 2-е изд. - М.: Флинта, 1997. – 252 с.
174. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1985. – 170 с.
175. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / [В.Н. Виноградова и др]. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
176. Стрельцов Б.В. Основы публицистики. Жанры: [Учебное пособие для студентов-иностранцев, обучающихся по специальности «Журналистика»] / Б.В. Стрельцов – Минск: Университетское, 1990.– 239 с.
177. Студнева А.И. Вводные предложения в современной русской речи: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – М., 1968.
178. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.
179. Тарасова И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания. - 1992. - № 4. – С. 103.
180. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
181. Телия В.Н. Лексические модусы экспрессивности // Язык как коммуникативная деятельность человека / Сб-к науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 284. – М., 1987.
182. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / [В.Г. Гак,

В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др.]; Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 174 с.

183. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.

184. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы: Учебное пособие для филологических факультетов университетов и педагогических институтов – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Учебно-педагогическое издательство, 1963. – 454 с.

185. Топоров В.Н. Две заметки из области русской литературы// Поэтика. Стилистика. Язык и культура: [Сборник статей]: Памяти Т.Г. Винокур / Отв. ред. Н.Н. Розанова. – М.: Наука, 1996. – 336 с.

186. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. – Л.: Прибой, 1929. – 596 с.

187. Уваров М.С. Интернет, @ / Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 149-154.

188. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 347 с.

189. Федосеева А.В. Имплицитная модальность высказывания в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореферат дисс...канд. филол. наук. – Белгород, 2005.

190. Фурашов В.И., Чернышева М.М. Субъективная модальность и обособление // Рус. яз. в шк. – 1983. – № 1. - С. 68-75.

191. Хазагерев Т. Г. Общая риторика: Курс лекций. Словарь ритор. фигур : учеб. пособие / Т. Г. Хазагерев, Л. С. Ширина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 317 с.

192. Хализев В.Е. Типы авторской эмоциональности / Хализев В.Е. Теория литературы: [Учебник для вузов]. – 3-е изд., испр. и доп. - М.: Высшая школа, 2002. – 436 с.

193. Холмов М.И. Художественно-публицистические жанры газеты: Очерк, фельетон. – Л., 1988.
194. Хочунская Л.В. Концепция адресата в контексте публицистики // Философские проблемы массовых информационных процессов. – М., 1991.
195. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейкинс / [Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина] – М.: Наука, 1992. – 280 с.
196. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / [Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный]; Отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – 238 с.
197. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: Автореферат дисс... докт. филол. наук. – Барнаул, 2005.
198. Чибук А.В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (сопоставительный аспект). Дисс... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2004. – 226 с.
199. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
200. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. Пособие. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. – 194 с.
201. Шапиро А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки, № 4. – 1958. – С. 20-26.
202. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). – М.: Просвещение, 1966. – 156 с.
203. Шевякова Л.П. Основные формы общения в Интернете и их особенности / Образование. Коммуникация. Ценности. (Проблемы, дискуссии,

перспективы). По материалам круглого стола «Коммуникативные практики в образовании», 19 ноября 2004 года. / Под ред. С.И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 26-29.

204. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Монография. Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
205. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.
206. Шкляр В. И. Публицистика и художественная литература: продуктивно-творческая интеграция: Автореф. докт. дисс: 10.01.10. - Киев, 1989. - 44 с.
207. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа: На материале русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 278 с.
208. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблемы модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса: [сборник] / Под.ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобукова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 78-100.
209. Шостак М.И. Жанры газеты: Учебно-методическое пособие. Ч. 1-2.– М.:МГИ. Ч.1, 1999. – 149 с.; Ч.2, 2000. – 131 с.
210. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 253 с.
211. Юдина Т.В. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 460 с.
212. Язык и личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев: АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1989. – 211 с.
213. Язык и мышление / И.И. Мещанинов, Г.М. Керт, А.С. Чикобаева и др. – М.: Наука, 1967. – 312 с.
214. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968.

III. СЛОВАРИ

1. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. – М., 1998.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
3. Логический словарь ДЕФЕРТ. – М., 1994.
4. Музыкальный энциклопедический словарь. – М., 1991.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993.
6. Словарь литературоведческих терминов. – М., 1974
7. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: в 2-х томах. – Л.: Наука; Ленинград. отд., 1970 – 1971.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст 1

Александр ШУБИН. Россия в поисках пути: реформы тысяча девятьсот восьмидесятых. Советский Союз в конце семидесятых: кризисы и процессы.

В конце 1970-х гг. СССР столкнулся с рядом серьезных социальных кризисов, отягощенных возобновлением холодной войны:

- кризис сверхдержавы (техническое и материальное отставание от Запада; тупики внешней политики, обнаружившиеся в Польше и в Афганистане; экономические трудности, связанные с гонкой вооружений; обострение этнических противоречий в «дружной семье народов»);
- кризис индустриального общества, подобный тому, который на 10—20 лет раньше пережил Запад (падение уровня производства, необходимость преодолеть барьеры научно-технической революции, усугубление проблем сохранения окружающей среды и появление обостренного экологического сознания);
- кризис «социалистической» модели (окончательная утрата иллюзий, связанных со «скорой победой коммунизма»; усиление стремления граждан приобретать материальные блага; осознание значительной частью общества бесправия человека в советском социуме; бюрократический «склероз» управления, связанный с кадровым «застоем» и парализацией обратной связи в политической системе);
- кризис административной тоталитарной системы (обострение социально-политических противоречий между ведомственными и территориальными кланами в элите; усиление стремления различных социальных слоев преодолеть зависимое положение в социальной иерархии; саморазрушение устоявшейся в предшествующие десятилетия динамичной структуры общества).

СССР представлял собой крайне монополистическую форму индустриального общества, что привело к синхронизации кризисов, которые в более плюралистических обществах могут не совпадать во времени и преодолеваются по очереди. В отличие от стран Запада СССР пережил всеобъемлющий кризис, главная причина которого в том, что политическая, социальная и экономическая структуры СССР создавались как сверхгосударственные и сверхцентрализованные. Крайний этатизм — приоритет государства во всех сферах общественной жизни, в первую очередь экономической, — подтачивал и без того хрупкую социалистическую систему, до известного предела проявлявшую, однако, заметную прочность.

Уже в 1950-е гг. обнаружилось стремление к автономии социальных и экономических субъектов федерации. Этот неизбежный процесс сопровождался раскоординированными в системе, так как автономизация различных социальных структур происходила с разной скоростью. В результате возникла специфическая система общественных отношений со своеобразным механизмом согласования политических и экономических интересов.

Эта система, основанная на синтезе бюрократических, рыночных и общинно-корпоративных механизмов, до поры обеспечивала экономический рост и социальную стабильность, но в ее недрах происходило обособление интересов центральной олигархии, отраслевой и региональной бюрократии, директората (в том числе теневого), специалистов (интеллигенции), рабочих, колхозников, маргинальных групп.

Всё это способствовало постепенному, но неуклонному отставанию СССР в международном соревновании, от итогов которого зависели не только позиции Союза как сверхдержавы, но и благосостояние и безопасность его граждан. Более того, технологическая деградация таила неизбежность крупных катастроф. Резкое падение уровня социальной мобильности в сверхмономольной системе вело к утрате стимулов в хозяйственной деятельности. Это, в свою очередь, привело к заметному снижению уровня жизни. К этому добавились этнодемографический кризис и проблема взаимопонимания поколений.

Последствия кризиса могли быть катастрофическими. Все «мины замедленного действия», заложенные под основание СССР, могли взорваться одновременно, если бы в полной мере сохранялась централизаторская стратегия правящей верхушки и были воссозданы эффективные механизмы подавления любой гражданской активности. К счастью, ни одно из этих условий соблюдения не удалось...

Расстановка сил в правящей элите

Успешное реформирование системы могло начаться только изнутри. Военный разгром СССР в то время был невозможен. Недовольство, вызревавшее в обществе, пока не могло вылиться в массовый протест в масштабе страны. Легальной оппозиции не существовало.

Реформистская группировка в руководстве могла укреплять свои позиции только при условии крайне осторожных действий. Бюрократические структуры видели необходимые перемены иначе. Поэтому скрытое выдвижение реформистов в высший эшелон власти имело очень важное значение для выбора варианта реформ.

Сами реформисты не могли поначалу отказаться от коммунистической идеологии.

В середине 1980-х гг. сигнал к нарушению равновесия, к «перестройке» могла подать лишь группа, неуязвимая со стороны остальных кланов бюрократии. Таковой в СССР была только правящая олигархия.

Правящая элита всё в большей степени стремилась к окончательному преодолению отчуждения от собственности (имеется в виду индивидуальная собственность, поскольку корпоративное распоряжение существовавшими в стране ценностями на всех этапах развития советского общества неизменно сохранялось за сословием коммунистических управленцев). Желание закрепить за собой какие-нибудь крохи «общенародной собственности» выражалось и в усилении коррупции, и в так называемых ведомственности и местничестве. Значительная часть бюрократии стремилась превратиться в буржуазию, но психологические (в том числе поколенческие) стереотипы и боязнь опоздать к столу, за которым будут делить собственность, вынуждала до поры выступать против такого раздела.

В правящей элите СССР можно условно выделить три слоя, по-разному относившихся и к коррупции, и к преобразованиям, способным преодолеть отчуждение бюрократии от собственности.

Слой элиты, к которому принадлежали сторонники председателя КГБ Ю. Андропова и министра обороны Д. Устинова, можно условно назвать пуританами. Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», пуритане категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы.

Другой круг чиновников — назовем их консерваторами, стремился функционировать по принципу «живешь сам — давай жить другим», но именно они по мере сил противодействовали переменам.

Третий слой элиты — реформисты — был готов пересматривать «принципы социализма», не отвергая прагматизм консерваторов и учитывая стремление пуритан к частичным переменам.

У каждой из этих групп были свои особые интересы. Пуритане хотели сохранить за бюрократией ее коллективную собственность — государственное хозяйство. Консерваторы снимали «рентные платежи» со своих участков этой собственности. Реформисты, реально (чаще всего бессознательно) желавшие изменить сложившиеся отношения собственности, вынуждены были до поры камуфлировать свои еще пока смутные планы под осторожный очистительно-преобразовательный пафос пуритан и прагматичную лояльность консерваторов. Всё это усложняло и запутывало расстановку сил в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению ведомственных и местнических интересов, порождало множество противоречий.

Реформа 1965 г. предоставила значительную автономию как отраслевым подразделениям бюрократии (министерствам), так и директорскому корпусу. Попытки ограничить своеволие директората репрессивными мерами и путем введения новых «хозрасчетных» показателей (реформа 1979 г.) вызывали недовольство и в итоге еще более усиливали ведомства.

Доминирование отраслевых структур не устраивало те слои элиты, которые были организованы по территориальному принципу, т.е. среднее партийное звено, включая руководство значительной части обкомов. Косыгинская реформа ограничила их возможности контролировать промышленность. Это усиливало связку большинства обкомов с сельскохозяйственной элитой.

Росло напряжение между двумя аморфными коалициями — ведомственной и территориальной (местнической). К поддержке последней постепенно стали склоняться всё больше представителей директората, недовольных диктатом министерств при распределении ресурсов.

Эти противоречия уже открыто проявлялись на областных и республиканских партийных конференциях, которые давно перестали быть чисто парадными мероприятиями. Хозяйственные и партийные руководители критиковали здесь центральные структуры за слишком грандиозные планы и слишком скупое выделение ресурсов, за «канцелярско-бюрократический стиль работы», за отсутствие средств на социальную инфраструктуру (что вызывало проблемы с привлечением рабочей силы). Аграрии требовали изменить в их пользу соотноше-

ние цен на хлеб и промышленную продукцию.

Аграрии и сырьевики были недовольны установленными под давлением их оппонентов ценами и нормами распределения ресурсов и средств, директора — вышестоящими инстанциями, сковывавшими их инициативу, не выделявшими достаточных средств на модернизацию производства и другие проекты. Местническая коалиция была заинтересована в возвращении внешней политики времен разрядки, которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления барьеров научно-технической революции (формулировалось всё это, конечно, иначе). Аграриев не удовлетворяли частные уступки в виде списывания долгов: сами эти долги коммунистические помещики считали результатом несправедливого распределения средств.

КПСС строилась по территориальному принципу, и влияние региональных групп в ней было велико. До поры вес Политбюро и Секретариата, где доминировали отраслевники, превышал влияние регионального лобби в ЦК. Но время работало на «местные кадры», прежде всего на аграриев.

По мере продвижения кадров снизу вверх перевес отраслевиков, достигнутый во второй половине 60-х гг., становился всё менее надежным. Аграрная элита, тесно связанная с районным партийным звеном, брала под контроль обкомы и постепенно выдвигалась в авангард местнической коалиции, увлекая за собой часть директората. «Помещики» оказывались в авангарде борьбы «промышленников» против центральной бюрократии.

Этот парадокс не является особенностью перестройки. Например, в Великобритании XVII в. новые дворяне возглавили «буржуазную» коалицию, которая совершила революцию.

Позиции местнической коалиции усиливались по мере обновления кадров. Но при Брежневе этот процесс протекал крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, соответствовавшая курсу осторожного Брежнева, привела к тому, что поводом к замещению того или иного чиновника становились, как правило, смерть либо старческие (иногда психические) недуги. Такое положение дел подрывало основной принцип бюрократической иерархии — принцип карьеры, который гарантировал бюрократу продвижение по службе. Чиновников и директорат всё чаще раздражало отсутствие перемен. Накопление недовольства против стариков, занимавших вышестоящие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.

Первая («продовольственная») реформа Горбачева (1982)

Ни одна из идей руководителей перестройки не была оригинальной. Идеи осторожного сближения с Западом, гражданских прав и свобод были широко распространены в среде интеллектуальной элиты. Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и инициативы производителей — одна из составляющих конвергенции — своими корнями уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи Пражской весны и в реформы И.Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О.Шика, Я.Корнай, а в более широком смысле — в труды социалистов XIX в.

— П.Прудона, Л.Блана, М.Бакунина, Э.Бернштейна и других.

Освященный мифом о ленинском нэпе, который якобы был эффективной моделью сочетания большевизма с рыночной экономикой, «рыночный социализм» завоевывал политическое сознание нового поколения руководителей.

Пытаясь повысить уровень эффективности хозяйствования, высшее руководство страны уже с середины 1960-х гг. заимствовало суррогаты классического западного рынка, предвосхищая теорию конвергенции А.Сахарова.

Ключевым словом реформы 1965 г. стал хозрасчет. Предприятия должны были строить свои отношения с центром на основе показателя «прибыли». Но на практике отечественный рынок работал по иным законам, нежели западный; отсюда не те результаты, которых ожидали. «Прибыль» государственных предприятий не была рыночной и устанавливалась с помощью спускаемых вышестоящими организациями коэффициентов к натуральным показателям.

Формальное использование в 1965 г. хозрасчета значительного экономического результата, естественно, не дало. Однако показатели «прибыли» росли: действовали законы планового развития. В соответствии с ними всегда находилась возможность накручивать (завышать) показатели, по которым определяется эффективность труда, за счет постепенного роста цен на продукцию предприятий-монополистов. Таким образом, соединение монополизма и элементов западного рынка (пусть почти формальных) играло роль инфляционного фактора. Была еще одна «радикальная» мера (мечта аграрной элиты), которую взял на вооружение М.С.Горбачев еще в бытность первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Дело в том, что на земле территориальных «вотчин» функционировали многочисленные сельскохозяйственные предприятия, не подчиненные местному руководству. Между тем именно они производили конечную продукцию — тот самый «дефицит», который давал дополнительную власть и влияние. А их не прямое подчинение райкомам и сельскохозяйственным руководителям затрудняло получение находящегося под рукой «дефицита». Это обстоятельство усугубляло противостояние между местным партийным руководством и промышленными ведомствами.

«Помещикам» казалось, что предприятия смежников (прежде всего мясомолочной промышленности), почти не затрачивая усилий, получают баснословные прибыли, «наживаются» на труде крестьян. Среди сельскохозяйственных руководителей зрело требование подчинения им предприятий смежных отраслей. Это требование стало лейтмотивом аграрной программы Горбачева начиная с 1978 г.

Выполнение программы означало усиление позиций районной номенклатуры. Районные руководители давили на областное начальство, призывая его поддержать Горбачева. В итоге областные секретари, большинство которых традиционно были тесно связаны с сельской номенклатурой и противостояли министерствам, также симпатизировали курсу Горбачева.

Разумеется, эта симпатия не была достаточным условием для выдвижения Горбачева на высший государственный пост. Но он продемонстрировал консерваторам и пуританам, что может находить общий язык с подведомственной группой и знает, как исправить положение дел в сельском хозяйстве (это особенно

импонировало Ю.Андропову, склонявшемуся к исправлению ситуации с помощью административных реформ).

В мае 1978 г., когда решался вопрос о заполнении вакансии секретаря ЦК по сельскому хозяйству, Горбачев направил в ЦК записку, в которой изложил свою аграрную программу. Этот документ целиком соответствовал интересам номенклатурных «помещиков»: Горбачев предлагал казавшиеся конкретными меры для преодоления эксплуатации сельского хозяйства промышленностью (неэквивалентного обмена).

Исходя из лукавой советской статистики, которая при всех убытках в итоге давала «прибыль», Горбачев утверждал: «Если брать в целом сельскохозяйственную отрасль и отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье и оказывающие производственные услуги сельскому хозяйству, а также обеспечивающие его средства производства, то весь агропромышленный комплекс оказывается рентабельным».

Эта фиктивная рентабельность дала Горбачеву основание поставить вопрос об очередном повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию за счет смежных промышленных отраслей: «Надо рассмотреть вопрос о возможности перераспределения прибылей в рамках самого агропромышленного комплекса».

Будущий лидер формулировал сокровенную мечту «помещиков» об «экспроприации экспроприаторов», об установлении своего контроля над сельскохозяйственной промышленностью (а значит, и дефицитной продукцией) и о заполнении финансовых прорех за счет смежников.

Борьба за объединение сельскохозяйственных предприятий под безусловным контролем местных и региональных партийных кланов стала смыслом политики Горбачева на посту секретаря ЦК в 1978—1982 гг. Нерешенность проблем, поставленных в его записке, позволяла объяснять ухудшение положения на «сельскохозяйственном фронте».

Урожай 1981—1982 гг. были необычайно скудными — 155—175 млн тонн зерна вместо 215—243 млн тонн по плану. Саму реформу назвали «Продовольственной программой», и вокруг ее принятия в первой половине 1982 г. развернулась нешуточная борьба.

Замысел Горбачева заключался в подчинении всех сельскохозяйственных предприятий единому суперведомству. Позднее он вспоминал: «Во главе АПК должен был стоять общесоюзный Агропромышленный комитет, но ключевая роль должна была принадлежать областным и районным объединениям, призванным собрать “под одной крышей” и колхозы, и совхозы, предприятия “Сельхозтехники”, молокозаводы, мясо- и птицекомбинаты, заводы по производству комбикормов и т.д. Предполагалось, что эти территориальные объединения получат достаточные полномочия, чтобы не испрашивать у Москвы разрешения на каждый свой шаг».

Таким образом, аграрная элита обретала зависимые от нее органы с широкой автономией, органы, которым подчинены перерабатывающие предприятия — производители «дефицита».

Сельскохозяйственный отдел ЦК, возглавляемый Горбачевым, организовал в

1981—1982 гг. кампанию в пользу агропромышленной реформы. Даже в предложениях Академии наук к проектам документов XXVI съезда КПСС значилось: «С целью улучшения снабжения населения продовольственными товарами образовать как единое целое агропромышленный комплекс отраслей и ведомств с единым аппаратом управления и плановыми органами».

Затем в ответ на публикацию в «Нашем современнике» статьи И.Васильева «Рассветное поле» 11 обкомов прислали в ЦК свои «отклики», в которых требовали интеграции агропромышленного комплекса. В итоге 20 августа 1981 г. Политбюро одобрило «Записку товарища Л.И.Брежнева по важнейшим проблемам развития сельского хозяйства», в которой предусматривалась разработка путей совершенствования управления АПК.

Ведомственные хозяйственники (прежде всего председатель Совета министров А.Тихонов, министр финансов В.Гарбузов, министр мясной и молочной промышленности А.Антонов) категорически воспротивились плану Горбачева, тем более, что он предполагал новое перераспределение ресурсов в пользу колхозов и совхозов. После многоходовой подковерной борьбы Брежнев склонился к компромиссу, который затем одобрил майский пленум ЦК 1982 г.

Горбачев мог чувствовать себя обиженным — ведь идея разгрома ведомств в документы не прошла. Но в остальном решения майского пленума 1982 г. с его «продовольственной программой» пропитаны идеями будущего первого последнего президента СССР.

В докладе Брежнева на пленуме предлагалось решить проблемы продовольственного дефицита путем объединения субъектов агропромышленного комплекса (АПК) под одной управленческо-планирующей «крышей». Брежнев заявил о создании агропромышленных объединений на местах, а также агропромышленных комиссий с большими полномочиями в центре и в республиках. Эти структуры должны были координировать работу министерств.

«Основное значение придается районному звену», — подчеркнул генсек. Таким образом, «помещики» получали частичный контроль над небольшими агропромышленными предприятиями, которые переходили в двойное подчинение; министерства же подчинялись специальным комиссиям — параллельной агропромышленной власти. Это открывало новые возможности для сторонников Горбачева и значительно запутывало систему управления.

Горькой насмешкой звучали слова Брежнева: «Параллельно будет упрощаться и удешевляться аппарат, чтобы избавиться от излишних звеньев, обеспечить большую оперативность и эффективность управления». Именно эта идея сокращения и упрощения аппарата продолжала звучать в самой «продовольственной программе» и в изданных под нее постановлениях ЦК.

Эти, менее компромиссные, документы были составлены уже аппаратом Горбачева. Из них видно, что параллельная агропромышленная власть практически изолировала министерства от предприятий — чтобы в будущем отраслевые ведомства можно было легко ликвидировать. Сами агропромышленные объединения создавались из руководителей сельскохозяйственных предприятий и становились, таким образом, органами местных элит, представители которых хотя и заседали за одним столом с руководителями аграрной промышленности, но

составляли за любым из накрытых столов осязаемое большинство. Власть «помещиков» распространялась и на областные агропромышленные объединения (АПО), состоявшие из представителей объединений районных. Но далее цепочка обрывалась — агропромышленная комиссия создавалась Советом министров и министерствами, последние оказывались «зажатыми» между АПО и ЦК, но сохраняли самостоятельность.

Создать целостную систему Агропрома на этом этапе не удалось, и старая ведомственная структура сохранила часть полномочий по контролю за деятельностью АПО на стыке собственно сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Продовольственная программа представляла собой не просто компромисс между агропромышленными министерствами и аграрной верхушкой, которую возглавлял Горбачев. Этот документ был призван разрушить министерскую структуру в пользу аграрного лобби. Горбачев получил дополнительные рычаги для борьбы с влиянием ведомств, и равновесие между «помещиками» и «промышленниками» нарушилось в пользу первых.

Если отвлечься от конкретной ситуации начала 1980-х гг., то в этой первой реформе Горбачева можно заметить формирование основной стратегической линии будущей перестройки — ее антиведомственной направленности. Антиведомственность, проявлявшаяся поначалу спонтанно, затем стала стержнем антибюрократической революции 1980-х гг., в которой горбачевская группа в высшем руководстве страны оказалась в первых рядах. Поддержка Горбачевым региональных интересов против центральных также возымела далеко идущие последствия. В этом смысле события, связанные с принятием Продовольственной программы, имели важное политическое значение.

Вскоре после прихода к власти, в ноябре 1985 г., Горбачев создал Агропром. Эта «расплата по счетам» стала одной из первых реформ генсека. Однако по мере развития рыночных отношений административная перетряска, презрительно названная чиновниками «Агропогром», утратила смысл и сошла на нет.

Авторитарная модернизация Андропова

Если в 1978—1982 гг. в органах управления доминировали так называемые консерваторы, всё больше опиравшиеся на ведомственную группировку, то в 1982—1983 гг. власть перешла к пуританской коалиции, в которую входили и ведомственная, и аграрно-местническая группировки. Последняя была реформистской, что не афишировалось. Централизаторская политика пуритан, направленная против региональных консерваторов, только укрепляла позиции реформистов на местах.

22 ноября 1982 г., через несколько дней после избрания Ю. Андропова генеральным секретарем ЦК КПСС, на пленуме ЦК было объявлено «ускорение»: «Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... Напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов».

За счет чего Андропов рассчитывал осуществить «ускорение»? «Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных

интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество... Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины».

Подобные слова станут лейтмотивом правления Андропова.

Уровень предприятия Андропов считал пока оптимальным для экспериментов и реформ, о чем говорил на Политбюро. Так сложилась концепция авторитарной модернизации — консолидация элиты с вычищением консервативных и слишком коррумпированных кадров, усиление административной управляемости с опорой на репрессии плюс экономические эксперименты в локальном масштабе.

Подход к решению реальных проблем был заведомо уязвимым: законы микроэкономики и макроэкономики различны, и то, что хорошо показало себя на уровне предприятия, может привести к печальным последствиям в масштабе всего общества. Тем не менее этот курс проводился до 1986 г.

О направлении андроповской реформаторской мысли говорят основные социально-экономические преобразования того времени. 17 июня 1983 г. был принят Закон о трудовых коллективах. Им, коллективам, позволялось теперь участвовать в обсуждении планов, коллективных договоров, в определении принципов расходования фондов и оплаты труда.

Голос трудовых коллективов в большинстве случаев определялся как совещательный. Предполагалось, что в ходе обсуждений может проявляться инициатива людей, могут возникать новые продуктивные идеи (подобно тому, как в Японии это происходило при работе совещательных «кружков качества»). Однако конкретный механизм реализации совещательных прав коллективов не был отработан.

Закон гласил: «Полномочия трудовых коллективов осуществляются непосредственно общими собраниями (конференциями) трудовых коллективов, предприятий, учреждений, организаций». Понятно, что в условиях абсолютного господства администрации на предприятии конференция будет полностью находиться в руках директора, тем более что в перерывах между собраниями и конференциями полномочия коллектива поручалось реализовывать администрации, парткому, профкому и комсомольской организации. Таким образом, Закон о трудовых коллективах предоставлял дополнительные полномочия уже существующим на предприятии органам управления, не создавая институтов самоуправления.

Горбачев при обсуждении проекта закона на Политбюро осторожно высказался против него; не только ему, многим мертворожденность закона представлялась очевидной.

Принятое 14 июля 1983 г. постановление правительства «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» несколько расширяло права руководителей предприятий в расходовании фондов (прежде всего — фонда развития производства и фонда развития науки и техники) и усиливало зависимость зарплаты от реализации продукции.

Чтобы не рисковать, реформы решили сначала опробовать в широкомасштабном эксперименте. С 1 января 1984 г. на новые условия работы перевели министерства тяжелого и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности, а также республиканские министерства пищевой (Украина), легкой (Белоруссия) и местной (Литва) промышленности (всего около 700 предприятий, затем 1850 предприятий).

Здесь вводился частичный хозрасчет, некоторая самостоятельность в формировании планов, ограниченное число контрольных показателей; при этом (экспериментировать — так экспериментировать) сюда в приоритетном порядке направляли ресурсы.

Поступление средств в фонды предприятий ставилось в зависимость от выполнения ими контрольных нормативов. Предусматривалась дополнительная ответственность предприятий за выполнение договорных обязательств, но зато администрация получала широкую автономию внутри предприятия.

Горбачев принимал активное участие в разработке этих реформ, хотя не считал их достаточными. Став одним из ведущих идеологов в команде Андропова, он наряду с лозунгом «ускорения» внедрял новое слово, которое еще при Брежнев стал употреблять как бы между прочим, — перестройка. В 1983 г. подчиненный Горбачева министр сельского хозяйства В. Месяц впервые употребил это слово самостоятельно — как синоним происходящих в стране процессов.

Авторитарная модернизация после Андропова

После смерти Андропова его реформы не прекратились, но обострилась борьба за власть между потенциальными преемниками одряхлевшего генерального секретаря К. Черненко.

По мере углубления кризиса ведомственная и пуриганская группировки разлагались. В итоге к 1985 г. образовались две коалиции.

В первую входили консерваторы и часть ведомственных пуриган (прежде всего, высший эшелон группировки), а во вторую — реформисты, поддерживаемые местнической группировкой и вторым эшелоном ведомственников.

Основную силу обеих коалиций составляла партийная, военная и хозяйственная бюрократия, но при этом вторая группировка в большей степени пользовалась поддержкой аграрного и промышленного директората. На ее стороне были симпатии руководства КГБ и, в значительной степени, Министерства обороны. Лидерами первой группировки были Н. Тихонов и Г. Романов, лидером второй стал М. Горбачев.

К концу 1984 г. (уже в ходе андроповских реформ) были сформулированы основные стратегические направления преобразований: концепция ускорения и резервный вариант перестройки; главные задачи хозяйственной и аграрной реформ; ориентация на усиление местных кланов номенклатуры в противовес ведомственным; антимиитаризм и гибкость внешней политики; формула «нового мышления».

Была сформирована команда в Политбюро и высших партийно-государственных органах, способная начать преобразования. Действия правящей элиты, направленные против сращивания бюрократии с собственностью, лишь расширяли ряды сторонников «рыночных реформ». Дело оставалось за

малым: отбить притязания на власть ведомственного лобби и сменить кремлевских старцев у руля власти.

Придя 11 марта 1985 г. к власти, Горбачев обнародовал основные постулаты своего курса на апрельском пленуме ЦК 1985 г. По сути, это было продолжение андроповского курса ускорения, т.е. авторитарной модернизации: «Благодаря активной работе партии начиная с 1983 г., удалось подтянуть работу многих звеньев народного хозяйства и несколько улучшить обстановку». И далее: «Нужны революционные сдвиги — переход к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающих наивысшую эффективность».

Ясно, что это требовалось для модернизации экономики (и вооруженных сил). Модернизация мыслилась как ключевое звено экономического ускорения — замкнутый круг, выйти из которого можно было лишь путем структурных преобразований. В конце выступления Горбачев решился заявить: «Достигнут такой рубеж, когда от эксперимента надо переходить к созданию целостной системы хозяйствования и управления».

Эти реформы могли обрести масштабы, угрожающие благополучию бюрократии, ее стремлению к преобразованию власти в собственность. Однако антибюрократические положения в речи Горбачева на апрельском пленуме касались только хозяйственных ведомственных структур: «Пора ... ликвидировать излишние звенья, упростить аппарат, повысить его эффективность... Некоторые звенья управления превратились в помеху, стали тормозить движение. Нужно резко сократить число инструкций, положений, методик, которые подчас, своевольно толкуя решения партии и правительства, сковывают самостоятельность предприятий».

Горе побежденному. Поражение ведомственной группировки в борьбе за власть в первой половине 1980-х гг. и привело к тому, что реорганизации и сокращения предполагалось начать именно с промышленной бюрократии, с наступления на ее позиции — при поддержке партийного аппарата. Закрепляя поддержку местнической тенденции, Горбачев заявил, что «необходимо и дальше расширять права местных органов».

Много внимания в речи было уделено «активизации человеческого фактора»: предлагалось «как можно скорее вытаскивать общество из летаргии и равнодушия, включать в процесс перемен. В этом, — говорил Горбачев, — я видел гарантию успеха задуманной перестройки, об этом говорил на апрельском Пленуме, такую цель преследовали и мои поездки по стране».

Во многом это была еще фигура речи, авторитарный режим сохранялся, инакомыслящих арестовывали, институты обратной связи с обществом еще не сформировались. Однако само общество уже давно не было безгласным.

Недовольство условиями собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Ощущение, что «так жить нельзя», и ожидание перемен становились доминантой социальной психологии. Общество готово было поддержать перемены, но плохо представляло себе их формы и последствия.

Власть рядом с обществом

Доминирующими идейными течениями этого периода были официальный марксизм-ленинизм в его интернационалистической и державно-националистической разновидностях, почвенничество (как правило, тоже державное), либеральное западничество и «народничество» — неортодоксальный демократический социализм.

Сторонники этих направлений вступали друг с другом в разнообразные альянсы и конфликты на ниве культурной жизни, будь то литература, музыка, история, театр или кино, религиозная жизнь.

Официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но уже давно это не была борьба на уничтожение. Многократно критикуемые деятели культуры не отказывались от своих взглядов, но и не переходили в решающие атаки на режим, способные его изменить. Они пока лишь готовились к такому наступлению. Выстраивалась социальная инфраструктура будущих «партий» времен перестройки — патриоты и либералы окапывались в толстых журналах, народники изучали мыслителей прошлого и пели песни, западники писали в самиздат или делали партийно-государственную карьеру.

На основе слоя специалистов-интеллигентов (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — горизонтальных, независимых от государства связей как основы общественной активности. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные музыкальными пристрастиями, хобби, семейными и дружескими узами.

Крупнейшими общественными движениями того периода были экологическое, педагогическое, песенное и правозащитное; только последнее мыслило себя как открыто оппозиционное. Попытки небольших радикальных групп открыто вступать на путь правозащитной борьбы встречали противоречивый отклик в среде среднего класса — часто враждебный. Класс специалистов еще только начинал превращаться в основу гражданского общества, которое еще не сложилось.

Консервативный идейно-политический каркас системы не был рассчитан на новые индивидуальные запросы интеллигенции и в то же время не предполагал механизмов подавления инакомыслия путем широкомасштабных репрессий. В итоге всё больше людей утрачивали лояльность к режиму не в результате политической оппозиционности, а из-за неспособности системы подстроиться под новые творческие и «виртуальные» интересы граждан (будь то желание авторов «Метрополя» публиковать аполитичные произведения, любовь молодежи к нетрадиционной музыке или к яркой модной одежде). Противопоставляя себя неконтролируемому художественному творчеству, режим провоцировал средние слои на переход к творчеству социальному.

В то же время под давлением властей оппозиционное движение стало возвращаться к своим неформальным корням, а неформальное движение радикализироваться и эволюционировать к оппозиционности. К началу перестройки общественные движения имели смутные представления друг о друге. Тем не менее они контактировали и обменивались идеями. В них формировались многие чер-

ты, которые в дальнейшем способствовали структуризации и относительно солидных, и эфемерных политических объединений.

Важнейшей чертой этого процесса представляется структурная подвижность, противоречие между коллективной солидарностью и потребностью в индивидуальной самореализации, между общественными задачами и субкультурной замкнутостью.

Наличие разветвленных неформальных связей в обществе позволяло сложиться общественному мнению, почти сразу расцветившемуся всеми цветами идеологического спектра — от анархизма до нацизма и от социал-демократии до либерализма.

Либерально-западнический «анклав модернизации», консервативно-авторитарное почвенничество и антиавторитарный социализм вели между собой полемику и были готовы к схватке с правящей элитой — и за влияние на нее. Обществу уже в тот период был хотя бы понаслышке знаком идейный плюрализм; существовала — пусть и в зачаточном виде — независимая от государства социальная инфраструктура. Это делало централизаторскую альтернативу преобразований в СССР малоперспективной.

В России авторитаризация (в отличие от тоталитаризма и демократизации) могла пользоваться успехом лишь как действия по «наведению порядка», а не как долгосрочная стратегия. Общественное мнение советских граждан было в значительной степени известно руководителям СССР, хотя открыто проявлялось и нечасто. Попытки наступления на общественность в первой половине 1980-х гг. показали ограниченность возможностей власти: попробовав однажды самостоятельно обсуждать свои проблемы, люди уже не могли от этого отказаться. В целом общество противостояло идее централизаторской модернизации за счет «затягивания поясов». Эти настроения разделяла большая часть правящей элиты, что в итоге стало решающим фактором выбора ее лидеров.

Общественная среда России могла бы поддержать реформы, основанные на антиавторитарных и социальных ценностях. Реформистской группировке предстояло хотя бы в общих чертах разработать модель таких преобразований. В конкретных условиях первой половины 1980-х гг. «либералам» из правящей элиты не нужно было самим искать модель реформ. Концепции, обсуждавшиеся в неформальных кругах общественности, фокусировались и формулировались диссидентской средой, затем проникали в «либеральные» круги советников правящей элиты, а от них, в адаптированном виде, — к реформистам в правящей группе. Таким образом, общественность СССР, пусть косвенно, сыграла важную роль в том выборе, который был сделан в 1985 г.

Интересно, что каждое из течений получило от власти свои авансы. Одни — демократические жесты генсека, другие — антиалкогольную кампанию против «спаивания населения».

Сочетание таких факторов, как хрупкость и прочность системы (оба термина использованы более в металлургическом, чем в социологическом толковании) обрекало на неудачу попытку авторитарной модернизации 1979—1986 гг.

На первом этапе был важен не столько характер преобразований, сколько их интенсивность, достаточная для того, чтобы разрушить систему. Но как только

это разрушение началось, возникла проблема формирования альтернативных монополизму экономических и социальных структур.

Авторы преобразований 1979—1985 гг. исходили из прямо обратных посылок — осторожность реформ и ставка на уже существующие социально-экономические структуры. Поэтому до 1985—1986 гг. последствия всех изменений гасились системой, и структурный кризис продолжал углубляться. Значение этих реформ определяется не столько замыслами авторов, сколько самим дестабилизирующим воздействием на систему.

Наконец, в 1985 г. реформы основательно и экономически необратимо раскачали лодку режима. В этом отношении Андропов — предтеча перестройки, независимо от содержания его реформ. В свою очередь, Горбачев — последователь Андропова, вынужденно отказавшийся от наследия авторитарной модернизации.

Модель перестройки

К концу 1985 г. лидеры победившей коалиции осознали, что на следующем, XXVII съезде КПСС предстоит существенно дополнить концепцию авторитарной модернизации.

Съезд открылся 25 февраля 1986 г. Это был один из немногих случаев, когда съезда партии ждала вся страна. Очень многое в докладе Горбачева XXVII съезду было традиционно. Проклятия в адрес империализма, уверенность в победе коммунизма и даже хрущевское «догнать и перегнать», выраженное в описании невероятных рубежей, достижимых, по мнению составителей речи, к 2000 г. Говорить иное — значило сколотить против себя мощный оппозиционный блок ослабленных, но не добитых консерваторов и пуритан. Отступление от традиции на XXVII съезде было точно дозировано. Но каждый намек, каждый новый лозунг чутко улавливался. Потом именно эти фразы о «перестройке», «реформе» звучали в тысячах речей, толковались на множество ладов и даже — что совсем уж странно — воплощались в жизнь.

Идея ускорения по-прежнему являлась одной из ключевых в докладе Горбачева: «Что мы понимаем под ускорением?» — задавался вопросом вновь избранный генсек — и тут же отвечал: «Прежде всего: повышение темпов экономического роста. Но не только. Суть его — в новом качестве роста: всемерной интенсификации производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, эффективных форм управления, организации стимулирования труда». Повышение темпов — формула следующего этапа реформ.

Горбачев призывал создавать «очаги» экономической модернизации, которые позволят вытянуть остальную экономику за «решающее звено». Но что мешало сделать это раньше? Почему ни хозяйственники, ни инженеры, ни рабочие не стремились раньше «интенсифицировать», «внедрять»?

Горбачев призывал объединить усилия, обещая, что активизация усилий каждого поможет улучшить жизнь всех. Но как поднять отученных от инициативы людей на «трудовые свершения»? Ведь известно, что в СССР «инициатива наказуема»... «Советские люди должны в короткие сроки почувствовать результаты...»

Важнейшей задачей признавалась активизация интеллигенции, которую предполагалось заинтересовать с помощью ограниченной свободы слова (гласность). Но главное — создать стимулы для работы людей. «Все усилия по совершенствованию распределительных отношений окажутся малоэффективными, — констатировал Горбачев, — если мы не сумеем насытить рынок разнообразными товарами и услугами» (т.е. перейти от распределительной экономики к обществу потребления).

Горбачев ставил перед реформой следующие задачи:

— усилить эффективность централизованного руководства экономикой, производством и сбытом продукции;

— изменить роль центра в стратегическом планировании и ослабить вмешательство центральных органов в повседневный экономический процесс;

— установить прямую зависимость материального вознаграждения от эффективности труда;

— «перейти к экономическим [т.е. не административным, а финансовым] методам руководства на всех уровнях хозяйства, для чего перестроить материально-техническое снабжение, усовершенствовать систему ценообразования, финансирования и кредитования, выработать действенные противозатратные стимулы»;

— создать комплексы «взаимосвязанных отраслей, научно-технических межотраслевых центров, разнообразных форм хозяйственных объединений, территориально-производственных образований»;

— обеспечить «оптимальное сочетание отраслевого и территориального управления хозяйством, комплексное экономическое и социальное развитие республик и регионов, налаживание рациональных межотраслевых связей»;

— «осуществить всестороннюю демократизацию управления, повысить в нем роль трудовых коллективов, усилить контроль снизу, подотчетность и гласность в работе хозяйственных органов».

Это — контуры «нового социализма», результат конвергенции различных коммунистических и социалистических моделей.

Огромный потенциал СССР, как казалось, направляется на создание сбалансированной социально-экономической модели, благодаря которой работники свободно принимают хозяйственные решения в соответствии с производственными потребностями, коллективы взаимодействуют на демократическом рынке, центральные органы определяют стратегические приоритеты экономики и общественных потребностей. Общество может свободно обсуждать приоритеты центра, что позволяет снижать уровень издержек бюрократической замкнутости центральных органов, а со временем их демократизировать. Управление компактно — и опирается на саморегулирующиеся территориальные и отраслевые комплексы. Есть возможность хорошо заработать и получить на вырученные от собственного труда деньги полноценные качественные продукты и услуги...

В этой модели наличествуют, что сегодня очевидно, противоречия и будущие разочарования. Бюрократический социальный интерес центра и эгоистические интересы регионов и предприятий; отсутствие культурных предпосылок

для цивилизованного рынка, для использования правовых и экономических рычагов; абстрактное понимание демократии и самоуправления (формами политического самоуправления считаются партия и советы).

Решение всех этих проблем переносится в будущее, когда движение по пути реформ поставит их более четко и ясно. Но не будет ли тогда поздно?

Среди конкретных пунктов программы Горбачева, намеченных на самое ближайшее будущее, — некоторое упрощение центрального управления предприятиями (двухзвенная система), поддержка коллективных форм организации и стимулирования труда, хозяйственного подряда (без самоуправления это, конечно же, круговая порука), делегирование основной части функций оперативного управления предприятиям и объединениям.

«Госплан, другие экономические ведомства должны сосредоточиться на перспективных вопросах планирования». Очень абстрактное положение, тенденция, которая разовьется в будущем.

Вместо поиска «оптимального» сочетания планирования и рыночной самостоятельности предприятия будут шаг за шагом уходить ото всякого контроля со стороны плановых органов. Горбачев вдохновлял директоров на борьбу за самостоятельность от ведомств, критикуя последние за то, что те «не оставляют попыток ограничивать права предприятий». На деле права предприятий (т.е. директоров) пока ограничены лимитами на ресурсы.

Как только директора найдут прямой путь к ресурсам, центральный контроль будет утрачен. Но вскоре выяснится, что на пути между хозяевами ресурсов и их потребителями лишним звеном могут оказаться не только центральные органы, но и сами предприятия.

Конкретные реформы, предложенные Горбачевым XXVII съезду, несопоставимы по масштабу с грандиозными контурами общего переустройства социализма. У лидеров КПСС еще нет конкретного плана продвижения к заветной цели. Решительные шаги могут встретить не менее решительное сопротивление.

Еще одна мина под политику реформ: медленные темпы порождают нетерпение в обществе. Вскоре появятся подозрения — а желают ли руководители КПСС проводить реформы на практике — или реакционеры из руководства их просто саботируют? Может быть, Горбачев просто не знает, куда ему двигаться?

В любом случае это означает, что реформаторам надо помочь — надавить на реакционеров, подсказать следующий шаг. Давление снизу будет расти, а реформы перерастать в революцию.

После обещаний февраля 1986 г. наступила длительная пауза. Обратная связь между партией и народом не работала, энтузиазм, на который рассчитывал Горбачев, иссяк. На повестку дня вставала политическая реформа, допуск граждан к власти.

В январе 1987 г. Горбачев на пленуме ЦК обещал радикальную кадровую революцию и политические преобразования. В июне 1987 г. новый пленум и последовавшее за ним заседание Верховного совета приняли Закон о государственном предприятии. В 1986—1988 гг. были разрешены индивидуальная трудовая деятельность и кооперативы, которые скоро превратились в частные предпри-

ятия. В декабре 1986 г. власть прекратила уголовное преследование диссидентов. В 1987—1988 гг. сформировались или вышли из подполья десятки оппозиционных организаций. В 1988 г. были намечены контуры политической реформы.

Авторитарная модернизация сменилась либерализацией под давлением снизу. Но сам факт, что преобразования осуществлялись под давлением, лишал реформаторов инициативы.

Пауза, взятая реформаторами почти на год после съезда, сделала революцию неизбежной. Но и концепция реформ направляла страну в ту же сторону. Ключевая идея Горбачева — «новая нэп», переход к денежному рынку на макроэкономическом уровне при сохранении над ним эффективного государственного контроля. Горбачев предлагал распространить на всю экономику эксперимент, который уже в разных формах проводился со времен Андропова.

Новый генсек обращал внимание на спорность результатов этого эксперимента, но видел причины недостатков в ограниченности реформы. Рыночные отношения должны существенно потеснить ведомственную систему управления и одновременно проникнуть внутрь предприятия, дойти до каждого рабочего места. Прямые отношения между производствами в обход бюрократических структур должны были освободить трудовые коллективы от гнета и опеки.

Но Горбачев не смог создать механизм, препятствующий переводу государственной собственности, оказавшейся во владении директоров и других распорядителей, в фирмы, которые позднее создадут эти владельцы уже непосредственно для себя. Пока государство будет бороться с «несунами», распорядители собственности будут готовить «вынос» капитала государственных предприятий в непромышленную сферу частных кооперативов и банков.

Ожидавшийся итог расширения рыночных отношений и самоуправления — резкий рост эффективности производства. Горбачев надеялся, что работники отныне не будут разбазаривать ресурсы на «своих» предприятиях, будут трудиться не за страх, а за совесть, что управленцы будут искать все возможности для роста эффективности...

И в итоге появятся средства на вожделенную модернизацию, на новый экономический рывок: «Особенно тревожит то, что наиболее активная часть фондов — машины, оборудование, станки нередко простаивают или работают вполсилы. В машиностроении, например, металлорежущие станки используются немногим больше одной смены. В целом из-за неполной загрузки мощностей страна ежегодно не получает на миллиарды рублей промышленной продукции. Плановым и хозяйственным органам, коллективам предприятий необходимо сделать всё возможное, чтобы созданные мощности действовали на проектном уровне. Только в тяжелой промышленности это позволило бы почти удвоить темпы прироста продукции».

В докладе Горбачева съезду КПСС были сформулированы основные направления того курса, который начал проводиться. Несмотря на неизбежные при проведении любого курса корректировки, уже в 1986 г. были заложены все мины замедленного действия и основы освободительных прорывов будущих нескольких лет.

За этот доклад голосовали люди, которые позднее обвинят Горбачева в предательстве или непоследовательности. Эти обвинения несправедливы. Голосовавшие поддержали — искренне или лицемерно — именно ту перестройку, которую потом получили. Единогласно. И те, для кого свобода дороже стабильности, должны благодарить за первый шаг к сегодняшнему миру и этих будущих консерваторов-реакционеров.

Доклад Горбачева на XXVII съезде вызвал в стране поддержку. В нем было всё — и обещание реформ, и преемственность, и очищение, и ускорение, и прагматизм, и идеализм.

1986 год стал временем общенационального согласия: так жить нельзя, надо что-то делать. Как показал опыт последующих лет, такие компромиссы не выдерживают столкновения с практикой.

Модель грядущего социального устройства — всегда утопия или лишь элемент будущего. Из наших иллюзий и стремлений складываются будни следующего поколения. Конечно, лучше, когда социальный план реалистичен, непротиворечив и гуманен. Это снижает уровень издержек. Но случаи, когда план выполняется полностью, исключительны.

Результатом выбора альтернативы М.Горбачева стали кадровые чистки и антиведомственный курс 1985—1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее второго эшелона), демонтаж отраслевой системы управления экономикой и рост самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера.

Пуританская оппозиция быстро распалась — военных отстранили от участия в политике, в ущерб ВПК был декларирован курс на разоружение. На арену социально-политической жизни вышли мощные этнические, популистские и гражданские движения, на некоторое время была достигнута свобода слова и самоорганизации. Распался «социалистический лагерь», затем и созданная Лениным—Сталиным империя; мировая гегемония перешла к НАТО и к альянсу мусульманских стран.

В борьбе централизаторской и регионалистской альтернатив победила вторая. КПСС не удалось сохранить за собой монополию на общественную жизнь, и в конце 1980-х гг. ход событий скорректировали гражданские движения. Эти два фактора также имели немало деструктивных последствий, но при их оценке необходимо учитывать, что набор реальных альтернатив включал не только оптимум.

Реформы привели к реализации деструктивных тенденций (чего мог не заметить только уж слишком ненаблюдательный), но при этом создали условия для воплощения весьма значительного потенциала низового социального творчества. Значение такого творчества может быть оценено позднее, по мере проявления долгосрочных результатов этого процесса.

Острый структурный кризис советской модели был неизбежен и начался до прихода Горбачева к власти. При всех недостатках реформы, цели которой определялись интересами стоявшей за Горбачевым коалиции, преобразования нового лидера КПСС отличались известной гибкостью.

Синхронность протекавших в стране разрушительных процессов была на-

рушена регионализмом и невнятным «плюрализмом» курса Горбачева. Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население в условиях форсированной модернизации могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг.

В 1985—1986 гг. была пройдена отнюдь не последняя развилка в истории страны, и многие явления последующих лет — результат более поздних решений.

Был ли общественный идеал Горбачева негоден или он не осуществился из-за эффективного сопротивления противников? Был ли шанс исправить недостатки утопии по мере ее частичного воплощения?

От ответа на эти вопросы во многом зависит общая оценка перестройки. Горбачев получил немало времени. Его падение стало результатом длительного кризиса преобразований. Граждан волновали уже другие идеи, потому что за несколько лет они разочаровались в лидере, который взял на себя ответственность, но не приблизился к результату.

Его реформы перестали быть делом всех. Он ревниво оберегал свое детище от чужих рук, и новые лидеры стали бороться за свои реформы, отбросив старый план. Уступив демократии, Горбачев не стал демократом; он не смог привлечь страну к воплощению своего плана, он, возможно, слишком медленно искал путь. Но в реформах, как и в революции, промедление смерти подобно...

Текст 2

Е. Яснев. Виктор Ющенко – политический портрет.

В прошлом году украинский Кабмин в презентационных целях устроил массовую встречу журналистов с премьер-министром Виктором Ющенко и вице-премьером Юлией Тимошенко. В тот момент (осенью) правительство реформаторов остро нуждалось в поддержке СМИ. Журналисты донимали Ющенко и Тимошенко определенное время, а потом пресс-секретарь премьера Наталья Зарудная сказала: "Последний вопрос. У Виктора Андреевича очень мало времени". И тут один из журналистов спросил нечто настолько специфически банковское, что у нормальных присутствующих уши просто в трубочку свернулись. Глаза Ющенко, тусклые и усталые, заблестели, и он разразился вдохновенным монологом на полчаса, не обращая внимания на отчаянные жесты Зарудной (портрет, детали). В этом - весь Ющенко.

Личное дело

Виктор Андреевич Ющенко родился 23 февраля 1954 года в селе Хоружевка Сумской области. Его отец был фронтовиком, прошел через немецкие

концлагеря, после войны работал в сельской школе преподавателем английского языка. Мать тоже была учителем, но со специализацией "физика и математика". Кроме Виктора, в семье рос старший брат Петр.

В 1970 году Ющенко поступил в Тернопольский финансово-экономический институт на специальность "Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве". Специальность он выбрал по настоянию отца, который сказал нечто типа: "Инженеров у нас хватает, пойдешь на экономический!" Виктор уступил после некоторого сопротивления - отца он уважал. Позже однокурсница Ющенко Мария Кулаец рассказывала, что Ющенко казался единственным "западнцем" в их группе - поскольку ездить на выходные в Сумщину было большой проблемой, Виктор оставался у однокурсников в тернопольских селах. Позже Ющенко признается, что именно это позволило ему по-настоящему ощутить себя украинцем. Именно в студенческие годы он увлекся альпинизмом, рисованием и фотографией.

После окончания вуза Ющенко работал заместителем главного бухгалтера колхоза в Ивано-Франковском районе. В 1975 году был призван в армию. Через год, демобилизовавшись, возвратился уже не на Западную Украину, а на родную Сумщину и идет работать экономистом в отделение Госбанка поселка Ульяновка Белопольского района. Следующее десятилетие - это время постепенного роста Ющенко до экономиста областного масштаба. В августе 1985 года его назначают заместителем начальника управления кредитования и финансирования колхозов, агропромышленных объединений Сумской области. В 1986 году Ющенко перемещается в Киев - заместителем начальника управления в украинское республиканское отделение Госбанка СССР.

В конце 70-х Ющенко женится. В 1981 году становится счастливым отцом - рождается дочь Виталина, в 1985 году к ней добавляется сын Андрей. В 90-х годах у Ющенко появилось еще двое дочерей от второго брака с Екатериной Чумаченко (кстати, гражданки США): София и Кристина. А в феврале 2000 года он стал дедом.

Почему Ющенко не стал президентом

Переломным и без всякого сарказма судьбоносным для Ющенко стал 1987 год. Он переходит на работу в Агропромбанк, который незадолго до того возглавил известный украинский финансист Вадим Гетьман. Этот энергичный руководитель поставил себе целью собрать под своим началом молодых, перспективных специалистов. В результате сформировалась команда, в которой видную роль играл Ющенко, возглавивший планово-экономическое управление. Был, кстати, среди "птенцов Гетьмана" и Игорь Митюков - нынешний министр финансов, которого попеременно считают то другом, то скрытым недругом Ющенко.

В январе 1989 года Ющенко становится заместителем председателя правления Агропромбанка, который в следующем году трансформируется в акционерный коммерческий агропромышленный банк "Украина". С апреля 1992 года Ющенко становится первым заместителем председателем правления, а поскольку почти тут же Гетьман возглавляет Нацбанк, Ющенко приходится, по сути, руководить всеми делами банка "Украина".

На фигуре Гетьмана следует остановиться подробнее, поскольку этот человек стал настоящим "крестным отцом" будущего премьера. Вадим Гетьман - человек в масштабах Украины действительно выдающийся. Для затравки упомянем, что его факсимильная подпись стоит на украинских банкнотах. Он слыл реформатором, причем радикальным, призывал к максимальной либерализации в вопросах собственности, именно благодаря ему Украина получила современную банковскую систему, хотя и не лишенную традиционных постсоветских родовых пятен. Поскольку его экономическая философия шла вразрез с утверждавшимися в стране методами "дикой" приватизации, недоброжелателей у него было предостаточно. Гетьмана несколько раз обвиняли в крупных финансовых махинациях, однако до самой смерти он оставался уважаемым и могущественным участником политического бомонда. Гетьман был председателем правления Национального банка Украины, лидером парламентской фракции "Независимые", а в последнее время занимал пост председателя биржевого комитета Украинской межбанковской валютной биржи.

При всех его реформаторских позовах, Гетьман отнюдь не был законченным романтиком. Его прагматизма всегда хватало на трезвую оценку момента. К тому времени, о котором у нас идет речь, окончательно стало ясно, что не за горами - тотальное перераспределение собственности, доставшейся Украине в наследство от Советского Союза. Гетьман одним из первых понял, что в действительности будет происходить, и фактически предложил цивилизованные механизмы перехода к новым экономическим реалиям. Осознавая, что в одиночку он не сможет влиять на ход событий, он формирует вокруг себя преданное окружение, фактически - один из первых на Украине кланов, финансовый. Несколько радикальный подход к решению проблем и определенный романтизм в сочетании с максимализмом стоил Гетьману поста - в январе 1993 года он подает в отставку с поста главы НБУ. В качестве преемника он порекомендовал Ющенко, фамилия которого практически никому ни о чем не говорила. Вероятно, именно эта позитивная неизвестность помогла молодому экономисту с первого захода получить "добро" парламентариев и стать первым банкиром страны...

Ющенко целиком и полностью был человеком Гетьмана. Можно понять его ощущения, когда весной 1998 года Гетьман был расстрелян наемным убийцей в лифте собственного дома. Приближались президентские выборы, и аналитики тут же связали гибель украинского финансиста с предстоящей дракой за высшее кресло в стране. Поскольку при упоминании Гетьмана обычно всплы-

вала фамилия Ющенко, были основания посчитать убийство этаким конкретным намеком Виктору Андреевичу. Вскоре Ющенко испытал еще один удар: в автокатастрофе погиб Александр Веселовский, еще один представитель "клана Гетьмана".

Между прочим, существовала версия "руки Москвы" в убийстве Гетьмана. Вот что об этом писало "Совершенно секретно": "К 1997 году Вадим Гетьман стал одним из самых влиятельных людей в стране. Его средства, лоббистские структуры и его воспитанники в госструктуре сделали его почти недостижимым для оппонентов. Сам Гетьман вел подчеркнуто скромный образ жизни, не имел дач и резиденций, не сорил деньгами. Его не интересовала слава. Он всегда предпочитал оставаться в тени. В политике Гетьман зарекомендовал себя человеком, последовательно отстаивающим курс на уменьшение зависимости Украины от России... Впрочем, как мы узнали, украинские следователи рассматривают и эту, если так можно выразиться, "русскую" версию покушения на банкира. Тем более что так совпало, что после гибели Гетьмана на Украину широким потоком полились российские капиталы".

Гетьман и его "финансовый клан" контролировали финансовую систему Украины и, в какой-то мере, транзитные финансовые потоки. Это не могло не раздражать их противников. К тому же у Гетьмана и Ющенко была завидная репутация. Они имели очень серьезные шансы на президентских выборах. Они двигались к этой цели загодя: еще с 1997 года в прессе начала муссироваться тема: "Украине нужен молодой президент Ющенко". При этом следует иметь в виду, что Ющенко всегда дистанцировался от "чистой политики". Лишь однажды он в ней замарался - в 1996 году стал членом только что образованной пропрезидентской Народно-демократической партии. Однако уже через год приостановил членство в ней, заявив, что политика и руководство НБУ несовместимы. Он, конечно, мог не захотеть брать на себя тяжкое бремя управления государством. Однако, как отмечал видный украинский политолог Вячеслав Пиховшек, в него столько было вложено, что его нежелание уже никого не интересовало. Ющенко предстояло отрабатывать вложения.

Но отработать их после смерти Гетьмана он не смог - или не захотел.

А дальше последовал международный скандал, связанный с размещением Нацбанком в 97-98 годах на Кипре части средств, предоставленных ему Международным Валютным Фондом. Парламентские слушания по этому делу происходили в мае 1999 года, перед самым началом официальной кампании по выборам президента Украины. Обвинения в адрес Ющенко не привели к его отставке, но, по мнению экспертов, такой исход и не планировался. Главным было довести самого Ющенко до нужного психологического состояния, указать ему его настоящее место в предстоящей кампании по выборам президента. Несмотря на то, что глава НБУ огрызался, утверждал, что ни одного бесчестного человека в возглавляемой им структуре нет, было видно, что он дерется из по-

следних сил. В конце концов, он выступил с недвусмысленным заявлением о том, что не собирается баллотироваться на пост президента.

Почему Ющенко стал премьером

В должности руководителя Национального банка Украины Ющенко проработал почти семь лет. К его деятельности на этом посту можно относиться по-разному. Если принять точку зрения его доброжелателей, которая (впрочем, как и противоположная) опирается на факты, можно сказать следующее. Ющенко спас Украину от гиперинфляции, построил валютный рынок, не допустил банковских кризисов. Обвал гривны в августе 1998 года был вызван как раз тем, против чего Ющенко категорически возражал - облигациями внутреннего государственного займа, неконтролируемым приходом на Украину нерезидентов. Однако то, что Украине удалось выйти из этого кризиса без особых потерь, гораздо мягче, чем России - заслуга Нацбанка, и, прежде всего Ющенко, который в те тревожные дни заставлял своих подчиненных работать до седьмого пота. Парадоксально, но за жесткую монетарную политику вывода финансовой системы из кризиса он был жестоко раскритикован президентом Кучмой. Кстати, именно украинский президент всегда озвучивал критическую оценку работ главы НБУ. И главным моментом этой критики был недостаток социального начала. То есть Ющенко так или иначе упрекали в том, что он не думает о рядовом украинце и за своими финансовыми схемами просто не видит, чем живет страна.

Почему же все-таки Леонид Кучма согласился сделать Ющенко премьером? Если совсем коротко, то к концу 1999 года сложилась ситуация, в которой фигура Ющенко в качестве премьера устраивала очень многих - президента, МВФ, олигархов, значительную часть депутатского корпуса. По большому счету, против были только левые.

Следует учесть еще одно обстоятельство. В 1999 году, когда Ющенко остро нуждался в поддержке кого-то из крупных фигур, он получил ее из рук одного из виднейших украинских олигархов, на тот момент - ближайшего к президенту, Александра Волкова. Правда, условия помощи были довольно суровыми (под контроль "империи Волкова" перешла, в сущности, часть "империи Гетьмана"). Но в тот момент игра стоила свеч. Волков сыграл грандиозную роль в победе Леонида Кучмы. Протянутая им рука значила для всех очень много.

Ну и, наконец, нельзя забывать о любви к Ющенко Запада. Именно к концу 1999 года активизировались разговоры о том, что Украину в ближайшем будущем ожидает дефолт, потому что рассчитаться по долгам она не сможет. Разговоры эти имели своим источником западные организации и СМИ и были с удовольствием подхвачены на Украине. И сопровождались они неременной оговоркой: единственным человеком, способным предотвратить дефолт, явля-

ется Ющенко. Тем самым, президенту Кучме делался элегантный намек, который тот понял правильно.

Назначение Ющенко многими было воспринято как тонкий маневр Леонида Кучмы: президент, рассуждали они, видит в лице премьера-западника своего рода отмычку к сейфам западных кредитных организаций. Кроме того, он мог стать своего рода индикатором "нового курса" Кучмы после выборов - в отличие от прежнего, ориентированного на реформы.

Здесь же уместно вспомнить о жене Ющенко, о его второй жене - Екатерине Чумаченко. По слухам, прочно бытующим на Украине, ее родители покинули родину в обозе оккупантов в годы Великой Отечественной войны. Образование она получила в Чикагском университете, а диссертацию защищала в Джорджтаунском университете в Вашингтоне. Источники, недолголюбивающие Ющенко, распространяют информацию о том, что она работала в различных общественных организациях и правительственных учреждениях, так или иначе связанных с американскими спецслужбами, а также секретарем в администрации Джорджа Буша старшего. На Украине она с 1992 года. Поначалу занималась в Киеве отбором кадров среди политических и общественных деятелей, в том числе и членов Верховной Рады Украины, и направляла их на стажировку в США...

Ющенко и олигархи

После того, как скандал с "кассетами майора Мельниченко" плавно перетек в глубокий политический кризис, тут же была запущена версия о том, что все это было затеяно, чтобы обеспечить восхождение Ющенко к посту главы государства. Логическая цепочка в основании этой версии лежала следующая: скандал приводит к падению Кучмы (в декабре такой исход казался все более реальным) - согласно Конституции Украины, исполняющим обязанности президента становится премьер-министр - на середину 2001 года назначаются внеочередные президентские выборы - поскольку группировка олигархов, близких к Кучме, не имеет яркой раскрученной личности, за столь короткий срок у нее нет никаких шансов подготовить боеспособного претендента - Ющенко, как единственный "раскрученный", без всякого труда побеждает на выборах.

Группировка олигархов, близких к Леониду Кучме, крайне неоднородна. Это Александр Волков, известный своим топорным стилем решения проблем, как в политике, так и в экономике. Это старинные друзья-партнеры Григорий Суркис и Виктор Медведчук, действующие куда более изощренно и потому результативно. Это Виктор Пинчук, зять президента, не роняющий слов просто так, не выставляющий себя напоказ. К нему примыкает Андрей Деркач, сын теперь уже отставного главы СБУ, которого, впрочем, лишь с большой натяжкой можно считать олигархом. Весь этот пестрый конгломерат людей объединяет одно: в случае прихода к власти Виктора Ющенко, их благополучию наступал

бы полный конец. И по мере разгорания "кассетного" скандала становилось ясно, что олигархи должны любой ценой погасить это пламя.

Необходимо учитывать, что интересы Ющенко разошлись с интересами упомянутых олигархов прежде всего благодаря Юлии Тимошенко. Она по сути своей - тоже полноценный олигарх. Однако она мыслит в одной плоскости с Ющенко. При этом ее цели и задачи совершенно конкретно задевают стремления "президентских" олигархов. Ющенко-премьер не мог обойтись без Тимошенко - но благодаря ей он встал в жесткую оппозицию к целой компании сильных мира сего. И если с Медведчуком и Суркисом Ющенко враждовал как бы "по традиции", то его отдаление от Волкова произошло именно благодаря Юлии Тимошенко, которая, по большому счету, просто мстила волковскому ставленнику Игорю Бакаю, главе НАК "Нефтегаз Украины", который в 1998 году почти полностью вытеснил ее с газового рынка. Что получило правительство? Получило оно объединение олигархов, интересы которых совсем не идентичны, а в лучшем случае параллельны. Получило мощнейшего противника. В первой половине прошлого года активно поговаривали даже насчет объединения СДПУ(о) - партии Медведчука-Суркиса и волковского "Демократического союза". До этого не дошло, но сотрудничество кланов - факт состоявшийся.

Олигархи имели прочные подпорки в лице чиновников разного уровня. Прежде всего, как ни обидно для Ющенко - членов его правительства. Речь идет о силовых министрах, которых целиком и полностью контролировал президент. Помимо того, в "экономическом блоке" Кабмина всегда были ярые оппоненты Ющенко, выражавшие интересы его противников. Это - министры ТЭК Сергей Тулуб и Сергей Ермилов, а также отчасти министр экономики Василий Роговой, прямой ставленник президента. Сюда же мы отнесем не скрывающего президентских амбиций руководителя администрации президента Владимира Литвина, поддерживаемого министром внутренних дел Юрием Кравченко и главой Государственной налоговой администрации Николаем Азаровым. Последний, кстати, долгое время рассматривался как главный кандидат на почетное звание "следующего премьера". Над всей этой толпой незримо витает загадочная фигура Евгения Марчука, экс-премьера, экс-кандидата в президенты, ныне - главы Совета национальной безопасности и обороны. Этот человек одновременно лоббирует интересы России и Суркиса с Медведчуком (точки соприкосновения здесь находятся очень легко). Некоторые аналитики склонны полгать, что именно Марчук руководит подводными течениями "кассетного скандала". Так или иначе, но одно явное достижение кризис ему уже принес: Службу безопасности Украины возглавил его явный ставленник Владимир Радченко.

Давление со стороны Марчука и Азарова Кабмин чувствовал всю вторую половину прошлого года. Ющенко угрожал уйти в отставку, если давление на него не прекратится. Марчук и Азаров обвиняли премьера в том, что Каби-

нет Министров предоставил парламенту фальсифицированные данные о взаиморасчетах предприятий ТЭК с поставщиками энергоносителей, бюджетом и внебюджетными фондами. Наезды Марчука и Азарова вполне могли быть инспирированы Кучмой, которому необходимо было иметь информацию, дискредитирующую работу Кабмина. В этом смысле Юлия Тимошенко была находкой для президентской команды, хотя в то же время она составляла и сильную сторону Кабмина Ющенко.

Продолжением этого противостояния стал знаменитый ультиматум Ющенко - 12 условий, переданных им президенту, от выполнения которых зависело его пребывание на посту премьера. Был ли ультиматум на самом деле, никто так и не подтвердил официально, однако вполне информированные источники полагают, что все-таки был. Тут же Ющенко дал интервью еженедельнику "Зеркало недели", в котором фактически обвинил президентское окружение в деструктивной деятельности, мешающей правительству нормально работать. Случилось это как раз накануне "кассетного скандала". В те же дни, находясь в Турции, Леонид Кучма прямым текстом обвинил Кабмин в предательстве национальных интересов (речь шла о политике в вопросах ТЭК). И через несколько дней лидер социалистов Александр Мороз выбросил в парламенте "бомбу" с записями майора Мельниченко, и всем сразу стало не до Ющенко. Поскольку в той ситуации именно премьер нуждался в спасении, все увидели в "кассетном скандале" руку Америки, для которой Ющенко традиционно считается "своим".

Но вернемся к пику "кассетного кризиса". Олигархи могли действовать либо грубо и решительно, как это вообще принято на Украине, либо тонко и кулуарно. По некоторым сведениям, поначалу был применен второй вариант: олигархи (или эмиссары олигархов) пытались вынудить Ющенко принять свои условия игры. Судя по всему, все это ни к чему не привело, потому что в конце февраля 2001 года они перешли в открытое наступление на Ющенко. Крестовый поход возглавил Виктор Медведчук, облеченный полномочиями вице-спикера Верховной Рады и потому имеющий основания делать всяческие судьбоносные заявления. Заметим между прочим, что еще в 1999 году, во время парламентских слушаний по делу НБУ, Медведчук обронил фразу: "Действия руководства Национального банка заслуживают оценки правоохранительных органов". Это был его первый откровенный "наезд" на Ющенко. 26 февраля 2001 г. он дал пресс-конференцию, на которой выдвинул премьер министру самый настоящий ультиматум: либо Ющенко превращает свой Кабинет в коалиционный, либо лишается поста. Конечно, отдельно взятый Медведчук не способен отправить в отставку премьера. Значит, раз он выступает с подобными угрозами (а Медведчук известен, как человек, не говорящий просто так), в парламенте наконец-то образовалась стойкая антикабминовская коалиция. 7 апреля Ющенко будут заслушивать в Верховной Раде по вопросу о выполнении правительственной программы, принятой год назад. Вот тогда-то, признав работу

правительства неудовлетворительной, премьера могут запросто отправить в отставку.

Но кто же составит антиправительственную коалицию? Ведь наличных парламентских сил, подвластных олигархам, недостаточно даже для принятия таких вопросов. Значит, им придется с кем-то блокироваться. Один из самых информированных украинских политологов Николай Томенко полагает, что Медведчук и Волков принципиально договорились о ситуативном союзе с коммунистами на следующих условиях: коммунистам отдается пост спикера, Медведчук становится премьером, Тигипко - первым вице-премьером. Фракция КПУ в Верховной Раде - самая многочисленная, ее поддержка практически гарантирует олигархам проведение любых выгодных им решений. А тут еще в прессу просочились сведения о том, что Медведчука с Волковым готова, при определенных условиях, поддержать фракция "Трудовая Украина" Виктора Пинчука. До последнего момента зять президента держался в стороне от всеобщего месива. Выжидательная позиция - это вообще его стиль. Однако определяться он умеет, и делает это, как правило, вовремя. У него есть козырной король - Сергей Тигипко, член нескольких правительств, в том числе и Ющенковского (ушел в отставку прошлой весной), известный банкир, которого сейчас многие прочат на роль премьера.

По сути, именно сейчас начинается предвыборная кампания. Имеются в виду выборы депутатов разных уровней, которые предстоят весной будущего года. И, конечно, пока еще далекие, но все равно неуклонно приближающиеся президентские выборы-2004. Основными ставками на которых вот уже года два упорно называются именно Ющенко и Медведчук.

Обо всем этом Ющенко должен знать, хотя бы потому, что об этом во всю трубят киевские газеты. Он понимает, что для него настает решающий момент. И он демонстрирует удивляющую многих готовность принять бой. Отвечая на выпад Медведчука, премьер обвинил его в дестабилизации политической ситуации. В устах всегда флегматичного Ющенко это звучит как обвинение в государственной измене.

В начале "кассетного скандала" Ющенко рассматривался как естественный лидер оппозиции. Он не взял на себя эту роль, регулярно демонстрируя лояльность президенту. В конце концов, после создания Форума национального спасения и отказа премьера сотрудничать с ФНС оппозиция громогласно поставила на нем крест. Но, хотя многим это кажется грандиозным минусом, Ющенко пока от своей сдержанности только выигрывает. А политические силы, которым будет нужно поддержать политика с его данными, всегда найдутся. В этом свете анафема, которой покрыла Ющенко оппозиция, не имеет особых далеко идущих последствий.

"Кассетный скандал" не сделал Ющенко героем, но и не затронул его репутацию. Почему он не извлек дивидендов? Вновь, как и ранее, в критической ситуации Ющенко проявил то ли железную выдержку, то ли вопиющую нерешительность. Стиль Ющенко - это конкретная работа, зачастую - нудная и никому не заметная. По мнению известного украинского политолога Вячеслава Пиховшека, Ющенко катастрофически теряется, когда его извлекают из милой его сердцу экономико-финансовой среды и вынуждают оперировать понятиями политической интриги. Он инстинктивно противится этому и до последнего стремится уйти от суеты, всем своим видом как бы демонстрируя: "Оставьте меня в покое!"

Вообще, характером Создатель наградила Виктора Андреевича весьма затейливым. Принято считать его "слабаком". Вспоминают, что в НБУ все непростые решения принимали его заместители, а сам Ющенко только и делал, что "сглаживал углы". При этом в критических ситуациях он никогда не шарахался, что свойственно подавляющему большинству украинских политиков. Собственно, по большому счету, он - один из совсем немногих высших государственных лиц Украины, с кем можно хоть как-то ассоциировать понятие "морали". Отмечено, что Ющенко крайне редко и неохотно отдает на съедение верных ему людей и просто соратников. За них он может бороться до последнего, начисто опровергая репутацию хлипкой личности. Что касается жестких решений, то их он тоже может принимать, если обстоятельства припрут его к стенке. Однако старается всячески избегать крайностей. Судя по всему, основополагающая черта Ющенко - стремление понравиться всем, не прикладывая для этого каких-либо сверхусилий.

Ющенко и российский интерес

В России существует абсолютно верное представление о Ющенко как о человеке Запада. Именно поэтому считается, что он невыгоден России в качестве политика, определяющего судьбы Украины. Сейчас Россия и Запад тянут Украину каждый в свою сторону. В лице Леонида Кучмы нынешний Кремль имеет вполне удобного партнера, хоть и делающего иногда серьезные реверансы в сторону Запада, но никогда не способного окончательно порвать с Большим Братом. Если Ющенко будет оттеснен олигархами, эта тенденция станет на Украине подавляющей. При этом Украина на какое-то время вновь утратит надежду на "светлое будущее" хотя бы в отдаленной перспективе. Клановая экономика, которой Ющенко противостоял весьма активно в союзе с Юлией Тимошенко, с лихвой вернет себе утраченные было позиции. "Красные" партнеры олигархов в парламенте (если такой союз все-таки состоится) не смогут помешать этой тенденции, даже если очень сильно захотят. А захотят ли они - это еще большой вопрос.

Чего ожидать России в случае победы западника Ющенко? Вступление Украины в НАТО? Вхождение в состав США 51 штатом? Нет и еще раз нет. Ни

один самый отъявленный западник не в состоянии переступить через сложившиеся экономические реалии. А они таковы, что сознательно разорвать связи с Россией может только полный идиот. Ющенко, при определенных странностях его характера, в слабоумии замечен не был. Напротив, он зарекомендовал себя как жесткий прагматик, способный, если надо, находить общий язык с российскими партнерами. Возможно, он окажется более неудобным собеседником для Путина и его команды, чем дружественно-аморфный Кучма. Например, Ющенко принадлежит знаменитая и многозначительная фраза о том, что "проблема энергетики может стоять Украине политической независимости". Но это совсем не проблема для Путина - российский президент имеет массу способов обломать любого украинского строптивца.

Давая интервью радиостанции "Эхо Москвы", на прямой вопрос - куда ориентирована Украина (на Запад или на Россию) - Ющенко ответил: "Не существует на самом деле в жизни такого выбора или/или... Если говорить о украино-российских отношениях, мне кажется, это каждому гражданину, члену правительства, понятно, что для Украины Россия - партнер номер один, с точки зрения стратегического партнерства, с точки зрения экономических отношений. Это наш партнер на экономическом рынке номер один". При этом, однако, Ющенко категорически возражает против обмена газовых долгов на украинскую собственность, в том числе - предприятия. Он полагает, и, наверное, не без оснований, что Украина тем самым поступится частью своей независимости. Однако и здесь не все так однозначно. Когда того требуют интересы дела (его дела!), он готов пустить российский бизнес на Украину. В прошлом году, например, он и Юлия Тимошенко очень даже поладили с Вагитом Алекперовым, благодаря чему ЛУКОЙЛ получил неслыханные привилегии на Украине. Точно так же, в угоду собственным стратегическим концепциям и с целью оттеснить недружественных олигархов, он дал добро на возвращение в Украину корпорации "Итера".

Серьезных проблем России Ющенко создать просто не в состоянии. Если он для кого-то и является источником опасности, то только для украинских олигархов, завязанных на нынешнем руководстве страны. Поддержав на недавних днепропетровских переговорах Кучму, Путин вольно или невольно поддержал и этих олигархов. Заинтересован ли президент России в кланово-банановой Украине? Вполне возможно, если считает, что в таком состоянии соседняя страна не таит в себе неожиданностей для России. Выгодно ли Путину та Украина, которую собирается строить Ющенко? Теоретически может быть, поскольку здоровая украинская экономика принесет России больше выгоды, чем нынешняя анемичная. Такая Украина сможет регулярно рассчитываться с Москвой по долгам. Практически же кремлевские стратеги могут считать такую Украину не более достижимой, чем Город Солнца господина Кампанеллы. Лелеять химеры - вовсе не в духе нынешнего российского руководства. С другой стороны, Ющенко все-таки совсем не рыцарь печального образа. Он не воюет в одиночку. За ним стоят вполне определенные финансовые и политические си-

лы. При определенных раскладах он может оказаться победителем нынешнего украинского кризиса. И тогда России все равно придется иметь с ним дело. Только, если она своевременно не протянет ему руку помощи, в лице Виктора Андреевича она уж точно получит западного подпевалу.

По большому счету, если Россия не хочет потерять для себя Украину, ей сейчас необходимо поддерживать всех игроков на здешнем политическом поле. Возможно ли это? В нашем Королевстве Кривых Зеркал все возможно.

Текст 3

Петр Своик. Казахстан 1991-1999. Политический очерк.

Мой знакомый, человек вполне благополучный, после недавних парламентских выборов вдруг признался: “Уже три дня не сплю, не могу на жену и детей смотреть. Я понял: у нашего народа нет будущего!”

Вряд ли стоит торопиться со столь категорическими выводами, но одно сейчас очевидно: будущее Казахстана, даже ближайшее, просматривается как-то смутно. То, что Казахстан движется отнюдь не в сторону превращения в среднеазиатского “Барса-2030”, понятно всем - об этой амбициозной программе на 30 лет вперед ныне даже официоз предпочитает не напоминать. Однако куда он все-таки движется и, главное, куда его надо “двигать”, чтобы уйти от кризиса, этого, похоже, не знает никто, в первую очередь, сам властный режим.

С первых лет суверенитета способом существования властей, поддержания их собственного тонуса и некоей динамики общественных ожиданий было “ускорение и углубление рыночных реформ”. Вспоминая только основные вехи, перечислим купонно-ПИКовую, малую, массовую приватизации и “приватизацию по индивидуальным проектам”, жилищно-коммунальную реформу с отменой дотаций и созданием КСК (кооперативов собственников квартир), наделение крестьян земельными паями, перевод образования на платную основу, введение страховой медицины и, наконец, накопительную пенсионную реформу. И хотя практически все эти стратегические начинания властей были ими либо не реализованы, либо их реализация давала противоположный ожидаемому (ими же) результат, само выдвигание очередной крупной реформаторской задачи, а иногда и двух-трех сразу, соответствующие оргмероприятия в центре и на местах, спрос-отчет, информационное сопровождение в СМИ – все это создавало видимую, или мнимую, ситуацию движения к неким желанным целям и поддерживало (по крайней мере – в самих реформаторах) положительные ожидания, связанные с достижением этих целей.

Последние строчки в этот процесс перманентной перетряски социально-экономических основ вписал премьер Акежан Кажегельдин - в частности, мак-

ростабилизацией и оффшорной приватизацией. Приход Нурлана Балгимбаева ознаменовал конец периода реформаторства, правительство погрузилось в текучку, сосредоточившись уже не на нововведениях, а на попытках стабилизировать складывающуюся ситуацию. Именно такой характер действий властей лучше всего виден как раз на тех их немногих инициативах, которые были поданы как стратегические. Это – программы размещения еврооблигаций, приватизации “голубых фишек”, намерение продать госпакет акций “Тенгизшевройла”, бюджетный разделизм и новая промышленная политика Мухтара Аблязова. Как видно, здесь в задумке только получение любой ценой дополнительных денег, сброс не-решаемых бюджетных проблем из Центра на места и, наконец, повторение пройденного. К слову, ни одно из этих намерений правительства не было реализовано, что говорит о спаде потенций власти, а в более широком плане об окончании времени радикальных реформ и наступлении нового, стагнационного периода.

Самые свежие и убедительные подтверждения этот же вывод получил после назначения премьер-министром Касымжомарта Токаева и обнародования программы “нового” правительства на три года вперед. Впервые суверенный Казахстан получает программу не реформаторскую, а сугубо стабилизационную. А о том, что результатом исполнения этой программы может быть в лучшем случае фиксация нынешней стагнации, говорит ее исключительная декларативность – программа практически стерильна относительно той конкретики, с помощью которой правительство могло бы осуществить свои обещания заняться всем и все наладить.

Черту под реформационным периодом подвел и сам Президент Назарбаев, определив суть задач нового правительства как строительство посткризисной экономики. С чем можно согласиться в этой действительно новой для Казахстана терминологии – так это в том, что пора непрерывных кризисов, протекающих из реформаторской активности самой власти, действительно закончилась. Собственно говоря, все то, что в предыдущие годы значилось в качестве объектов реформирования, этому реформированию уже подверглось. Ни дополнительных объектов реформ, ни свежих реформаторских идей, ни новых исполнителей для них руководство страны уже не имеет.

Все, что в рамках созданной политико-экономической системы можно было заставить работать – работает, что должно было остановиться, развалиться, исчезнуть или измениться – с тем это уже произошло. Поэтому возникает движение по кругу, примером чему служат процессы, скажем, в “Казахстан Эйр”, когда доведенного до ручки национального авиаперевозчика пытаются реанимировать путем восстановления его в прежнем монопольном статусе, ликвидируя созданную с такими затратами времени и средств самостоятельность аэропортов и служб аэронавигации.

Впрочем, есть одна хотя и не новая, но отнюдь не исчерпанная экономическая идея, которую с полным основанием можно назвать стратегической для правительства – это тот или иной вариант экспортного нефтепровода. Однако это проект не экономический, а геополитический и при всей его (во многих смыслах) судьбоопределяющей для Казахстана значимости, на ближайшую экономическую ситуацию он мало влияет.

В этом смысле термин стагнация есть сущностное определение текущего экономического момента, своеобразным отражением которого стала, например, “стабилизация” национальной валюты. В самом деле, курс доллара в Казахстане вот уже несколько месяцев мало меняется - но не потому, что тенге крепок, а потому, что валютный, товарный и фондовые рынки заужены, мало между собой связаны, и в экономике вообще мало что происходит.

При этом собственно социально-экономические показатели, имея устойчивую отрицательную динамику, продолжают ухудшаться. Поэтому суммирующим определением нынешней и прогнозируемой на обозримое будущее экономической ситуации в Казахстане является стагнационная деградация.

Иллюстраций того, что Казахстан переживает не просто стагнацию, а именно ее деградационный вариант, более чем достаточно. Скажем, само то некоторое улучшение экономической ситуации во второй половине текущего года, которое дало правительству основания для “осторожного оптимизма” и объявления “посткризисного” периода, определилось факторами временными и не зависящими от действий собственно властей: исключительно благоприятными погодными условиями, позволившими собрать хороший урожай, и уникальным ростом мировых цен на экспортное сырье, прежде всего – на нефть. Но даже эти счастливые обстоятельства привели не к появлению положительной динамики в экономике, а всего лишь к замедлению спада. Так, реального роста годового ВВП ожидать все же не приходится; исполнение доходной части бюджета, при заметном улучшении против начала года, так и отстает от планов самого правительства; долги пенсионерам сохраняются. Здесь нелишне сопоставление с Россией, где сходные обстоятельства (плюс внутреннее “нечто”, о чем разговор особый) дали около 7 процентов роста производства, позволили “сверхпланово” профинансировать чеченскую кампанию и начать индексацию пенсий.

Наконец, мы можем привести и более системное соображение в пользу утверждения об устойчиво деградационном характере развития ситуации в республике. Вообще говоря, расхожий термин – кризис, - определяющий уже более десяти лет терминологию всех правительств, СМИ и общественных деятелей республики, по существу не верен. Кризиса, как некоего отклонения от устойчивого хода событий, имеющего фазы отката, кульминации, стабилизации и нового развития - в Казахстане не было и нет. Если обратиться к наиболее важным показателям, системно характеризующим комплексную динамику со-

стояния государства и самочувствия его граждан, как то: ВВП, инвестиции, бюджетные пропорции, экспорт-импорт, урожайность и продовольственная безопасность, душевые доходы и потребительская корзина, миграция, смертность, рождаемость и продолжительность жизни, качество природной среды, образования и здравоохранения, - то нетрудно убедиться, что в основном они изменяются отнюдь не кризисно, а вполне поступательно, устойчиво и взаимосвязано. А именно – системно ухудшаются.

Коль это так, очень важно оценить (хотя бы качественно) – как далеко на наклонной плоскости, по которой государство Казахстан “сползает” вниз, находится пологий участок, по достижении которого системная деградация могла бы смениться объективной стабилизацией. Достаточен ли новый пониженный уровень системной стабилизации для сохранения внутренней и внешней устойчивости государства Казахстан? И, наконец - есть ли объективные предпосылки к тому, чтобы на базе новой стабилизации начался процесс устойчивого развития?

Здесь мы не претендуем на развернутый ответ на эти вопросы. Для начала, убежден автор, вопросы в такой плоскости необходимо хотя бы задать, поскольку подавляющая часть официоза, оппозиции, СМИ и общественно активного населения пребывает в убеждении, что кризис уже закончился или так или иначе закончится, ресурсов у Казахстана достаточно, и мы, само собой, начнем подтягиваться к уровню развитых стран.

Ограничимся только общим замечанием, что процесс социально-экономического “сползания” Казахстана имеет, к сожалению, еще значительные “резервы”. Дело в том, что все годы суверенитета, включая и последнее время, Казахстан сводит материальные балансы за счет наращивания внутреннего и внешнего долга, а также “проедания” ресурсных (включая интеллектуально-образовательные) запасов, оставшихся от СССР. За счет приватизации, распродажи вооружений, вывоза оборудования, стратегических запасов, того же цветного металла и т. п., а также продолжения использования ранее построенной недвижимости и обученных в прежней стране кадров - то есть, за счет всего того, что уже не имеет воспроизводственной базы, республика сейчас покрывает, по нашей оценке, около четверти своих потребностей. Если оценить срок амортизации всех этих запасов в 25-30 лет (за тот же срок полностью сменится и кадровый ресурс), то до необходимости жить исключительно за счет собственного национального продукта остался еще резерв порядка 10-15 лет.

Между тем уже сегодня валовый внутренний продукт на душу населения опустился ниже черты 1000 долларов в год, что переводит Казахстан в разряд весьма бедных стран. Это тем более драматично, если учесть такие объективно требующие повышенных ресурсных затрат особенности страны, как огромные территории и засушливый резкоконтинентальный климат. Поэтому нехватка средств на поддержание в сколько-нибудь приличном состоянии

оставшихся от СССР автомобильных дорог, ухудшение состояния железнодорожного транспорта, деградация городских коммунальных систем и сельскохозяйственных земель, хроническая неспособность государства исполнять свои, даже в нынешнем крайне “минимизированном” виде, социальные обязательства перед населением – все это совершенно объективно.

Здесь кстати сослаться на выводы эксперта консалтинговой фирмы “Токрау-project” В.Арабкина (“Газета для босса”, №13 от 23.11.99), измерившего “алгеброй” статистики “гармонию” главной правительственной мелодии всех последних лет: о том, что развитие Казахстана невозможно без привлечения иностранных инвестиций, что в этом деле Казахстан – лидер в СНГ, что инвестиционный “климат” в республике – благоприятный, и что инвестиции дают большой эффект. То, что без зарубежных денег Казахстан уже не может существовать – это точно, но вот, согласно анализу В. Арабкина, динамика основного капитала Республики Казахстан, суммирующая инвестиции в него и амортизационный износ, имеет устойчиво отрицательный и при том весьма высокий темп. Так, с 1990 по 1999 год величина основного капитала упала со 174 млрд. долларов до 141, то есть сразу на 19 процентов. Характерно, что упомянутая статья так и озаглавлена: “Кризис будет усугубляться!”

Итак, сутью переживаемого Казахстаном момента является быстрое (можно сказать – катастрофически быстрое) уменьшение его общего цивилизационного потенциала. Инвестиционные возможности, даже с учетом иностранных вложений (улучшают или, напротив, ухудшают эти так называемые “иностранские инвестиции” результирующий производственный потенциал республики – отдельный вопрос), имеют хронически отрицательную величину – их недостаточно даже для поддержания простого воспроизводства. Если же учесть, что практически все отрасли, вопиющие о неотложной реанимации как с экономической, так и с социальной точки зрения (сельское хозяйство, легкая промышленность, машиностроение и т. д.), суть крайне инвестиционнотребительские, приходится делать вывод – они “неподъемны”.

Спрашивается: может ли обеспечить положительный инвестиционный перелом многолетняя и главная стратегическая надежда властей – экспортный нефтепровод? Ответ, по нашему убеждению, заведомо отрицательный. Если даже предположить самую благополучную развязку двух главных на сегодняшний день “неясностей” - наличие на Каспийском шельфе необходимых запасов нефти и выбор трассы, - то, повторим, даже в лучшем варианте чисто техническая стоимость любого варианта проекта нефтетранспорта из центра Евразийского континента к мировому океану слишком велика, чтобы рассчитывать на его инвестиционную отдачу. В самых идеальных условиях инвестор сможет возвращать после ввода трубопровода максимум 20-30 долларов с каждой тонны нефти, из которых Казахстану, как априори не имеющему возможностей участвовать в финансировании строительства, будет доставаться в лучшем случае несколько “баксов”. Представим опять-таки фантастически счастли-

ливый для Казахстана вариант – удвоение нынешней добычи уже через четыре года. Это – прибавка, в идеале, по миллиарду долларов в год, что соизмеримо, скажем, с одной только потребностью в ежегодном ремонте и нормальном содержании национальной дорожной сети, и не больше трети от того, что необходимо инвестировать только в простое сохранение основного капитала страны. Не говоря уже о вложениях в “подтягивание” всего Казахстана к современной цивилизации, оцениваемых величиной на порядок больше.

Из этого отнюдь не вытекает, что ставка на появление стратегического экспортного нефтепровода не обоснованна. Этот проект имеет как бы двойной смысл, что соответствует раздвоенности интересов власти, правящей сейчас страной и самим Казахстаном как государством.

Для монопольного политического режима, к тому же непосредственно контролирующего национальный нефтяной бизнес, все геополитические коллизии вокруг проблемы вывода каспийской нефти на мировой рынок – это, можно сказать, подарок судьбы. Хотя ни в одном варианте прокладки “стратегической трубы” роль Казахстана не является активной и решающей, без его участия ни один проект не обходится, что дает ему уникальные возможности быть “интересным” сразу многим великим державам, со всеми вытекающими отсюда политико-финансовыми дивидендами. Собственно, именно этим определяется сегодня “вес” Казахстана на международной арене, что даже более важно, чем конкретные деньги, которые правящий режим сможет получать после ввода стратегического нефтепровода. Но и эти будущие нефтедоллары, при всей их малости для инвестиционного возрождения национальной экономики, могут оказаться буквально спасительными с точки зрения укрепления основы авторитарного правления – нефтяной олигархии, силовых органов и бюрократического аппарата.

Как бы там ни сложилось с нефтяным экспортом, приходится делать вывод: планы правительства по поддержке внутреннего товарного производства и импортозамещению невыполнимы – как лишённые материальной основы. Единственное, что в таких условиях может “развиваться” и действительно относительно развивается, это “паразитирование” на имеющихся инвестиционных потоках – отвлечение их в сферу услуг и бытового потребления.

Здесь автор должен пояснить, почему свои “макроэкономические” рассуждения, тем более столь пессимистические, он не сопровождает подробной “цифрью”, рискуя получить обвинения в голословности, если не сознательном “очернительстве”.

Во-первых, экономическая и социальная статистика в современном Казахстане полузакрывается, зияет сплошь “белыми пятнами” и, сверх того, малодостоверна. Но дело даже не в этом, а в том, что состояние экономики, как сферы обитания людей, гораздо полнее чем любой арифметикой, описывается (и на-

прямую определяется!) настроением этих людей, их пониманием, если хотите, смысла жизни, субъективными оценками сегодняшнего положения и перспектив на будущее.

Так вот, общий градус настроений в сегодняшнем Казахстане – это, несомненно, неудовлетворенность настоящим и неуверенность в будущем, что соответствует тону настоящей статьи. Однако автор должен объяснить (начиная с самого себя) столь же несомненный факт довольно уверенного самочувствия основной массы представителей средней и крупной бизнес-элиты. Многие из состоявшихся предпринимателей удовлетворены своим нынешним положением и, по их оценкам, состояние их бизнеса с течением времени скорее улучшается, чем ухудшается. В самом деле, если проехаться, скажем, по Алматы, можно увидеть, что в центре, худо-бедно, появляются все новые торговые точки и современные офисы, а в предгорьях оживилось строительство дорогого жилья. И если судить по количеству престижных “иномарок” и коттеджей, богатых людей у нас довольно много.

На наш взгляд, это только подтверждает тезис об окончании периода перманентных реформ. Все так или иначе устоялось, включая некое равновесие (другой вопрос – надолго ли?) между неудовлетворенностью и тревогой одних и благополучием других. И, на фоне общего поступательного движения страны вниз “противотоком” идет процесс перераспределения ресурсов: из сел – в города, из “простых” городов – в столичные, от массы населения – к “отобранной” реформами “элите”.

Симметричную картину мы наблюдаем в политической сфере.

Теперь, по прошествии десяти лет отсутствия довлеющей роли московского Политбюро и фактической самостоятельности казахстанского руководства, уже есть возможность разглядеть общую логику перманентного политического реформирования в непрерывной череде “самороспусков” и “конституционных” роспусков Верховных Советов, референдумов по не предусмотренным в Конституции поводам и досрочных перевыборов высших властей. Кардинальные перетряски Основного Закона, аналогичные кардинальным трансформациям социально-экономических основ государства, были столь же непрерывны. Достаточно заметить, что начиная с 1990 года все без исключения выборы, продления полномочий и перевыборы (а это случалось уже четыре раза) президента - равно как и все выборы в высшие, региональные и местные представительные органы, - предварялись либо существенными поправками в действующую Конституцию (как правило, вносимыми с нарушениями ее же статей), либо полными заменами Основного Закона (опять же вопреки действующим на тот момент конституционным нормам).

Казалось бы, в отличие от экономического реформирования, трансформационный потенциал правящей системы в политической области пока не ис-

черпан. Важным “запасником” как для самой власти, так и для оппозиции является местное самоуправление, предусмотренное в последней Конституции (ст. 89), но пока никак не отраженное ни в законодательстве, ни в практических формах. Очевидно, именно в этом направлении, в частности на введении выборности акимов, будут происходить подвижки в ближайшие год-два.

Однако даже наличие коридора в сторону местного самоуправления не мешает нам сделать заключение о том, что в политической сфере Казахстан тоже уже пришел к ситуации стагнации. Во-первых, потому, что полноценное местное самоуправление есть институт, принципиально не совместимый с действующей на настоящий момент экономической и политической системой, а потому все возможные телодвижения власти в этом направлении (по крайней мере, предпринимаемые добровольно-инициативно, а не под давлением, о возможных вариантах которого речь пойдет ниже) будут ограничиваться полумерами симулятивно-декорационного характера. А во-вторых, и это главное, потому, что основные политические события, определяющие содержание действий и властей и оппозиции, как и общий градус общественных ожиданий двух последних лет, уже произошли. Следующие выборы Президента, если Конституция впредь не будет изменяться, состоятся только через семь лет. Сенаторов недавно выбрали на шесть лет, а членов нижней палаты Парламента – на пять.

Оговорку насчет Конституции мы сделали не случайно. Совершенно очевидно, что объективных предпосылок как для неизменности текста Основного Закона, так и фактической стабильности только что “обновленной” политической системы довольно мало. И не только на многолетние сроки новых мандатов, но и на ближайшие два-три года. Аргументацию под это утверждение мы приведем ниже - пока же отметим только такой многозначительный штрих: после президентских, парламентских и местных выборов 1999 года не заметно ни воодушевления победившей стороны, ни повышенного энтузиазма в обществе, столь характерных для начала нового политического цикла в любой стабильной демократической стране.

Если попытаться подыскать определение, суммирующее реакцию самих властей, СМИ и населения на политические события 1999 года, включая смену правительства, парламента и маслихатов, то лучше всего подходят слова вялая и быстро выдыхающаяся. Апатия, разочарование и тревожные ожидания – вот главные эмоциональные характеристики казахстанского общества на входе в следующее тысячелетие. Ощущения устойчивости, при всем том, что, казалось бы, все главное на годы вперед уже произошло, отнюдь не наблюдается.

Итак, экономический спад в Казахстане имеет потенциал углубления еще на достаточно большое число лет, в то время как запас идей у власти, равно как и социальной и эмоциональной устойчивости общества, похоже, близок к исчерпанию. Следовательно, дальнейший ход событий в республике, сохраняя

общую тенденцию монотонного увядания, будет все больше зависеть от появления, или отсутствия неких новых импульсов - внутренних и внешних, неожиданных или закономерных.

Но поскольку как сами эти новые импульсы, так и возможная реакция на них властей и казахстанского общества будут проистекать из нынешней действительности, как и сама эта действительность проистекает из того, чем был Казахстан и его население 10, 50, 100 и 1000 лет назад, в этом месте наших рассуждений есть смысл подробнее изложить взгляд автора на глубинные корни того, что он называет стагнационной деградацией.

Начнем с того, что современный Казахстан исторически – очень “молодое” образование. Границы, административное деление, города и населенные пункты, дороги и коммуникации, промышленные, культурные и жилые сооружения, этнический и социальный состав населения все это, за малым исключением, не выходит за возраст 60-70 лет. Причем процесс формирования экономической, социальной и культурной инфраструктуры проходил как бы “под наддувом”, материальным, интеллектуальным, идеологическим и кадровым, из метрополии. Разумеется, это было характерно не только для Казахстана, но именно для него – наиболее, можно сказать, определяюще, характерно.

Соответственно, после исчезновения СССР Казахстан быстрее, охотнее и полнее других оказался в привычной роли идущего за идеологическим и экономическим лидером, роль которого перешла к США. Одновременно, с прекращением советской “подкачки”, начался обратный “отток” того, что не успело укорениться на местной почве, и “увядание” той части экономической и культурной инфраструктуры, корни которой остались вне республики. В результате Казахстан оказался безусловным лидером в СНГ как по радикализму и темпам рыночных преобразований, так и по масштабам и скорости развала прежней производственной и культурно-образовательной базы.

Республика, объективной проблемой которой является “распластанность” географическая, оказалась в еще большей степени, если можно так выразиться, растянутой по разным историческим эпохам. Ни в одной другой части бывшего СССР так близко не соседствуют, скажем, процветающие банковские офисы совершенно западного образца, безнадежно опустошенные промышленные гиганты вместе с целыми городами-спутниками и люди, полностью погружившиеся в натуральное хозяйство и самовыживание.

Нигде не сошлась так близко географически и не разошлись столь далеко исторически, стили и уровни жизни, мировоззрения и нормы поведения нового класса администраторов и предпринимателей от власти и “простых” горожан. Что же до обитателей аулов и сел, то они откатились даже не просто в досоветское время, а буквально в безвременье.

Здесь к месту исторический экскурс. В конечном счете СССР развалил именно национальный вопрос, и, естественно, идея национального возрождения, самоопределения и национального лидерства стала ведущей во всех “национальных” республиках. Поэтому степень сохраненности досоветского исторического опыта и его неодинаковость для различных частей СССР явилась определяющим фактором разительно несхожих путей постсоветских республик. Скажем, Узбекистана и Таджикистана, Латвии и Молдовы.

Уникальность Казахстана в том, что в нем советскому периоду непосредственно предшествовал древнейший опыт кочевья - как способа хозяйствования и образа жизни, общественных отношений, этической и мировоззренческой системы. Естественно, что после краха советской историографии ее система оценок перевернулась на зеркально симметричные официализированные ценности номадической истории. И плюс к официальной идеологии нормы поведения той поры, а также, в значительном числе, и “живые носители” действительно вошли в систему власти, стали ее органической и ведущей (наряду с “прозападностью”, остаточной номенклатурностью и мафиозностью) силой.

Номады имеют древнейшую историю общемирового значения. Есть версия, что именно они породили феномен “осевой эпохи”, когда примерно за полтысячи лет до рождения Христа по всей срединной дуге Евразии, от Тихого до Атлантического океанов, “вдруг” родились сразу несколько великих мировых религий. Труднообъяснимый исторический факт: Лао Цзы и Конфуций, Будда, Заратуштра, Платон и Сократ, Соломон (Екклизиаст) и другие ветхозаветные пророки были почти современниками. Если это не промысел Бога Единого, то “дело рук” кочевников. Примерно в те же века в Великой Степи произошла вторая (после приручения лошади) техническая революция – на смену быстро окисляющимся бронзовым удилам пришли железные. Конь стал средством преодоления огромных расстояний и сыграл в истории мира ту же соединяющую роль, что каравелла в средние века и самолет в веке двадцатом.

У всякого Великого Всадника, сумевшего подавить внутреннюю конкуренцию, появлялась возможность концентрировать и быстро перемещать как угодно далеко такую массу воинов, против которой оказывались беззащитными любые города и государства. Видимо, в мистическом ужасе перед этой абсолютно непреодолимой физической силой первичные некочевые цивилизации, уже вполне освоившие оседлость цивилизационно-технически, но сформировавшие пока только зачатки нравственно-духовного сознания, вынуждены были срочно искать ответы культурно-философские, облаченные, разумеется, в религиозные формы. Что есть Добро и Зло, кто “Мы” и кто “иные” тогда произошло первое геополитическое идеологическое размежевание мира, в котором Кочевнику досталась роль “той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”.

В последующие две тысячи лет мало какая цивилизация обходилась без участия кочевников - достаточно вспомнить происхождение едва ли не всех ве-

ликих династий Китая, Индии, Средней Азии, Ближнего Востока, да и Европы. Слитную противоположность кочевых и оседлых миров можно уподобить соперничеству земных стихий и живой природы: ничто не может противостоять извержению вулкана, но чем яростней изливается лава, тем быстрее она образует новую твердь, на которой, удобренная умертвившим прежнюю живую плоть пеплом, расцветает новая жизнь. Так и каждая очередная номадическая империя, круша и подминая под себя всю достижимую всаднику Ойкумену, оставляла после себя все больше земледельческо-ремесленных цивилизаций и все меньше – пространства для кочевья.

В многовековых промежутках между Атиллой, Чингисханом и Хромым Тимуром кочевые и оседлые миры не столько враждовали, сколько взаимодействовали и взаимопроникали. Особо это касается Руси - как сплава обеих начал. Киевские и древнерусские княжества, позже Московское царство (вплоть до Ивана Грозного и, остаточно, Петра Великого) имели в немалой своей части тюркскую составляющую – генетическую, языковую, этнографическую и, главное, ментальную.

Последним Великим Завоевателем, вышедшим из кочевников, но ставшим Императором Оседлости был Тамерлан. К средним векам внешняя пассионарность номад иссякает, энергия обращается внутрь. Место лихих набегов на соседние народы занимает взаимная барымта, военные “разборки” ограничиваются жузовско-межродовыми.

Последняя война, оставившая в народной памяти заметный след и консолидировавшая казахов против внешнего врага – с джунгарами, была войной внутриномадической. Народы, ведущие сходный образ жизни, “подпираемые” с обеих сторон Китаем и Россией, вынуждены были истреблять друг друга в борьбе за сужаемое не их волей кочевое пространство.

Последние столетия уходящего тысячелетия оставили номадам только пассивные методы сохранения своих земель и образа жизни, под защитой климата и географии. Все то, что осваивалось земледельческими и военно-земледельческими образованиями по флангам Великой Степи, а также “линиями” или целыми анклавами внутри ее, уступалось без существенного сопротивления. Что, конечно, не могло не отложиться в памяти и характере народа.

Октябрь 1917-го катастрофическим образом ускорил крушение номадического мира. За каких то последующих страшных десять лет кочевье, как система жизнеобеспечения, была истреблена физически, вместе с половиной его носителей. Крушение было предопределено – ни “ниши”, в которой можно было бы переждать большевистский смерч, ни основы для организованного сопротивления не было.

Те же ментальные непротивление злу насилием и покорность перед властями мы наблюдаем и все последующие годы. Волнения в Темиртау 60-х го-

дов были устроены, в основном приезжим рабочим людом. Выходу молодежи на главную площадь в декабре 86-го “помогла” (это не откровение) тайная интрига республиканских руководителей. Единственные два заметных “волнения” уже в суверенные годы: марши горняков Кентау с двухмесячным противостоянием на канале перед Туркестаном и аналогичные акции жанатасцев с апофеозом перекрытия железнодорожной магистрали на станции Жамбыл – все это были “бунты на коленях”, где основным содержанием было “выбивание” долгов по зарплате, а намеки на политизацию требований использовались лишь как вспомогательный инструмент.

Те же Кентау и Жанатас сейчас наполовину обезлюдели - и ... ничего. Чтобы где-то прошли массовые общественные акции не по поводу задержки пенсий или, скажем, отключения газа, а из-за ущемления права на образование, здравоохранение, нормальную экологию, тем более, по поводу нарушения гражданских прав (тех же избирательных) – такое в современном Казахстане представить трудно.

Итак, безропотно погибнув хозяйственно, мир кочевья сохранился ментально – в памяти, взаимоотношениях между людьми, в бытовых привычках и нормативной этике. И у людей – носителей того мира - оставалось в новом мире только два выбора: либо, отказываясь от себя же, любой ценой “вписываться” в пришлую жизнь, делая своей новой натурой ее язык, культуру и идеологию, либо “консервироваться”, лишая себя и детей шансов на жизненный успех, как он стал пониматься. Само собой, общепринятым критерием “правильного” жизненного выбора стал переход в новую веру и образ жизни, в то время как родной язык и обычаи предков оставались уделом неудачников сельских “мамбетов”. Когда же после развала СССР и развенчания его идеологии лидерство перешло к идее возрождения национальной культуры, запасники ее оказались... у тех же аульных “мамбетов”. Такая вот беда и парадокс: возврат к истокам есть одновременно возврат к вторично-подражательному состоянию по отношению к современному миру.

Здесь я затрагиваю весьма болезненную тему, но, сознавая себя неотъемлемой частью этого контекста, считаю своим долгом все же сказать. То скрываемое подчас от самих себя подсознание собственной вторичности, с детства усвоенной привычки отказа от себя и “подделывания” под иной образ и суть обернулось сегодня реальной бедой для всего многонационального Казахстана, но прежде всего для самих казахов.

Открывать себя и страну для сурово-прагматичного международного рынка, не сформировав соответствующего современного самосознания, опираясь на дофеодальные стереотипы – это крайне опасно, разрушительно, просто катастрофично!

Можно, конечно, просто посмеяться над тем, как практически вся властная элита не удержалась от искушения обзавестись академическими званиями, стать, на худой конец, докторами престижных наук. Однако этот “реванш” неудовлетворенных желаний советского времени есть только вершина айсберга. Не забавен, а опасен реванш безродности, недообразования, нищеты и унижений, перенесенных в молодости. Отсюда – поражающий воображение размах властной роскоши, коррупции и правового беспредела.

Получил должность – подтяни соплеменников, есть деньги – присвой, завелись свои – потрать на огромный дом и дорогой автомобиль. С такими установками, а они повсеместно определяют жизнь в сегодняшнем нашем государстве, нечего и пытаться закрепиться в современной экономике.

Очень опасно для государства, что за все годы суверенитета не появилось ни одного безусловно положительного примера реализации национальной идеи. Хождение “младотюрков” во власть не состоялось, их стартовые капиталы, все знают, - через “агашек”, а их бизнес - спекуляции. Все, без исключения, сколько-нибудь работающие проекты “национальных менеджеров” – не ими созданы. “Казахойл” и “Темир жолы” – прямые наследия Миннефтегазпрома и Минжелтранса СССР, “KEGOK” – это остатки Казминэнерго, Госпродкорпорация – Казминхлебопродуктов и так далее. Сахарная, алкогольная и хлебопекарная промышленность Казахстана в более работоспособном, чем сейчас, виде существовали задолго до прихода новых хозяев. Инерция прошлой слаженности всех упомянутых структур, как и невозможность обойтись без их продукции таковы, что гораздо больше управленческого таланта требуется для их разрушения, нежели для того, чтобы просто пользоваться плодами пребывать во главе их.

Точно так же трудно найти примеры для подражания не в экономической, а в гуманитарной сфере, в области созидания человеческого духа, в науке, культуре, литературе. В политике, в конце концов ...

Зато много, угнетающе много, примеров обратного свойства, когда люди, наделенные правом рождения или собственными талантами обязанностью служить ориентирами для народа, демонстрировали образцы не гражданственности, бескорыстия и мужественности, а недостаток воли, эгоизм и приспособленчество.

Плата за это – огромна: коль страна и народ не имеют положительных образцов для подражания, не смогли создать ничего такого, чем можно было бы гордиться перед другими странами и народами, что стоило бы умножать и развивать, они теряют будущее.

Повторим: “независимый” Казахстан, погруженный в современный географический и исторический контекст и опирающийся исключительно на собственные – материальные и человеческие – ресурсы, объективно должен опус-

тошаться. Десять-двенадцать миллионов жителей, одна-две столицы с роскошными центрами, пять-шесть относительно благополучных областных городов, полтора-два десятка промышленных и две-три сотни сельских оазисов, немассовые и весьма посредственные образование и здравоохранение – это предел, остальное должно разрушиться, умереть, уехать или исчезнуть иным способом. Разумеется, если ситуация будет сохраняться такой, какова она сейчас.

Собственно, у Казахстана иного выбора просто не было, поскольку он, как ведомый по определению, не мог решающе влиять на ход событий во времена горбачевской перестройки и не он определял стратегическую линию “интеграции в мировую экономику” в суверенный период. Но вот наполнить эту внешне заданную оболочку “рыночных реформ” своим собственным смыслом – это руководство Казахстана (благодаря суверенитету!) могло, и оно это сделало!

Годы с 1991 по 1999-й по масштабу и глубине того, что произошло, можно назвать, без преувеличения, целой исторической эпохой – эпохой приватизации. В широком смысле этого определения – не только имущественной, производственной и финансовой, но и приватизации системы государственной власти и управления. Объективно, эта эпоха закончилась решением поставленной задачи, чем и определяется программное бесплодие правительства. В самом деле, как частное государство Казахстан уже выстроен, ничего, в принципиальном плане, переделывать, доделывать или кадрово переставлять не требуется. Напротив, всякое существенное изменение (скажем, ослабление управляемости избирательной системой, выборность акимов, усиление роли парламента, как и крупные подвижки среди главных собственников) чревато затруднениями в управлении таким частным государством, а то и вовсе дестабилизацией.

Поэтому, совершенно объективно, интерес правящей группы (а именно этот интерес определяет линию поведения правительства, акимов, парламента и всех правоохранительных органов) состоит в сохранении выстроенной системы. На всякие же демократические подвижки режим объективно податлив лишь настолько, насколько силен соответствующий нажим. Причем такие подвижки, если на них приходится идти, совершаются формально, с максимально возможным выхолащиванием содержания. Последний пример – выборы в “многопартийный” парламент.

Надо ли говорить, что консервативно-оборонительная позиция заведомо проигрывает позиции наступательной, и любой защитный бастион, рано или поздно, падет перед атакующими силами? Буде, таковые силы находятся...

Здесь автору, немало пострадавшему за демократические убеждения, но так при них и оставшемуся, приходится с горечью высказать мнение об иллю-

зорности надежд на демократические методы вывода Казахстана из нынешнего деградационного тупика.

Оппоненты Нурсултана Назарбаева, объявляющие его главным препятствием на пути к процветающему демократическому Казахстану, упрощают реальную ситуацию до искажения. Да, действующий Президент явился главным творцом частно-семейного государства, и именно он менее всего заинтересован в реальной демократизации, поскольку это есть самый прямой путь к прекращению его пребывания во главе государства. Однако возымей лично Нурсултан Назарбаев самое горячее желание сделать демократию основой дальнейшего существования государства Казахстан – получится ли? Задача не намного более реальная, чем знаменитый подвиг барона Мюнхгаузена по вытягиванию себя из болота за волосы. Впрочем, - как говаривал тот самый Мюнхгаузен в гениальном советском фильме, каждый нормальный человек хотя бы раз в жизни должен проделывать с собой такое...

“Заготовкой” для трансформации в демократическое государство был СССР, а Казахстан, как наиболее “податливая” и “подпитанная” его часть, – тем более. Да, СССР не был правовым государством: Закон в нем был слугой, а Конституция – декларацией. Но мы были страной подзаконных актов, страной инструкций, непреложно соблюдаемых и исполняемых. Нормопослушание было внедрено в систему власти и в общественное сознание, а потому был возможен переход от диктатуры инструкций к диктатуре Закона.

Да, в СССР не было гражданского общества, однако государство, как могло и понимало, активно опекало своих граждан - вплоть до парткомовской заботы о супружеской верности. Государственная власть и население были неразлучны, а потому был возможен переход от понятия “гражданин для власти” к “власть для гражданина”.

Наконец, в СССР не было основы современных демократий – массы имеющих собственность и достаток людей, т.е. среднего класса, и самоуправляющихся общественных организаций. Однако при массовом равенстве в бедности и тотальном партийном руководстве мы были по своему глубоко структурированным обществом с весьма неодинаковыми групповыми, классовыми, региональными, национальными и конфессиональными интересами и организациями, способными эти интересы выражать. Богатство – категория относительная и массовый средний класс в СССР уже состоялся – это техническая, гуманитарная и административная интеллигенция со стандартным набором: квартира, дача, машина. Этот класс и стал опорой перестройки, именно он активно включился в рыночные реформы, и именно с опорой на него возможен переход к управлению через демократическое представительство. Собственно говоря, в этом направлении, с искажениями и мучениями, движется сейчас Россия. В Казахстане же потенциал для такой трансформации подорван, если не вообще потерян.

С точки зрения правовой мы стали государством беззакония, в котором писанные нормы, даже конституционные, игнорируются всеми – высшими властями, правоохранительными органами и населением. В плане патернализма государство стало демонстративно ассоциальным, лозунг “заботься о себе сам” бытует вполне официально. Казахстанский средний класс оказался самой большой жертвой реформ: лишь меньшая его часть сумела как-то пристроиться при власти или переквалифицироваться на челночную торговлю, большинство эмигрировало либо люмпенизировалось. Казахское общество стало, так сказать, плоским: “элита”, “приспособившиеся” и “прочие”.

А поскольку природа человеческого сознания, как и физическая, не терпит пустоты, советские этические нормы, поведенческие и мировоззренческие установки, не будучи смененными правовым и гражданским сознанием, перемешались с иным материалом – из, казалось бы, давно ушедшего прошлого.

Сейчас цементом политических, экономических, социальных и даже просто бытовых отношений в Казахстане стал признак “свой - не свой”. Параметры, по которым “свои” отделяются от “других”, представляют некий коктейль из возрожденного трайбализма, старых партийно-номенклатурных и нынешних административных спаек, а также мафиозных повязанностей приватизационной эпохи. Пропорции могут сильно варьироваться, но неодинаковость, так сказать, гражданского веса людей, различающихся по национальности, родоплеменной принадлежности, социальному, имущественному и должностному статусу, присутствует практически всегда и везде. Именно таким “местным содержанием” наполняются все те, без исключения, новые формы, которые власти внедряют в ходе “рыночных реформ” и “поэтапной демократизации”.

Возьмем, например, тендеры. Еще несколько лет назад даже термин такой был неизвестен, а ныне конкурсные приватизации, госзакупки, госзаказы и господряды есть явление привычное, предписанное законами и подробно регламентируемое подзаконными актами. Но в том-то и суть, что еще ни один тендер в Казахстане не проходил именно как равное соревнование претендентов, и проведение такого соревнования невозможно в принципе, поскольку все, без исключения, действующие лица, включая зрителей, естественно погружены в мир таких понятий, как “крыша”, “откат”, “взятка”, “родственник” и т. п.

То же, скажем, в суде. По форме (если отвлечься от бедности судебной обстановки) – все “по-западному”, даже судья в мантии. Но опять-таки судья, прокурор, адвокат, эксперты, свидетели, истец и ответчик – все они живут в мире, где понятия “Закон” и “права человека” присутствуют лишь в качестве дополнения к “разводкам” по “верхним”, “своим” и “не своим” интересам.

Сколь бы ни были похожи формой институты “рыночной экономики” по-казахстански с копируемыми западными образцами, глубинная суть их – на уровне человеческого сознания, которое все и определяет, совершенно иная.

Если на Западе коррупция и нечестная конкуренция есть явления хотя и распространенные, но лежащие вне общепринятых стандартов поведения, то у нас нормальным считается именно неправовой образ мысли и деятельности. Тот, кто в Казахстане попытается действовать в расчете, скажем, на честный конкурс или независимый суд, может вызвать разные чувства – от сочувствия до восхищения, но нормальным такого человека никто уже не сочтет и серьезных дел с ним вести не будет.

Так и в представительных органах - от маслихатов до парламента. Казалось бы, на поверхности лежат причины серости нашего депутатского корпуса, услужливой вторичности перед исполнительными властями. Здесь и недостаточность конституционных правомочий, и “зарегулированность” избирательной системы. Вот, дескать, стоит добиться честного подсчета бюллетеней - да внести поправки в Конституцию, как демократия в Казахстане состоится. А проблема-то ведь намного глубже и драматичнее! Очевидная для всех искусственность казахстанского парламентаризма - это не только и не столько, акимовские фальсификации на выборах. Сами эти фальсификации тоже есть производное от общей глубинной причины, суть которой – отсутствие в сегодняшнем казахстанском обществе большей части того, на чем основывается демократия как система власти. Здесь мы имеем в виду не только недостаточность законодательной, организационной и материальной базы для создания общественных объединений и политических партий, на чем только и может базироваться общественное представительство во власти, и не только то, что нынешнее казахстанское общество слишком “плоское”, чтобы питать реальную многопартийность, а еще и нечто более глубинное – менталитет. Не только кандидатов-депутатов, но еще больше – избирателя.

Можно сказать, что между нами и тем обществом, степень гражданской зрелости которого уже способна генерировать работоспособную систему представительных властей, лежит дистанция в несколько исторических формаций, эволюционное преодоление которой требует огромного времени, чего у Казахстана нет.

Сейчас же у надежды, что путем одной только либерализации избирательной системы Казахстан может получить нормальный парламент и органы местной власти, примерно столько же оснований, как и у расчета на то, что наши машиностроительные заводы, освободи их только от налогов, сразу начнут выпускать современные автомобили и самолеты.

Ускорить преодоление исторического разрыва можно - такое в только что ушедшем от нас XX веке редко, но случалось. Но для этого необходима, во-первых, целенаправленная воля руководства, во-вторых, массивная ресурсная подпитка экономических, социальных и гражданских модернизаций. С ресурсами ясно – их нет. Достаточно указать, что практически все НПО Казахстана финансируются из-за рубежа. Сверни свою деятельность фонд “Сорос-

Казахстан” и фонд “Евразия” (читай – правительство США) и от правозащитных, информационных и гражданско-просветительских организаций мало что останется. Польза от деятельности этих спонсоров большая, но по сравнению с масштабом проблемы их помощь – распыленный по мелкотемью мизер. К тому же экспорт гражданского сознания, как показывает опыт развивающихся стран – дело не намного благодарное, чем экспорт революции.

Что же касается наличия или отсутствия политической воли руководства, то сейчас проблема “упирается” уже не в степень искренности заявлений Президента Назарбаева о приверженности демократии. Главная проблема в том, что к настоящему времени основная политическая и бизнес-элита после всех сепараций и “естественных” отборов приватизационного периода консолидирована тройной связкой: трайбализм, “патрон-клиент” и “компромат” друг на друга. И это – тройной железобетон против попыток демократизации власти в Казахстане, откуда бы, “сверху” или “снизу”, такие попытки не предпринимались бы. Без силовых развязок здесь, похоже, уже не обойдется.

Не стоит переоценивать и возможности казахстанского общества положительно воздействовать на режим. Да, массовое недовольство и протестные настроения уже преобладают и дальше нарастают, но в целом-то системная деградация касается всех сторон жизни государства Казахстан, поэтому созидательный потенциал оппозиции “выдыхается” точно так же, как и все прочее.

На наш взгляд, остался только один внутренний вопрос, способный “взбудоражить” общество, – национальный. Коль скоро семейственность и трайбализм являются важнейшими составляющими системы передела власти и собственности, все формы гражданского неравенства в нашем антисоциальном государстве имеют национальную окраску. Массовое же сознание легко подменяет глубинную причину внешним следствием. Собственно говоря, нынешнее “межнациональное согласие” обеспечивается сейчас не усилиями властей, а общенародным пониманием, что раскол по такой линии – это действительно опасно! Но коль скоро режим не может не эксплуатировать идею “национального государства”, ситуация в межнациональных отношениях не может не ухудшаться, что самим же режимом и признается в качестве главной угрозы внутренней стабильности.

Пожалуй, самое опасное на ближайшие годы в плане межнациональных отношений – это естественное выдыхание идеи строительства национального государства, в котором равноправие и благополучие всех должно было гарантироваться ведущей ролью самоопределившейся коренной нации. Эта идея активно работала в начале и до середины 90-х годов, имея тогда массу горячих сторонников, как и не менее горячих защитников альтернативной идеи гражданского общества. Сейчас общественные баталии на эту тему почти умерли, притом, что, собственно говоря, ни одна модель так и не была реализована. В последние год-два идея строительства процветающего национального государ-

ства вступила уже в стадию самоедства, освобождая идеологическое пространство для разочарования и противоположного реванша. Вот это – самое плохое, что может случиться в Казахстане!

Итак, внутри Казахстана мы не находим сейчас ничего такого, что могло бы за счет собственных ресурсов радикально положительно повлиять на нынешнюю деградиционную стагнацию. Зато все более повышается градус ожидания неких событий, обнадеживающих или пугающих, которые, если произойдут, выплеснут наружу подспудную энергию людского раздражения и энтузиазма. Кратким обзором возможных внешних толчков для таких событий мы и закончим эту нашу статью.

Главной и на сегодня даже единственной активной внешней силой для Казахстана являются США. Существуют две версии понимания политики нашего “стратегического партнера” в Средней Азии. Согласно одной, демократия для Америки – продукт внутреннего потребления, вовне они прагматично руководствуются двойными стандартами, в которых на первом месте – нефть и геополитика. Отсюда следует, что критика “недемократических” выборов в Казахстане так и останется фразеологией. По другой версии, демократия для США – это действительно прагматическая ценность, гарантирующая стабильность их отношений с международными партнерами. Этому, по крайней мере, научил опыт “неожиданных” потерь огромных денег, вложенных в разных друзей-диктаторов, вроде шаха Ирана.

Нет сомнений, США действительно желают демократизации в Казахстане, однако... они оказались в том же самом концептуальном тупике, что и наша власть. Дело в том, что внутренние программы, по которым в Казахстане проводились реформы, решали одновременно и сквозную стратегическую задачу США в Казахстане. Партнеры строили вместе, наконец, построили, и каждый получил то, к чему стремился: правящий режим – частно-семейное государство, США – демонтаж ядерных и биологических вооружений, отход от России и контроль над нефтью и основными финансами.

Конечно, американцы хотели бы иметь партнером некоррупцированный и демократический режим, но ведь и Президент Назарбаев искренне не желает, чтобы старики в его государстве рылись в мусорных контейнерах, а туберкулез стал национальной болезнью. Это уж как получилось, а от добра добра не ищут. Лучшее, известно - враг хорошего ...

С одной стороны, продажа МиГов Пхеньяну и демонстративно недемократические выборы-99 прямо-таки шокировали американцев, понуждают их энергично “давить” в сторону реальной демократизации режима, символом и инструментом чего могло бы служить возвращение в Казахстан Акежана Кажегельдина. С другой стороны, для них сейчас особенно важно не осложнять отношения с нашим “буферным” государством ввиду быстро оформляющегося

геостратегического союза Китай-Россия, открыто направленного против мирового доминирования США.

В принципе, нынешний казахстанский режим вполне отвечает стратегическим интересам США в данном регионе, и в этом смысле их задачи совпадают: удержать полученное. Однако американцы пока явно не определились со способами, которые для этого наиболее пригодны. И решительная демократизация при этом отнюдь не выглядит бесспорной панацеей. По всем этим причинам у нашего “стратегического партнера” сейчас налицо та же, что и у властного режима, консервативно-выжидательная позиция. Всякая же оборона, повторим, живет до активного нападающего ...

Активизация внешнего исламского фактора быстро дозревает по узбекско-кыргызским флангам. Бурлящая смесь чудовищной нищеты, межнациональных и конфессиональных противоречий, замешанная на интересах большой наркомафии и геополитики, уже в ближайшие месяцы и годы поставит Казахстан перед вызовами, для ответа на которые у него явно недостаточно собственных ресурсов.

Великому Китаю некуда торопиться. Распад СССР дал ему возможность продемонстрировать, как решать в свою пользу прежде безнадежные территориальные споры, а верховьями Иртыша и Или он распорядился и вовсе без переговоров. Слабеющий Казахстан есть как бы естественный запасник для будущих поколений того, в чем китайцы нуждаются более всего и что они умеют использовать лучше всех на свете, – земли, воды и солнца.

Россия также закончила эпоху приватизации и у этого окончания есть конкретная дата – выборы нового президента. Для развития событий в Казахстане эта веха имеет значение не меньшее, чем для самой России. Но это - отдельный разговор...

Текст 4

Александр Шубин. Мифотворчество в политическом затишье. Российское телевидение на грани столетий. Очерк II.

В отличие от книги [телевидение](#) - это постоянно набегающий поток информации. В отличие от газеты - это гигантский поток. Поэтому анализ телеэфира всегда грешит неполнотой и выборочностью. Можно потратить жизнь, поправляя все фактические ошибки, слетающие с уст телеведущих, но они все равно плодят их вдесятеро быстрее, чем могут быть написаны критические статьи. Интересен не сам факт безграмотности телеведущих, тем более, что он вполне объясним спецификой журналистского образования и комплектования кадров масс-медиа. Интересна тенденция, механизм дезинформации и ошибок, их накопления и воздействия на массовое сознание. Почему [Киселев](#) или [До-](#)

[ренко](#) упомянули такую-то тему и умолчали о связанном с ней важном факте? Решающую роль могли сыграть как "заказ" хозяев, так и их личные предрасудки журналистов. Мифы порождают мифы и возвращаются мифами. Виртуальное пространство, отрываясь от реальности, приобретает самостоятельную инерцию и структуру, все дальше отодвигаясь от реальности. Но реальность не исчезает. Более того, люди живут не только телеэфиром. Но без него они уже практически не живут. В этом проблема нас, зрителей, и их - людей из телевизионного зазеркалья, жрецов нового иррационального сознания.

Расстановка сил

В этом очерке мы хотели бы сосредоточиться на политическом мифотворчестве и манипуляциях общественным сознанием, прежде всего политическим. В качестве объекта исследования мы избрали соответствующие передачи ведущих каналов в октябре 2000 года. Этот месяц подходит нам потому, что не сопровождается активной политической игрой. Затишье. В такие затишья манипуляторы сознанием заняты не выполнением актуальных политических заказов, а работают "с любовью к искусству", не торопясь закладывают и укрепляют мифы, которые должны сработать в будущих боях. Так что октябрь (преимущественно - вторая его половина) будет использован нами как своего рода точка отсчета, отклонение от которой потом поможет нам разобраться в том, какая их муха укусила.

Рассеялся дым после августовско-сентябрьских неприятностей (сначала власти, потом медиа-олигархов). Что в остатке? Команда президента сумела установить контроль над ОРТ за счет потери качества. Выломаны целые блоки. Сотрудники делятся на тех, кто готов служить новым хозяевам, и на тех, кто занимается саботажем в пользу старого - ныне политэмигранта. На месте прежнего звериного лица ОРТ в виде Доренко теперь зияет [дыра](#). У канала лица нет, и ток-шоу "Времена", напоминающее "Национальный интерес" ТВЦ, может соперничать только с вялотекущим "Зеркалом". Само "Зеркало" в процессе перестройки в ток-шоу ничего не выиграло и не проиграло, оставаясь самой неинформативной и официозной аналитической программой политэфира. Но сами жанровые эксперименты на РТР показывают - государство осознало, что качество РТР не позволяет ему быть полноценным информационным оружием. ОРТ и РТР лихорадочно переманивают кадры НТВ. Но на государственном канале они становятся более официозными и скучными. Особенно заметна эта метаморфоза на примере Е.Ревенко. Впрочем, склонность к агрессивному манипулированию у бывших НТВ-шников сохраняется и может быть использована в бою за новых хозяев.

Оппозиционные каналы НТВ и ТВЦ после постигших их административно-финансовых трудностей стали гораздо осторожней, чем даже в сентябре. Отказ [Лужкова](#) и [Примакова](#) от активного оппонирования новой правящей группе вызвал падение интереса к политэфиру ТВЦ. В стилевом отношении ка-

нал отличается от РТР незначительно. А теперь еще и политический курс вписался в общедержавную колею. Так что ТВЦ включают прежде всего ради кино.

В условиях разрушительной перестройки ОРТ лидерство возвращается к НТВ. Каналу идет эзопов язык и имидж диссидентства на грани ареста. В результате проигравшая информационную драку 1999 года либерально-западническая команда уже в августе 2000 года умудрилась навязать другим каналам свои правила освещения августовских катастроф (конечно, благодаря поддержке поссорившейся с президентом группы Березовского). После отстранения березовцев от эфира НТВ наследует всю оппозиционную нишу, со всем достигнутым в ее рамках успехом.

НТВ знает свои возможности, но бережет их. Оно, как никогда, осторожно. ["Итоги"](#) печалятся по поводу черно-белого характера мемуаров Ельцина, но воздерживаются от их содержательной критики. ("Итоги", 15.10). Но, что у Киселева на уме, то на языке у "несерьезных" "Кукол" и "Итого". "Куклы" показывают сказку о том, как "семья" пишет [мемуары Ельцина](#), опасаясь разоблачений своих уголовных преступлений (хотя именно в октябре рассыпалось дело о заграничных счетах Ельцина). [В.Шендерович в "Итого"](#) тоже может позволить себе не утруждаться хоть какими-нибудь доказательствами, но его слова воспринимаются зрителем как информация. Шендерович пытается представить дело так, будто Ельцин откровенно лжет, рассказывая о событиях 1998-1999 годов. По поводу этих событий сформировались определенные журналистские штампы: Явлинский предложил кандидатуру Примакова на пост премьера; Ельцин в 1999 году находился в состоянии испуга. Эти штампы имеют под собой историческую основу: Явлинский был первым, кто на заседании Думы выступил в поддержку кандидатуры Примакова, после чего президент предложил кандидатуру официально; Ельцин в 1999 году имел основания опасаться прихода к власти оппозиционных сил и, подбирая кандидатуру преемника, учитывал эту угрозу. Эти события можно трактовать и с помощью вышеозначенных штампов, и с иной точки зрения - так, как это делает Ельцин. Важно, искажаются ли при этом факты. Шендерович не нашел искажения фактов, и подставляет на их место штампы по принципу "Всемирно и так известно, что это было так". А раз штамп - это факт, то и выходит, что воспоминания Ельцина вступают в противоречие со "всемирно известными фактами": "Примакова в премьеры предложил не Явлинский, а сам Ельцин", - язвит Шендерович по поводу мемуаров. (Напомним, что предлагать парламенту премьер-министра - это прерогатива президента, а не Явлинского. Так что формально Ельцин прав.) А еще Ельцин виноват в том, что не признает, будто выбрал Путина "с перепугу". Таким образом, сатирический образ "семьи" из "Кукол" тут же переносится на самого Ельцина и затверждается как общеизвестная данность. Если бы такое сказал Киселев, от него потребовали бы хотя бы аргументов. А шутам можно. Но многие телезрители не различают шутку и серьезный разговор. Ничто, сказанное в политэфире, не говорится в шутку. Но не многое при этом реально.

Комиссары абсолютизма

Ключевой вопрос всякого телевидения - это вопрос о власти. Даже не о деньгах, потому что в современных условиях власть конвертируется в деньги. В послевыборной политической ситуации происходит консолидация телересурсов в руках власти. Ключевая политическая идея "демократов": парламент всегда хуже, чем президент. Сегодняшним державным либералам сам Бог велел отстаивать этот политологический миф. Сильная, но не коммунистическая власть в моде (вернемся к этому вопросу в очерке о передачах, посвященных истории).

Наиболее явно абсолютистскую позицию нынешних державников сформулировал О.Витте: "Претендовать Думе на то, что она по определению чиста, и потому ссылаться на западный опыт совершенно неуместно" ("Пресс-клуб", 14.10). Речь идет о том, что в Западной Европе парламент контролирует исполнительную власть. А у нас нельзя. Не доросли. На Западе парламенты "чисты" (неужели в это еще кто-то верит), а у нас - нет. Такова позиция истинного либерала. Из этого им делается вывод, что Дума не должна контролировать расходование денег правительством. Таким образом, стремление оградить власть от контроля со стороны выводится не из общеавторитарных постулатов (парламент - это вообще хуже, чем диктатор), а из более привычного для интеллигенции западничества. Мы настолько не дозрели до западной демократии, что для нас, сырых, лучше абсолютизм. "Ссылаться на западный опыт совершенно неуместно". Здесь используется распространенная логическая подмена: если Дума - "не чистая дева", то исполнительная власть - "чистая". Критерием чистоты является идеальный образ западного парламентаризма. Излишне приводить примеры того, что и там парламенты "нечистые", что не является основанием ликвидации парламентского контроля за действиями правительства, особенно в бюджетной сфере.

Недостатки парламентаризма (и нашего, и западного) хорошо известны. Но из этого вовсе не следует, что исполнительная власть лучше функционирует без контроля даже со стороны "нечистой" Думы.

Бойцы идеологического фронта органически не приемлют парламентаризм. "Однако" (19.10), даже солидаризовавшись с Думой по некоторым вопросам, не может не высказать свое презрение к ней, играя на контрасте между нестройными толпами депутатов и военным строем. Да, строй сегодня милее тележурналисту. "Властители дум" надеются, что им в случае чего придется служить комиссарами, а не рядовыми.

Для укрепления абсолютистского мифа в массовом сознании используются мощные исторические мифы, выстроенные на протяжении столетий. С.Марков: президент "готов делать за нас нашу работу" ("Национальный инте-

рес 2000", ТВЦ, 14.10). Царь-работник среди отлынивающих от выполнения долга подданных. Подданным должно быть стыдно.

Царь-работник должен быть окружен достойными сподвижниками. Члены президентско-правительственной команды, особенно подвергающиеся критике (тоже несправедливой) со стороны оппозиционного НТВ, должны быть представлены героическими людьми. 21 октября ведущий программы "Зеркало" Сванидзе разыгрывает мелодраматическую сцену. Он берет вице-преьера Клебанова за колено и, пристально глядя в глаза, спрашивает: надо ли остановить операцию в Баренцевом море (операция только что началась, и вопрос звучит бессмысленно). [Клебанов в очередной раз объясняет свои мотивы](#). Затем Сванидзе благодарит, что государственный муж "не побоялся прийти к нам в студию". Можно подумать, что в студии его ждали если не террористы, то враждебно настроенные родственники погибших. Вся сцена поражает своей пафосностью, но для телезрителей сериалов именно это и нужно, чтобы поверить в какое-то особое мужество Клебанова. Это проще, чем рационально опровергать подтасовки НТВ.

Отношение НТВ к [теме "Курска"](#) - это продолжение августовской информационной войны и закрепление в сознании ее результатов. Записка капитана Колесникова позволила еще раз напомнить два тезиса, которые внушались нам в августе: если бы немедленно обратились за помощью к Западу, то удалось бы спасти часть подводников; военные и госкомиссия скрывают правду, чтобы спасти свой престиж. Не буду утверждать, что это не так. Но интересно, как НТВ это "доказывает". Сначала в репортаже "накручиваются эмоции" - интервью с женой, мистические предчувствия. Эмоции притупляют рациональный рассудок. И вот тезис: "Записка моряка оказалась страшным по силе аргументом, единственным голосом, которому можно верить". Значит, остальным голосам верить нельзя. Но голос журналиста НТВ С.Морозова не умолкает. Он комментирует: "Почти два часа было у него на составление письма. Нам известно пять строк". Фрагмент письма "разбивает слишком много официальных версий". Клебанов выступил против публикации письма в целом, так как утверждает, что моряков нельзя было спасти. В записке не сказано о столкновении с иностранной подлодкой (подтекст: следовательно, его не было). К тому же Клебанов категорически утверждал, что подводники погибли сразу. "На лодке оставались люди, ждавшие помощи". Сколько времени? Не случайно, что этот вопрос остается без ответа журналиста. Идет наложение на воспоминания августа, когда мы неделю надеялись на чудо.

Попробуем разобраться. Что конкретно опровергает "страшный аргумент". Позиция госкомиссии и лично Клебанова менялась в зависимости от поступающих данных и так и не была сформулирована категорично. Не случайно НТВ не дало цитату из Клебанова, используя свойство нашей памяти - запоминать само утверждение, но не сопровождающие его оговорки вроде "скорее всего", "наиболее вероятно". Нашли записку - новый факт. Теперь Клебанов не

возражает, что еще сутки подводники были живы. Успели бы норвежские и английские водолазы с кораблем подойти за сутки в район катастрофы и открыть люк? Это не бесспорно. Может ли записка подводника, находившегося в одном из хвостовых отсеков, подтвердить или опровергнуть версию о столкновении с другой лодкой? А откуда он может знать, почему произошел взрыв в носовом отсеке. Если кто-то на лодке и понял, что произошло, он-то точно погиб через две минуты. Так что вряд ли эта записка принесет больше сенсаций, чем сообщили официальные лица. Но доверчивые телезрители лишний раз убедятся в цинизме и эгоизме адмиралов и чиновников. Они, конечно, циничны. Но оценить степень этого цинизма и эгоизма с помощью испорченных приборов НТВ никак не удастся. Тем более, что приборы "пошаливают": исходя из того, что военные должны скрывать всю правду и не говорить ни слова правды, Киселев с удивлением комментирует мужество адмирала Куроедова, огласившего часть записки. Удивление это деланное. Е.Киселев прекрасно знает, что НТВ сознательно преувеличивало скрытность военных. Цель игры здесь - создать трещину между гражданскими и военными властями: "В результате придания гласности записке капитана Колесникова возникла совершенно другая картина гибели ракетноносца "Курск"... И все это безусловно сильный болезненный удар по прежним версиям, а заодно и по имиджу правительственной комиссии". Как мы видели, никакой принципиально новой картины аварии не возникло, просто укрепилась официальная версия августа. Киселеву важно не то, что было в отсеках, а то, что Куроедова можно противопоставить чиновникам правительственной комиссии, настроить военных против "питерской группировки". А вот если адмирала по итогам расследования аварии снимут, можно говорить о мести за честность. НТВ ведет осторожную работу по наращиванию оппозиционных настроений среди командного состава. И это - реальность политико-информационной борьбы, скрывающаяся за мифами. Ради этой реальности стоит внимательно смотреть телеэфир. Правда здесь таится в оговорках и намеках.

В целом же программы "Зеркало" и "Итоги" демонстрируют борьбу телеканалов, которая ведется не на уровне аргументов, а с помощью искусственных образов, замешанных на ложном пафосе. Несмотря на то, что этот метод действует только на часть телезрителей, а другую скорее раздражает, он показал свою достаточную для политической победы эффективность во время выборов 1999 года. Поэтому и считается признанным эффективным средством.

Поскольку НТВ использует мифы, связанные с либерально-западнической идеологией, которой еще недавно были привержены большинство тележурналистов государственных каналов, оно сохраняет идейное лидерство. То, о чем сегодня говорит НТВ, думают многие звезды ОРТ и РТР. Естественно, они нехотя опровергают мифы НТВ и с жаром их поддерживают, если поступает намек из коридоров власти, что "уже можно". Это показала позиция РТР во время октябрьских [событий в Югославии](#).

Пока позиция МИДа была неопределенной, РТР вяло соглашалось с тем, что Коштуница не может считаться легитимным победителем югославских выборов. Но вот МИД дает понять, что готов иметь дело с Коштуницей. Обозреватель А.Мамонтов ("Международная панорама", 14.10) должен выполнить важную идеологическую задачу - добить авторитет Милошевича в российском общественном мнении, настроенном в целом проюгославски. В дело пускается клише "вечный президент" применительно к Милошевичу. Но тот является президентом Югославии с 1997 года, а до этого был президентом Сербии - с 1990 года. Сербия - крупнейший регион в составе Югославии. 10 лет на двух должностях - вовсе не рекорд для современной европейской страны. Тэтчер пробыла премьер-министром Великобритании более 10 лет. Так что "вечный президент" - клише, отражающее не реальность, а тенденцию телеканала (говорить о свободной позиции тележурналиста уже давно не приходится). Далее выстраивается миф: "Югославы почувствовали себя свободными". Несомненно, что те югославы, которые поджигали здание парламента, почувствовали себя свободными. А те, которые голосовали за Милошевича и ждали второго тура? Но им не дали проголосовать во втором туре. Поскольку в ходе выборов, как в ходе любых выборов, включая американские, обеими сторонами были допущены нарушения, лидеры стран Запада присудили победу Коштунице. Опираясь на эту поддержку, одна часть югославов под угрозой гражданской войны заставила другую часть югославов смириться со сменой власти. Как доказать обратное? А.Мамонтов дает слово только одной стороне - анонимному стороннику Коштуницы. Аноним выступает от имени народа и, с точки зрения РТР, имеет на это право. Позиция РТР облегчает задачу пронатовской работе НТВ. Е.Масюк даже не нужно перестраиваться после перехода с НТВ на РТР. 30 октября она утверждает: "Все понимают, что без КФОР в Косово снова начнется жестокая война". Обратите внимание - "все понимают". Подтекст: этого не понимают только те, кто ничего не понимает в этой ситуации. Телезритель должен присоединить свое мнение ко "всем". Явный признак манипуляции. А значит, это сигнал нам с вами: "не будем поддаваться манипуляции сознанием, подумаем, каким образом возможен мир в Косово без войск НАТО".

Новые комиссары власти, лишь недавно сменившие канал, комплексуют по поводу своей новой роли. Их успокаивают, подчеркивают, как они объективны. Сами же неопиты стремятся быть святее Папы. В этом отношении типичен пример Е.Ревенко. Выступая в рекламе самого себя, он говорит: "Мне важно, что зритель видел эфир. И он его анализирует". После этого так и тянет что-нибудь проанализировать. Вот эфир "Вестей" с Е.Ревенко (2.10), который завершается специальным репортажем. Предварительно Ревенко сообщает, что американец развратил российскую деревню. От репортера, который снимал доверчивого американца, мы получаем целый чемодан компромата. Американец Бад приехал в далекую российскую деревню и начал раздавать неизвестно откуда имеющиеся у него деньги и вести религиозную пропаганду. Селяне деньги берут, пьют водку, тунеядствуют. Бад запанибрата общается с девушками. С некоторыми оставался наедине. Он женился в деревне, причем не впервые.

Другая девушка рассказывает, что Бад писал ей неприличные письма. Американский развратник, разлагающий девственный российский народ. Развратный Бад как символ нашего времени. Посмотришь такое - и лишний раз поостережешься вступить в общение с иностранцем, как в старые добрые времена. Если бы не дело Поупа, я бы даже, может быть, не понял, кому нужен этот репортаж.

В данном случае не так важно, насколько американцы виноваты в наших нынешних проблемах. Еще недавно Ревенко в стройных рядах НТВ доказывал благотворное воздействие западной культуры и ее носителей на Россию. Но репортаж о Баде порождает больше вопросов, чем ответов. В репортаже не приводится фактов о каких-то конкретных неприличных действиях Бада, даже упоминаемое неприличное письмо не показано и прямо не цитируется. Религиозная пропаганда Бада сводится к повторению библейских истин. Источник денег Бада тоже не так загадочен - американец пенсионного возраста. С его русской женой и с кем-либо, кто может сообщить что-то положительное об американце, репортеры не поговорили. Наверное, не случайно. Похоже, американец вообще не сделал ничего такого, чего не позволил бы себе обычный российский тележурналист. Если я ошибаюсь, почему в репортаже нет конкретных фактов? Просто облили грязью наивного иностранца, который делится с соседями своей пенсией. Мы имеем дело с типичной агиткой времен "холодной войны". Но это понимаешь, если эфир анализировать. Увлекательное занятие предложил нам г-н Ревенко. Анализируйте эфир, и вы увидите, насколько в нем мало реальности.

Мифостроительство и догмы

Миф - это простая картина сложных событий, созданная для подтверждения более общих мировоззренческих конструкций (религиозных, идеологических). Любое рассуждение на политические темы отчасти мифологично, ибо рассуждающий всегда идеологизирован и всегда отчасти упрощает. Но если идеи говорящего оторваны от реальности, игнорируют факты, то мы имеем дело с догмой - жесткой идеологической схемой, которая просто не может выжить без строительства мифов. Мифы отгораживают от реальности носителей догмы.

Характер догмы телеведущего и его хозяев виден почти из каждой передачи. Возьмем для примера М.Леонтьева. Его кредо: сильное государство плюс свободный рынок. Отсюда вытекает ненависть ко всему левому в политике. Напомним, что политическая левизна в современном мире - это политический спектр от коммунистов до социал-демократов и анархистов. Либералы-западники к левым не относятся. Леонтьев пытается убедить нас, что левые - своего рода источник мирового зла. Они виноваты во всем. 19 октября Леонтьев убеждает зрителя, что израильские левые виноваты в нынешнем ближневосточном кризисе. При этом симпатии манипулятора на стороне Израиля, где у власти стоит левый премьер [Э.Барак](#). Как справиться с этим противоречием? Нет ничего проще: бюрократившаяся левая верхушка плохо отстаивает инте-

ресы Израиля. А правые, выступление которых, собственно, и спровоцировало палестинцев, справятся с проблемой лучше. Почему? "Однако время".

В другой передаче М.Леонтьев сообщает, что левые - враги России. Среди этих врагов - такие левые, как французские коммунисты, левоцентристская по происхождению, но в общем вполне правая газета "Стампа" и некий "левый канал" в России. Словно жидомасонский заговор, левые разветвлены и невесть как согласуют свои антироссийские действия. Похоже, только Леонтьев способен связать воедино разные стороны этого заговора. Французские коммунисты плохо относятся к кладбищу русских эмигрантов. Когда они иногда возглавляют парижские власти, то не спонсируют этот островок русской культуры. Было бы странно, если бы они вели себя иначе в отношении белой и диссидентской эмиграции. Но Россия тут не при чем. Если бы в Париже были могилы франкистов, то коммунисты тоже вряд ли выделяли средства на такое кладбище из любви к Испании. Невесть каким боком связанная с парижскими коммунистами газета "Стампа" критикует итальянского политика Р.Проди за его взвешенное отношение к России. Россию сейчас критикуют и правые, и левые западные газеты. Социал-демократические газеты там уже давно правые. Но о правых Леонтьев стыдливо умалчивает. Забавно другое - Леонтьев умалчивает и о том, что критикуемый "Стампой" Проди недавно возглавлял левоцентристскую коалицию в Италии. Получается, что левые могут относиться к России и хорошо, и не очень. Догма дает трещину. Но дальше следует подлинная сенсация: российский "левый канал" тоже в заговоре - он требует от Путина посещения могилы Деникина, за которой так плохо ухаживают французские коммунисты. Подставляет президента. Но я даже не успел удивиться тому, что левый канал зовет Путина к Деникину, которого так не любят "враги России" из французской компартии. Здесь в голове Леонтьева все так запутано, что без опытного психолога (Леонтьев сказал бы "психиатра") не разобраться. Для меня сенсацией стали слова о существовании в России левого телеканала. Неужели в России случился такой праздник плюрализма, что каким-то левым позволили создать телеканал? Но нет, речь идет об НТВ - либерально-западнической компании, являющейся правой по всем параметрам и по самоощущению. Но Леонтьев - другой правый, НТВ - идеологический противник. Поэтому в искусственном мире Леонтьева НТВ - "левый канал". Такова догма. Она вырастает из реальности, но быстро отрывается от нее.

Если вам важно отделить в информационном потоке факты от мифов, то следует прежде всего понять, какие мифы и догмы внедряются в ваше сознание в данный момент.

Особенно интересно проделывать такую работу, если мифы сталкиваются между собой в одном потоке. Во время выборов в Курской области НТВ пришлось выбирать из трех зол: Руцкой, "КГБ" и КПРФ. С одной стороны, Руцкой не может быть для Е.Киселева положительной фигурой. В отношении этого персонажа повторяется весь набор многолетних штампов: "сентябрь 93-

го, когда мятежный парламент попытался (?!) провозгласить Руцкого президентом". "Мятежный парламент". Чем чаще повторять, тем больше людей будут считать, что не президент, а парламент совершил переворот в 1993 году. Любопытно, что первоначально "Итоги" планировали антируцкий репортаж, о чем говорит тенденциозный вопрос корреспондента к стороннице Руцкого о причине доверия к губернатору: "Потому что жена молодая?" Но народ мудрее, чем о нем думают: "Нет, потому что он руководит хорошо". Вероятно, далеко не все в области считают, что Руцкой руководит хорошо. Но это не важно. Киселев начинает говорить о Руцком с симпатией, так как генерал В.Суржиков - "один из многих генералов-чекистов", которые баллотируются в губернаторы ("Итоги", 15.10). В действительности "многие" получаются, только если заменить черточку в сочетании "генералов-чекистов" на "и": "генералов" и "чекистов". Что не одно и то же. Но если черточку убрать, то миф чекизации власти начинает распадаться, и жизни возвращается право на плюрализм тенденций и обстоятельств.

Защищая один миф, Киселев размывает эмоциональную составляющую другого (Руцкой - красно-коричневая угроза). Грубое отстранение Руцкого от участия в выборах оказалось в этом отношении сущим подарком для НТВ. Теперь можно играть на жалости к Руцкому, демонстрировать объективность (Руцкой - наш противник, но всякий порядочный человек возмутится). Последовавший провал Суржикова (и администрации), многократно повторенные НТВ заявления нового губернатора Михайлова о совместной с Путиным антисионистской борьбе стали настоящим провалом администрации в информационном поле, который дал ноябрьскому НТВ богатую пищу для злорадных комментариев. Миф, запущенный Михайловым, хорошо лег на догму НТВ.

Важная задача НТВ - показать общероссийский характер курской эпопеи. Принимая пас от "Новой газеты", "Итоги" оглашают план администрации по отстранению губернаторов по курскому образцу. Одна незадача - документы не подписаны. Как человек, работавший в государственном аппарате, я знаю, сколько разнообразных проектов готовится в его недрах разными доброжелателями. В бумаге обязательно предусмотрено место для подписи начальника. Но в большинстве случаев эта подпись так и не ставится, после чего бумага отправляется в мусорную корзину, откуда вполне может попасть в редакционный портфель. Так что если план из ["Новой газеты"](#) так и не вступит в действие, НТВ не должно приписывать себе славу спасения губернаторов от расправы.

Значит ли все это, что вопреки утверждению "Итогов" степень авторитаризма власти не растет? Несомненно одно - НТВ сознательно преувеличивает глубину и темпы этого процесса. Несложно понять почему.

Обнаружив миф, не будем делать вывод о правильности противоположной точки зрения. Тогда мы окажемся в ловушке важного средства манипуляции сознанием - черно-белого мышления, когда две клики манипуляторов, па-

суя друг другу, устанавливают монополию на сознание по принципу выбора в рамках ограниченного набора возможностей.

Оборотной стороной догмы является табу на упоминание некоторых тем. Есть информация, которую журналисты просто не знают, как комментировать. Поэтому о СМИ можно судить не только по тому, о чем они говорят, но и по тому, о чем молчат. В октябре такой темой было историческое событие: экологическая общественность собрала 2,5 миллиона подписей за проведение референдума по поводу запрещения ввоза в страну радиоактивных отходов и восстановления распущенных Путиным природоохранных структур. В России еще не было инициированных общественностью референдумов, и "зеленые" решили проверить, работает ли этот конституционный механизм. Их поддержало 2,5 миллиона граждан (по закону достаточно двух миллионов). Избирком ведет мужественную борьбу за то, чтобы референдум все же не состоялся. Но если об этом узнает народ, то под угрозой останется множество догм (о демократии, о силе экологического движения и важности экологических проблем, о гражданской активности населения и др.). При всех разногласиях между ведущими телеканалами, им вовсе не нужно вмешательство в их игры "третьей силы" в лице общественных организаций. Коллективное молчание СМИ показывает, что их монополизм порождает фактическую цензуру.

Нет ничего более далекого от реальности, чем утверждение программы "Подробности" (РТР, 23.10): "У телевидения нет предпочтений". Иногда телекомментаторы полусерьезно проговариваются, что сами понимают это. Самокритичный Шендерович устами "зоолога" говорит о своих коллегах-"щелкоперусах": "А те, кто не продается, стоят очень дорого". В.Молчанов с грустью признается в "Старом телевизоре" (НТВ, 17.10): "Журналистика не предполагает искренности, честности".

Что делать нам в этой ситуации? Для начала я предлагаю вам играть в общую игру. Включаете телевизор и начинаете ловить их за руку - когда они лгут прямо или косвенно, подменяют понятия, умалчивают о том, что не укладывается в их схему. Какие они укрепляют мифы и догмы? Зачем? Чем это нам грозит? Есть ли возможность действовать иначе, чем требует от нас телевидение?

Текст 5

Валерий Каждая. Смерть вождя. Диагноз: убийство?

Ничто не предвещало ужасного конца: 27 февраля Сталин смотрел в Большом театре «Лебединое озеро». Зал, как всегда, был набит битком, но зрители даже не подозревали о присутствии Вождя. Он сидел в глубине импера-

торской ложи (или, как стали ее называть в советское время, - «правительственной») и наслаждался в полном одиночестве музыкой и балетом.

Следующий вечер Сталин тоже посвятил культмероприятию, на этот раз просмотру фильма в Кремле, после чего сразу же уехал к себе на Ближнюю дачу. Она была построена в 1931 году. Место для нее выбрали в высшей степени удачное – в Кунцеве, буквально в пяти минутах езды от Мемориального комплекса на Поклонной горе. Правда, в то время никакого комплекса еще не было и в помине, а было село Волынское, в котором проживали всего 47 человек. Лишь в 1960-м году его включили в черту Москвы, но и сейчас, несмотря на то, что оно находится нынче, можно сказать, в гуще города, место это по-прежнему глухое, для простого смертного недоступное. Благодаря сталинской даче (теперь государственной) сохранился в первоизданном виде и густой бор.

После самоубийства жены Надежды Аллилуевой в ночь на 8 ноября 1932 года Сталин, сохраняя за собой кремлевскую квартиру, практически постоянно жил на Ближней даче. С Кремлем ее связывала так называемая правительственная трасса: от Боровицких ворот через Арбат по Кутузовскому проспекту, - если без помех (а какие могли быть для Сталина помехи?), на высокой скорости – всего 15-20 минут езды, и из душного города Вождь попадал на свежий воздух.

Сталин обычно просыпался в 11 – 12 утра, сам брился, легко завтракал и уезжал в Кремль. Но 1 марта 1953 года было воскресенье, по воскресным дням Вождь, как правило, оставался на даче. «Я ожидал, что раз выходной день, Сталин нас обязательно вызовет, - наговорил потом на диктофон свои воспоминания Никита Сергеевич. – Поэтому я долго не обедал. Нет и нет звонка. Уже было поздно, а я все дома. Разделся и даже лег в постель...»

А на даче в это время творился настоящий переполох. В 10 утра Хрусталева сменил Михаил Старостин, на кухне стали готовить завтрак для Сталина, но наступил полдень, потом два часа, четыре, а Сталин все спал. И только в шесть вечера зажегся свет в его комнате. И... снова никакого движения. А войти никто не решался, без звонка Сталина входить к нему никто не имел права.

В 10 вечера привезли пакет из ЦК. Почту передавать входило в обязанности Лозгачева. Преодолевая страх (вызова-то так и не поступило), вошел он в малую столовую, а там на полу навзничь Сталин, правую руку поднял и что-то невнятно мычит: «Дэ... дэ...». Лозгачев немедленно позвал на помощь остальных охранников, и обмочившегося, разбитого параличом Сталина перенесли в большую столовую, переодели, укрыли пледом.

Дальше началось нечто совершенно необъяснимое. Старостин тут же позвонил министру госбезопасности С. Игнатьеву, в непосредственном подчинении которого находилась охрана Сталина. Тот велел позвонить Берия. Тоже

удивительно: не сам поднял тревогу, а велел сделать это Старостину., простому охраннику. Дозвонились, однако, лишь до Маленкова. Тот ответил что-то невнятно и положил трубку, но через час позвонил уже сам и сказал: «Берию я не нашел, ищите его сами». И только еще через час позвонил наконец Лаврентий Палыч и дал Старостину строгое указание: «О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите».

Наконец в три часа ночи приехала «сладкая парочка» - Берия с Маленковым, они были «не разлей вода» и по существу заправляли в Политбюро, а следовательно, в правительстве.

«Берия, задрал голову, поблескивая пенсне, прогромыхал в зал к Сталину, который по-прежнему лежал под пледом вблизи камина, - подробно описывает ситуацию Лозгачев. – У Маленкова скрипели новые ботинки. Он их снял в коридоре, взял под мышку и зашел к Сталину. Встали поодаль от больного Сталина, который по роду заболеваемости захрипел. Берия: «Что, Лозгачев,водишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и не беспокой». Постояли соратники и удалились, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен... (Каковы, однако, сталинские выкормыши! Человека нашли без сознания, а они делают вид, что ничего не поняли. Нет, не такие они были дураки, все отлично они понимали. – В.К.) Снова я остался один у больного Сталина. Каждая минута тянулась не менее часа. Часы пробили 4, 5, 6, 7 утра, а медпомощи и признаков не видно. В 7.30 приехал Н. Хрущев и сказал: «Скоро приедут врачи». В 9 часов 2 марта прибыли врачи...»

Маленков и Берия не были полностью уверены, что Сталин умирает наверняка, что врачи, если их вызвать немедленно, не вытянут Вождя из могилы. И потому не вызвали.

Врачи приехали только в 9 часов утра 2 марта! Академика же Мясникова привезли и вовсе поздно вечером того же дня. Спустя сорок два года он публикует свои заметки: «Как выглядел Сталин? Коротковатый и толстоватый, лицо перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал...» И лишь утром следующего дня наконец состоялся консилиум. Вердикт был единодушный: смерть неизбежна. Итак, пораженный инсультом Сталин пролежал без сознания и без медицинской помощи меньшей мере 14 часов! Разве это уже не есть умышленное убийство?!!

С момента, когда Лозгачев обнаружил лежавшего на полу Сталина, прошло не менее 14 часов. Мучительная агония продолжалась еще трое с половиной суток. Смерть наступила 5 марта в 21.50. И, как пишет в своих воспоминаниях Светлана Аллилуева, «Берия первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все стояли молча, послышался его громкий, не скрывающий торжества голос: «Хрусталева, машину!» И круглолицая, курносая Валечка Истомина

грохнулась на колени около дивана, упала головой на грудь и заплакала в голос».

Валентина Истомина служила на даче горничной с 1935-го, а фактически была гражданской женой Сталина. Она убирала его комнату, гладила брюки и китель, стирала белье и сорочки, подавала еду, но даже и она без вызова не смела входить к Хозяину.

Светлана Аллилуева, когда писала свои знаменитые «Двадцать писем к другу», еще ничего не знала о той роли, которую этот «прикрепленный» сыграл в те роковые часы, когда отправил спать охрану якобы по приказу Сталина. Но фамилию она запомнила. Почему Берия позвал именно Хрусталева? Да потому, что это был ЕГО человек, это он «прикрепил» его к Сталину, когда стал исподволь менять охрану Хозяина. По наущению Берия Сталин отправил в тюрьму в 1950 году Власика, бывшего у него начальником охраны почти двадцать лет, заменил верного своего цепного пса Поскребышева на бериевского ставленника Малинина и т.д. и т.п.

И тем не менее это всего лишь домыслы, косвенные улики. Но вот недавно всплыла еще одна улика, однозначно подтверждающая версию о насильственной смерти Сталина. Александр Фурсенко, академик – секретарь отделения истории РАН, получил доступ к личному фонду Сталина, правда, не ко всему, а лишь к части его, в которой среди прочих документов находится история болезни и смерти хозяина. И вот к какому выводу пришел ученый.

«Отпечатанное на 20 страницах машинописного текста и подписанное всем составом консилиума, заключение отличается от рукописных подробных записей предшествующих заболеваний. Документ не датирован, но на его черновике стоит дата – июль 1953 г., т.е. 4 месяца спустя после смерти Сталина, что само по себе заставляет усомниться в его полной достоверности. Как следует из текста заключения, оно было составлено на основе рукописного медицинского журнала, который велся на протяжении 2 – 5 марта. Но журнал отсутствует в деле о болезни Сталина (выделено мной. – В.К.), и, как сообщили автору этих строк компетентные лица, его вообще уже нет в природе. Иными словами, медицинский журнал, видимо, уничтожен. Правда, сохранились некоторые «черновые записи лекарственных назначений и графики дежурств во время болезни И.В. Сталина 2 – 5 марта 1953 г.» на отдельных листочках, которым предшествует вырезанная из папки картонная обложка озаглавленного таким образом бывшего дела в истории болезни Сталина. Причем из двух десятков листочков таких записей, судя по первоначальной их нумерации, затем зачеркнутой, в деле не хватает первых несколько страниц (выделено мной. – Авт.), по которым можно было бы судить, когда, в какой день и час началось лечение... Наконец, на вырезанной крышке картонной папки, озаглавленной «Черновые записи», значится том X, что свидетельствует о том, что в истории болезни Сталина были еще девять томов (выделено мной. – Авт.). Какова их судьба –

тоже неясно. Все это вызывает недоуменные вопросы, позволяя предположить, что черновые записи и медицинский журнал содержали данные, не укладываемые в официальное заключение. По-видимому, на каком-то этапе медицинский журнал и часть черновых записей были сознательно изъяты».

Само за себя говорит многое в темной и запутанной истории смерти Сталина. Но слова к делу не подошьешь, остается только предполагать. Из странного доклада академика можно сделать предположение, что медицинское заключение о болезни Сталина, переданное по радио в 6.30 утра 4 марта, не отвечало или отвечало, но не полностью, истинной причине трагедии...

Это всего лишь версия. Но косвенные улики, собранные воедино, в совокупности позволяют утверждать, что налицо было убийство. Любой суд пришел бы к такому выводу.

Текст 6

Михаил Калишевский. Аллергия на «оранжевое».

Официальная Россия ведет себя сейчас примерно так же, как чрезвычайно амбициозный человек, потерявший чувство реальности и не желающий понимать, что все его амбиции – так, одно воспоминание. Когда у него ничего не получается, он не желает задуматься, почему ничего не получается, и лишь ищет на ком бы сорвать злобу, с тупой упертостью продолжая грозить, запугивать, врать и устраивать всевозможные гадости. Такой вот отставной ветеран ЧК-НКВД-КГБ—ФСБ, очень вредный и противный старикашка с нехорошим прошлым, который по-прежнему мнит себя значимой персоной, регулярно таскается на краснознаменные сборища таких же выживших из ума пенсионеров, постоянно вызывает дух «отца и учителя» воплями «Сталина на вас надо!» и «готовит списки» на всевозможных изменников.

Никакого духа он, конечно, не материализует, но отравить жизнь окружающим может очень здорово. А то и спровоцировать весьма серьезные и даже кровавые неприятности. В конце концов, такого старикашку, безусловно, избличат и сметут, только вот цена за это может получиться очень высокой.

Впрочем, за ценой подобные персонажи, как правило, не стоят. Взять ту же Украину. Когда со всей очевидностью выяснилось, что топорно сработанный политтехнологами типа Павловского и Маркова сценарий воцарения в Киеве продукта симбиоза «рецидивиста и чекиста» оказался в том самом сортире, где Путин обещал замочить террористов, вроде бы надо было остановиться и подумать. Так нет – словно по команде, и, скорее всего, именно по команде, причем не обязательно по команде Януковича, восточно-украинская партохозноменклатура, чья «совковость» видна невооруженным взглядом, так как «совковость» эта давно стала антропологическим признаком, разом запела

«Вставай, страна огромная!» и стала грозить Киеву отделением. Естественно, при явном благорасположении Москвы к такой форме реализации «права на самоопределение».

Причем никого не должно смущать, что официально Кремль никак не выразил свое отношение к откровенно сепаратистскому шантажу – достаточно было десанта во главе с давним борцом за «российский Крым» Юрием Лужковым, произносившим зажигательные речи, и когорты думских депутатов, высадившихся в Донецке и Луганске. Приемчики, в общем-то, старые и кроваво опробованные в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. А если заглянуть подалее в историю, то можно вспомнить и о Судетской области Чехословакии 1938 года и о том, чем все в конечном итоге тогда кончилось. Правда, на Украине реализовать такой сценарий будет очень не просто. И не только потому, что за всевозможные «аншлюсы» можно очень здорово получить по шее от Запада.

При всем том, что между западом и центром Украины с одной стороны, и востоком и югом с другой, действительно существует большая разница, возводить ее до уровня непреодолимой пропасти было бы явным преувеличением. Те же Ющенко и Тимошенко – выходцы с востока, а не с запада (первый из Сум, вторая – из Днепропетровска), и за Ющенко на востоке тоже голосовало немало людей. (Другой вопрос, что это голосование в силу известных причин не отразилось в избирательных протоколах.) Как показала беспримерная и вдохновляющая эпопея последних дней, на Украине достаточно людей, неважно, греко-католиков или римо-католиков, православных Московского патриархата или православных-автокефалистов, украинцев или русских, которые готовы неделями стоять на морозе, чтобы добиться для своей родины свободного, европейского, демократического будущего, а не холопского прозябания под властью «азиатской» бюрократическо-криминальной банды.

Вот это—то и страшит российскую бюрократию, стремящуюся любой ценой предотвратить распространение «оранжевой заразы» в подвластную ей обветшавшую метрополию. Отсюда заполошные крики о невозможности «отдать Украину», как будто Украина изначально принадлежит этим «хозяевам жизни», а не украинским гражданам. Отсюда попытки провести разделительные линии, отсюда и поощрение сепаратизма «социально близкой» номенклатуры, нагнетание мифов о злобных «бандеровцах» и бездарные, выдержанные в худших традициях холодной войны обличения «происков НАТО», «польско-американского заговора» и так далее. Дело дошло до того, что даже кучмовский МИД Украины был вынужден протестовать против высказываний российских политиков, «особенно таких, которые могут привести к обострению ситуации в стране и использоваться для разжигания сепаратистских настроений».

Порой создается впечатление, что в Кремле просто потеряли голову и мечутся из угла в угол, только бы еще кого-нибудь укусить, обругать, еще где-нибудь надавить и добиться-таки своего во что бы то ни стало и несмотря ни на что. Мало Украины, так надо наехать еще и на Молдавию, выражая «недоумение» в ответ на протесты молдавского МИДа из—за хамоватого заявления посла РФ в Кишиневе Николая Рябова. (Ранее прославившегося, кстати, анало-

гичными заявлениями в бытность послом в Праге, после чего Чехия отказалась от поставок российского газа.) Все это выглядит настолько несуразно, что, например, введение «мандариновой» и железнодорожной блокады Абхазии невольно порождает подозрения: запрет на ввоз в Россию абхазских citrusовых объясняется исключительно аллергией Кремля на оранжевый цвет. Но, конечно же, не в аллергии дело – это даже не политическая логика, а логика бандитская, типичный наезд «крыши» на «комерсов»: мы вас крышуем конкретно, а вы хвост не по делу подымаете (избрав Багапша). Ну, и умойтесь со своими мандаринами!

Такой непотребный беспредел возмутил даже проверенного «державника» и имперца Сергея Бабурина, который заявил на днях в эфире «Эха Москвы»: «Действия тех, кто остановил поезда, перемещение на территорию Абхазии продовольствия и запретил провозить мандарины на территорию России не просто экономическая блокада граждан России, живущих в Абхазии, а нечто совершенно беспрецедентное для нашей сегодняшней жизни. Абсолютное большинство населения Абхазии проголосовало за Сергея Багапша, его избрание подтверждено также Верховным судом, одобрено парламентом и поддержано старейшинами».

Да кого волнует, что какие-то абхазцы выбрали Багапша, а какие-то абхазские инстанции этот выбор утвердили, если Багапш Кремлю неугоден. С этим разберется очередной «десант», на этот раз милицейско-прокурорский в лице замминистра МВД РФ и замгенпрокурора. Правда, возникает вопрос: а какое право имеют российские чиновники с чем—то или с кем—то разбираться на территории другого государства и чем все это может закончиться? Впрочем, уже сейчас ясно, что закончиться может плохо.

Однако в Москве, судя по всему, об этом не очень заботятся. Видимо, в очередной и уже который раз надеются, что все можно «разрулить» демагогией, шантажом и угрозами. Хотя нельзя полностью отказать Кремлю в предусмотрительности. Недаром усиленно возводится вторая линия обороны против «оранжевой угрозы», уже внутри России. Такой линией, похоже, должен стать закон о «Режиме террористической опасности», внесенный недавно в Думу. По этому закону любой федеральный или региональный «борец с терроризмом» сможет ввести такие ограничения гражданских прав и свобод, что не только акции, подобные «оранжевым» выступлениям в Киеве, станут невозможными, но даже робкие протесты против задержки зарплаты можно будет запросто запретить.

Но запретить ведь еще не значит предотвратить.